

И. Н. АНТЮФЕЕВА

**Л. Н. ТОЛСТОЙ В РАБОТЕ НАД РОМАНОМ
„ВОЙНА И МИР“**

(Смоленские главы. Источники и творческая история)

Смоленск 1991

Министерство образования РСФСР
Смоленский государственный педагогический институт
имени Карла Маркса

И.Н. Антифеева

Л.Н. ТОЛСТОЙ В РАБОТЕ НАД РОМАНОМ
"ВОЙНА И МИР"

(Смоленские главы. Источники и творческая история)

Учебное пособие

Автор И.Н.АНТЮФЕЕВА, кандидат филологических наук, доцент

В пособии освещена творческая история смоленских глав романа Л.Н.Толстого "Война и мир", в которых изображается соединение в Смоленске в 1812 году двух западных армий, смоленское сражение, отступление русских войск по смоленской земле, прибытие главнокомандующего Кутузова в цареву-Займище, партизанское движение. Рассматривается использование Толстым исторических источников. На материале сравнительного анализа первой завершенной редакции, черновых вариантов и окончательного текста показано, как работал Толстой над своим великим произведением.

Пособие может быть использовано в спецкурсе по Толстому, а также в работе смоленских краеведов.

Печатается по решению редакционно-издательского совета Смоленского государственного педагогического института имени Карла Маркса.

Научный редактор В.С.БАЕВСКИЙ, доктор филологических наук, профессор

Р е ц е н з е н т ы:

Н.А.МИЛОНОВ, доктор филологических наук, профессор (Тульский пединститут);
кафедра русской литературы Куйбышевского пединститута;
кафедра литературы Смоленского пединститута.

© Смоленский государственный педагогический институт им. К.Маркса, 1991

ПРЕДИСЛОВИЕ

Почти семь лет (с февраля 1863 по декабрь 1869 года) "с мучительным и радостным упорством и волнением" работал Толстой над романом-эпопеей "Война и мир".

Рукописный фонд "Войны и мира" составляет свыше пяти тысяч листов. Он давно привлекал внимание исследователей, пытавшихся раскрыть творческую историю романа. В полном собрании сочинений Толстого публиковались варианты к отдельным главам и сценам окончательного текста произведения¹. Но приводились они вне контекста и не давали полного представления о ходе творческой работы автора. Затем рукописи Толстого были тщательно изучены Э.Е.Зайденшнур. В монографии "Война и мир" Л.Н.Толстого. Создание великой книги" (М., 1966) она выделила в работе Толстого несколько этапов. Первый этап: поиски начала (февраль 1863 – первые месяцы 1864 года). Именно в это время в процессе поисков начала замысел романа "из истории 12 года" изменился: начало действия отодвинулось к 1805 году. Второй этап: создание первой завершенной редакции (1864 – начало 1867 года). В 1865 году Толстой начал печатать написанные части в журнале "Русский вестник". Были опубликованы две части романа под названием "Тысяча восемьсот пятый год". Но подготовка написанных глав к печати требовала много времени и сил, и Толстой прекратил публикацию еще не завершенного полностью романа. После этого как бы на едином дыхании, без остановок, возвращений назад создается первая редакция всего романа. Она была выделена в рукописях романа Э.Е.Зайденшнур – тысяча восемьсот листов, исписанных с обеих сторон. Сейчас эта первая завершенная редакция "Войны и мира" опубликована – более 700 страниц². Закончив роман полностью, Толстой приступил к отделке этой первой редакции, к подготовке ее к печати. Это и составило третий этап его работы (1867 – декабрь 1869 года). Она была очень упорной, напряженной и кропотливой. Забыв об отдыхе, преодолевая утомление, сопровождавшееся частыми головными болями, писатель настойчиво стремился к

¹ См.: Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений. Юбилейное издание: В 90 т. М.: Гослитиздат, 1928–1958. Т. 13, 1949; т.14, 1953; т. 15, 1955. В дальнейшем все ссылки на Толстого даются по этому изданию. В тексте указываются том и страница.

² См.: Литературное наследство, т. 94. М.: Наука, 1983. В дальнейшем сокращенно: ЛН и страницы.

завершению своего труда и к достижению в нем высокого художественного совершенства.

Вместе с темой войны 1812 года в роман вошла тема Смоленского края. Около ста раз на его страницах упомянуты Смоленск и другие населенные пункты Смоленской губернии. И не просто упомянуты. Эпизоды: соединение в Смоленске двух западных армий, обстрел города и занятие его неприятелем, отступление русских войск по смоленской земле, прибытие Кутузова, назначенного главнокомандующим, в Царево-Займище, партизанское движение, сражение под Красным — являются одними из важнейших в эпопее.

Когда читаешь смоленские страницы "Войны и мира", удивляешься тому, как хорошо Толстой знал и местоположение Смоленска, его предместья, дороги, достопримечательности, и события, разыгравшиеся на его земле во время наполеоновского нашествия. Писатель словно бывал в Смоленске, настолько достоверно и зримо показывает он город и его окрестности. Достичь этой зримости и достоверности ему позволило углубленное знакомство с историческими источниками и кропотливая творческая работа.

В нашем распоряжении книги, которыми пользовался Толстой, первая завершенная редакция романа, окончательный его текст и черновые редакции и варианты. Изучение этого материала интересно не только в краеведческом, но и в общелитературоведческом плане, ибо он на примере нескольких эпизодов знакомит с тем, как работал Толстой над своим великим произведением.

Глава первая

РАБОТА ТОЛСТОГО НАД ИЗОБРАЖЕНИЕМ
СМОЛЕНСКОЙ ЭПОПЕИ 4-5 АВГУСТА 1812 ГОДА
(т. III, ч. II, гл. I-IV)

I. В поисках исторических источников

Исследователь Н.Н.Арденс, одним из первых обратившийся к изучению работы Л.Н.Толстого над историческими источниками, справедливо пишет: "... Под слоем всех художественных вымыслов в "Войне и мире" лежит твердый пласт точного исторического знания..."¹

Известно, что приступив к работе над "Войной и миром", Толстой неустанно искал исторические материалы. Он обращался с просьбой о добывании этих материалов к своим близким и знакомым – А.А.Толстой, А.Е.Берсу, к историку М.П.Погодину, к библиотекарю Чертковской библиотеки в Москве и издателю "Русского архива" П.И.Бартеневу, его помощнику по библиотеке Н.П.Петерсону, к С.М.Сухотину, профессору С.В.Ешевскому, профессору Н.А.Попову и многим другим. Все они охотно помогали Толстому. Ему удалось приобрести немало исторических материалов. В Ясной Поляне создавалась целая библиотека исторических книг. Со многими источниками Толстой знакомился в различных библиотеках и архивохранилищах – в Румянцевской публичной библиотеке, в Чертковской библиотеке, в архиве дворцового ведомства. Писатель перевернул десятки тысяч страниц исторических книг и мемуаров. Он изучил трехтомный труд генерал-майора М.Богдановича "История Отечественной войны 1812 года, по достоверным источникам", четырехтомное "Описание Отечественной войны" генерал-лейтенанта А.Михайловского-Данилевского, "Записки о 1812 годе первого ратника московского ополчения" С.Глинки, "Письма русского офицера" Ф.Глинки, "Записки" А.Ермолова, "Дневник партизанских действий" Д.Давыдова, сочинения французских историков Тьера, Бергарди, мемуары наполеоновских генералов, адъютантов, французских чиновников и государственных деятелей – Раппа, Сетюра, де-Боссе и многое другое². Кроме того, у Толстого образовался целый архив

¹ Арденс Н.Н. (Н.Апостолов). Творческий путь Л.Н.Толстого. М.: АН СССР, 1962. С. 157.

² Перечень использованных Толстым исторических и мемуарных сочинений см. в книгах: Апостолов Н.Н. Лев Толстой над страницами истории. М., 1928. С. 32-34; Зайденшнур Э.Е. Список книг, которыми пользовался Л.Н.Толстой во время писания "Войны и мира" // Тол-

документальных материалов по интересующей его эпохе ¹.

Чтение исторической литературы давало писателю живое ощущение прошлого, будило его творческое воображение и исследовательскую мысль, позволило создать достоверную и многогранную реалистическую картину жизни русского общества в знаменитую эпоху 1805-1820 годов.

Почти во всех исторических материалах, с которыми знакомился Толстой в процессе работы над "Войной и миром", так или иначе, а подчас и очень обстоятельно, раскрывались события, происходившие в 1812 году на смоленской земле. Как же использовал Толстой этот материал?

II. Работа над философско-историческим введением

Смоленская эпопея в окончательной редакции романа изображается во второй части третьего тома (главы I-IV). Здесь, как справедливо заметила исследователь творческой истории "Войны и мира" Э.Е.Зайденштур, повторяется укрепившаяся композиция: сначала авторское рассуждение, потом краткий обзор событий за данный период и затем само действие" ².

Авторское рассуждение, открывающее вторую часть третьего тома романа, является по своему характеру философско-историческим. В его основе лежит излюбленная мысль Толстого об огромной роли в человеческой жизни, истории, в ее движении стихийного, бессознательного начала. По своему содержанию это отступление близко рассуждению, которым открывается весь третий том. А.А.Сабуров пишет: "Как в симфонии несколько частей могут начинаться одним мотивом, получающим несколько разработок, так и в романе несколько частей могут служить для художественной разработки одной идеи" ³.

Толстой полемизирует с авторами французских и русских исторических сочинений, которые считали, что и французское и русское ко-

стой Л.Н. Полн. собр. соч. Т. I6. М., 1955. С. 141-145; Мышковская Л.М. Мастерство Л.Н.Толстого. М., 1958. С. 122-124; Арденс Н.Н. (Н.Апостолов). Творческий путь Л.Н.Толстого. М., 1962. С.156-157.

¹ Материалы для романа "Война и мир". - Государственный музей Л.Н.Толстого в Москве. Отдел рукописей.

² Зайденштур Э.Е. "Война и мир" Л.Н.Толстого. Создание великой книги. М.: Книга, 1966. С. 118.

³ Сабуров А.А. "Война и мир" Л.Н.Толстого. Проблематика и поэтика. М.: Изд. Московского ун-та, 1959. С. 456.

мандование в 1812 году действовало, руководствуясь продуманными планами. "Все факты, — пишет Толстой, — совершенно противоречат таким предположениям. Не только во все время войны со стороны русских не было желания заманить французов в глубь России, но все было делается для того, чтоб остановить их с первого вступления их в Россию, и не только Наполеон не боялся растяжения своей линии, но он радовался, как торжеству, каждому своему шагу вперед и очень лениво, не так, как в прежние свои кампании, искал сражения" (II, с. 101). Толстой здесь не называет имен историков, с которыми ведет полемику. Но ясно, что это французский историк Тьер, считавший, что среди военачальников, окружавших императора Александра, была группа, выдвигавшая план отступления и заманивания Наполеона в глубь страны. Осуществление этой идеи отступления Тьер видел в плане генерала Пфуля. Из русских — это М. Богданович, который в своей "Истории отечественной войны" перечисляет целый ряд оперативных планов, составленных еще до начала войны, — планы Д'Алонвиля, Толя и др., в которых главной была идея отступления. Полемику со сторонниками идеи преднамеренных и заранее продуманных действий русских и французов, Толстой утверждает: "Факты говорят очевидно, что ни Наполеон не предвидел опасности в движении на Москву, ни Александр и русские военачальники не думали тогда о заманивании Наполеона, а думали о противном. Завлечение Наполеона в глубь страны произошло не по чьему-нибудь плану (никто и не верил в возможность этого), а произошло от сложнейшей игры интриг, целей, желаний людей — участников войны, не угадывавших того, что должно быть, и того, что было единственным спасением России. Все происходит нечаянно" (II, с. 101-102).

Л. М. Мышковская убедительно показала, что подтверждение этих своих мыслей Толстой нашел у Бернгарди, который в свою очередь использовал Клаузевица¹.

Теодор Бернгарди (1802-1887) долго жил в Петербурге, хорошо владел русским языком. Ему принадлежит четырехтомный исторический труд, посвященный К. Ф. Толю, который в начале войны 1812 года служил в главной квартире Барклая, а потом — при Кутузове. Сочинение Бернгарди заинтересовало Толстого обилием материала, детальностью изображения исторических событий. Оно есть в Яснополянской библиотеке писателя. В нем разрезаны страницы первых двух томов, посвященных событиям 1805-1813 годов. Не со всем у Бернгарди Толстой

¹ Мышковская Л. М. Мастерство Л. Н. Толстого. М., 1958. С. 178-185.

был согласен. Писатель не принял тенденцию историка преувеличивать роль немца Толя и недооценивать историческую роль Кутузова. Но все-таки он пользовался этим трудом как историческим источником. Более того, он нашел у Бернгарди подтверждение своей идеи о роли бессознательного, стихийного начала в истории. В толковании Бернгарди хода событий 1812 года "Толстой, пишет Л.М.Мышкова, увидел нечто, что вполне соответствовало его собственным воззрениям. Это было своеобразное подкрепление фактами его собственных тенденций и взглядов. Можно сказать, что в этом толковании хода событий Толстой нашел то, что искал" ^I.

Это философско-историческое рассуждение, в котором семь раз упомянут Смоленск, возникло в первой редакции. Готовя роман в печать, Толстой сохранил его основную идею, но изложение и доказательства подверг изменениям.

Первоначально рассуждение начиналось броской фразой, в которой сразу же высказывался взгляд автора на роль исторической необходимости: "Что должно было совершиться, то должно было совершиться" (ЛН, с. 627). До окончательного текста эта фраза не дошла. Толстой исключил и другие места, особенно те, которые представляли собой развернутые сравнения и, усложняя повествование, отвлекали от главной мысли.

Например:

Первая завершенная редакция
Лошадь, поставленная на покато-
е колесо рушники, думает, что
она совершенно свободно, произ-
вольно ступая с левой или пра-
вой ноги, поднимая и опуская
голову, идет потому, что ей хо-
чется взойти наверх, так точно
думали все те неперечислимые
лица, участники этой войны, ко-
торые боялись, тщеславились,
горячились, негодовали, думая,
что они знают, что они делают,
а все были только лошадьми,
мерно ступавшими по огромному
колесу истории, производившими

Окончательный текст

Они боялись, тщеславились, ра-
довались, негодовали, рассу-
ждали, полагая, что они знают
то, что они делают, и что де-
лают для себя, а все были не-
произвольными орудиями истории

^I Мышкова Л.М. Указ. соч. С. 180.

скрытую от них, но понятную для нас работу (ЛН, с. 627).

и производили скрытую от них, но понятную для нас работу (II, с. 99).

Толстой исключает ссылку на Никитона, Сократа, Гомера, на Вольтера и Варфоломеевскую ночь. Исключается полемика с невидимым оппонентом по вопросу "Есть у меня свобода воли? Это старое столь дорогое мне понятие, или нет его, и все, что я делаю, совершается по законам неизбежным" (ЛН, с. 628). Создается впечатление, что первая редакция — это конспект размышлений автора. Окончательная редакция тщательно отделана, стала более лаконичной и четкой по мысли. Интересно проследить, как Толстой добивается ясности мысли, как он расставляет нужные акценты. Он это делает, не только исключая большие куски как бы предварительных размышлений, но и отделяя то, что он оставляет из первой редакции. Например:

Первая завершенная редакция
Теперь нам ясно, что было причиной успеха 12-го года.
Я думаю, никто не станет спорить, что успех зависел от заманения Наполеона в глубь России, от сожжения городов и возбуждения ненависти к врагу (ЛН, с. 631).

Окончательный текст
Теперь нам ясно, что было причиной гибели французской армии. Никто не станет спорить, что причиной гибели французских войск Наполеона было, с одной стороны, вступление их в позднее время без приготовления к зимнему походу в глубь России, а с другой стороны, характер, который приняла война от сожжения русских городов и возбуждения ненависти к врагу в русском народе (II, с. 100).

Мы видим, что, если в первой редакции ставился вопрос о причине успеха русских, то в окончательной говорится о причине гибели французской армии. Отвечая на этот вопрос, Толстой исключает выражение "я думаю", придающее субъективную окраску размышлению. Говоря, как и первоначально, о двух причинах гибели французской армии он теперь выделяет их выражениями "с одной стороны", "с другой стороны" и формулирует полнее и четче. Особое внимание привлекает то, как в окончательной редакции писатель формулирует вторую, главную, причину неудачи французов. Не просто "сожжение городов и возбуждение ненависти к врагу", как было раньше, а "характер, который приняла война от сожжения русских городов и воз-

намерение быть у него. От сего свидания зависело весьма многое. Во время отступления случались недоразумения между обоими главнокомандующими касательно взаимных действий их. <...> При свидании главнокомандующих все объяснилось: недоразумения кончились. Несравненно важнее было решение вопроса: кому принять верховное начальство над обеими армиями, на что предварительно не было дано повеления. Князь Багратион был старше Барклая-де-Толли в чине, но от Барклая-де-Толли, как облеченного особенною доверенностью монарха, не были сокрыты мысли его величества на счет войны, и как военному министру, более известны состояние и расположение резервов, запасов и всего, что было уже оделано и приготавливалось еще для обороны государства. Князь Багратион подчинил себя Барклаю-де-Толли, который в прежних войнах бывал часто под его начальством" ¹.

Богданович почти дословно повторяет этот текст: "21-го июля (2-го августа н.ст.), в тот день, когда 2-я Западная армия находилась в расстоянии одного перехода от 1-ой, князь Багратион приехал в Смоленск и тотчас же отправился к Барклаю-де-Толли, который узнавши о его прибытии, надел шарф, взял шляпу и встретил его в передней комнате. "Узнавши о вашем приезде в Смоленск, я уже готов был ехать к вам", — сказал Барклай князю Багратиону. Свидание между главнокомандующими рассеяло недоразумения, возникшие между ними в продолжении отступления вверенных им армий. Оставалось решить, кому из них принадлежало главное начальство над всеми войсками, собранными у Смоленска, на что не было дано предварительно высочайшего повеления. Князь Багратион был старше в чине; зато Барклай пользовался особенною доверительностью государя, командовал с самого начала войны большей частью армии и как военный министр имел более определенные сведения об административной части войск и о всем том, что уже было сделано и что еще оставалось сделать для обороны государства. Князь Багратион подчинил себя Барклаю-де-Толли, уже не раз бывшему под его начальством" ².

Толстой воспользовался этими описаниями. Он сохранил ситуацию:

¹ Описание Отечественной войны в 1812 году, по высочайшему повелению сочиненное генерал-лейтенантом Михайловским-Давыдовским. Часть первая. СПб, 1839. С. 353-355.

² Богданович М. История Отечественной войны 1812 года, по достоверным источникам. Т. I, СПб, 1859. С. 218-219.

Багратион, приехав в Смоленск, спешит к Барклаю. Барклай выходит навстречу старшему чину Багратиону. Толстой повторяет деталь, "бытовой штрих", имевший место у обоих историков: "Барклай надевает шарф", спеша навстречу Багратиону. Центром эпизода Толстой делает вопрос, поставленный историками: "кому принять верховное начальство над обеими армиями". Для писателя не важно, что Барклай-де-Толли пользовался особым доверием у царя, что он как военный министр был больше осведомлен в планах обороны страны. Эти сведения историков он опускает. Для него важнее психологическое содержание эпизода. У Толстого "Багратион, в борьбе великодушный, несмотря на старшинство чина, подчиняется Барклаю". Опускает Толстой и сообщение историков о том, что во время этого свидания "кончились" (Михайловский-Данилевский), "рассеялись" (Богданович) "недоразумения", возникавшие между военачальниками. У Толстого Багратион, "подчинившись, еще меньше соглашается с ним (с Барклаем - И.А.)...". В окончательной редакции это место Толстой несколько расширяет, вводя в текст донесение Багратиона на Барклая. Приводится письмо Багратиона Аракчееву: "Воля государя моего, я никак вместе с министром (Барклаем) не могу. Ради бога, пошлите меня куда-нибудь хотя полком командовать, а здесь быть не могу; и вся главная квартира немцами наполнена, так что русскому жить невозможно, и толку никакого нет" (II, с. 103). Здесь Толстой и пользуется дополнительным историческим материалом, благодаря которому образ Багратиона становится более достоверным и психологически объемным. И то и другое для Толстого особенно важно.

Обзор исторических событий и в первой и в окончательной редакциях подчинен доказательству мысли о том, что события развивались "не по чьему-нибудь плану" (II, с. 102), что "все происходит нечаянно" (там же). В первой редакции эта мысль формулируется в словах: "Так надо было... Это надо было для того, чтобы поднять народ" (ЛН, с. 632).

В окончательном тексте Толстой развил эту мысль, подчеркнув важность в общем ходе войны силы народного возбуждения. "... Смоленск сожжен самими жителями, обманутыми своим губернатором, и разоренные жители, показывая пример другим русским, едут в Москву, думая только о своих потерях и разжигая ненависть к врагу..." (II, с. 104). И этим "достигается то самое, что должно было победить Наполеона".

IV. Исторические источники о смоленском сражении в войне 1812 года. Использование их Толстым.

Читая историческую и мемуарную литературу, Толстой не мог не обратить особого внимания на описание бомбардировки наполеоновской армией города Смоленска и оставления его французам. Во всех источниках говорилось о важности этого события. Федор Глинка называет Смоленск "дверью в Россию" ¹.

"... Под Смоленскими стенами,
Здесь России у дверей,
Будем биться со врагами,
Не пропустим злых зверей! —

пишет он в "Солдатской песне", включенной в "Письма русского офицера" ². Он выражает надежду, что смоленские поля сражений приобретут в потомстве славу полтавских ³. Участник защиты Смоленска Илья Радожицкий, записки которого читал Толстой, пишет в них о драматической участи Смоленска, "столь важного своим положением и славного древностью, на который Россия всегда опиралась как на твердыню: Смоленск всегда был ключом к ее сердцу" ⁴. В записках Сергея Глинки Смоленск назван "Заветными вратами в даль России" ⁵. Михайловский-Данилевский пишет о том, что "Смоленск был пунктом чрезвычайно важным...", "древним достоянием России" ⁶, "ключом к Москве" ⁷. Историк подчеркивает, что Наполеон успешное генеральное сражение под Смоленском считал равносильным победе ⁸. Значение Смоленска подчеркивалось и в иностранных книгах. Так, адъютант Наполеона Сегюр в своих записках, прочитанных Толстым, писал, передавая мысли Наполеона: "Ключ к обеим дорогам, в Петербург и Москву, находится в Смоленске, поэтому необходимо овладеть этим городом. Оттуда можно будет одновременно идти на обе столицы, на

¹ Глинка Ф. Письма русского офицера. Часть четвертая. М., 1815. С. 33.

² Там же. С. 22.

³ Там же. С. 20.

⁴ Радожицкий И. Походные записки артиллериста с 1812 по 1816 год. М., 1835. С. 108.

⁵ Записки о 1812 году Сергея Глинки, первого ратника московского ополчения. СПб., 1836. С. 238.

⁶ Указ. соч., ч. I, СПб., 1839. С. 346.

⁷ Указ. соч., ч. II, СПб., 1839. С. 197.

⁸ Там же. С. 82.

Петербург и Москву, чтобы все разрушить в одной и все сохранить в другой" ¹. Смоленское сражение Сегюр характеризует как "момент, в который должна была решиться судьба России" ².

Убедившись в большой роли Смоленского сражения в войне 1812 года, Толстой стал работать над его изображением.

Исторические источники давали ему очень полную характеристику этого события. Писателю легко было представить расположение Смоленска и топографические особенности города. "Смоленск, — читал Толстой у Михайловского-Данилевского, — лежит на левом берегу Днепра и огражден высокою, но ветхою каменною стеною с 30 башнями в разных местах. Неглубокий ров и перед ним покрытый путь окружают стену. В середине, против Красненской дороги, на высоте, большой земляно^ю кронверк, называемый Королевским бастионом: на левой стороне городские предместья..." ³. У Богдановича он находил дополнительные подробности: о том, что город быстро спускается к реке, о башнях и зубцах на них, бойницах в стене, о воротах — Малаховских, Никольских и Днепровских, о предместьях — С-Петербургском, Мстиславльском, Никольском, Раченке и др. ⁴. Естественно, что в толстовском изображении появились реальные приметы Смоленска: Раченское (Раченское) предместье за Днепром, собор, стены, на которые лезут французы, Никольские ворота (позднее Толстой упоминает и Малаховские ворота — 12, с. 107), спуск к Днепру и т.п. Этих примет больше в первой завершенной редакции смоленских глав и в вариантах.

Из исторических книг Толстой заимствует документы. Например, предписание Барклая-де-Толли смоленскому гражданскому губернатору барону Казимиру Апу о том, что нужно успокоить жителей города, так как ему не грозит ни малейшей опасности, копию которого губернатор передает Алпатычу для князя Н.А.Болконского. Толстой знакомился с архивными документами смоленского губернатора барона Казимира Ивановича Апа. Они хранятся в архиве писателя.

Стремясь к достоверности изображения, Толстой опирался на исторические источники и когда создавал картину бомбардировки Смоленска и его оставления. Характерно, что Толстой не отразил в

¹ Де-Сегюр. Поход в Россию. М.: Книгоиздат. "Польза", б.г. С. 68.

² Там же. С. 75.

³ Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч. Ч. II, СПб, 1839, С. 103.

⁴ Богданович М. Указ. соч. Т. I. С. 251-252.

своём описании анализа действий военачальников, содержащегося в изученных книгах. У него не говорится, где и какой военачальник действовал. Лишь в вариантах мы найдем упоминание генерала Раевского, защищавшего Смоленск на Королевском бастионе. В вариантах в скобках назван Неверовский. Позднее, в двадцать пятой главе второй части третьего тома писатель устами князя Андрея даст оценку действиям Барклая-де-Толли, распорядившегося оставить Смоленск (II, с. 207). В четвертом томе Толстой скажет о роли Дохтурова в Смоленске: "... Тот самый скромный, маленький Дохтуров, которого никто не описывал нам составляющим планы сражений, летающим перед полками, кидающим кресты на батареи, и т.п., которого считали и называли нерешительным и непроницательным, но тот самый Дохтуров, которого во время всех войн русских с французами, с Аустерлица и до тринадцатого года, мы находим начальствующим везде, где только положение трудно. <...> Он, больной, в лихорадке ^I, идет в Смоленск с двадцатью тысячами защищать город против всей наполеоновской армии. В Смоленске, едва задремал он на Малаховских воротах, в пароксизме лихорадки, его судит канонада по Смоленску и Смоленск держится целый день..." (I2, с. 107). Толстой имеет свой взгляд и на Коновницина, также сражавшегося под смоленскими стенами. Он пишет: "Петр Петрович Коновницин, так же, как и Дохтуров, только как бы из приличия внесенный в список так называемых героев 12-го года — Барклаев, Раевских, Ермоловых, Платовых, Милорадовичей, так же, как Дохтуров, пользовался репутацией человека весьма ограниченных способностей и сведений, и так же, как Дохтуров, Коновницин никогда не делал проектов сражений, но всегда находился там, где было труднее всего; <...> всегда во время сражения был под огнем, так что Кутузов упрекал его за то и боялся посылать, и был, так же как и Дохтуров, одною из тех незаметных шестерен, которые, не треща и не шумя, составляют самую существенную часть машины" (I2, с. 110).

Приведенные выписки свидетельствуют о том, что Толстой хорошо знал о деятельности военачальников, сыгравших важную роль в Смоленском сражении и имел на нее свой оригинальный взгляд (они не

^I О болезни Дохтурова Толстой мог узнать из книги Михайловского-Данилевского, где приводятся слова получившего назначение в Смоленск только что оправившегося от болезни Дохтурова: "Лучше умереть в поле, нежели на кровати". — Указ. соч. Ч. I. С. 113.

делали проектов сражений, не составляли их планов, а были их активными, самоотверженными участниками). Но в Смоленском эпизоде писатель не говорит о них. Все его внимание сосредоточено на том, как воспринимают это событие простые его участники, как оно отражается на жизни населения города. И тем не менее картина Смоленска основана на реальных фактах, которые Толстой почерпнул в исторических источниках.

Письма Федора Глинки, труды А.И.Михайловского-Данилевского, М.Богдановича помогли Толстому представить Смоленское сражение в развитии. В них ему посвящены специальные главы, в которых действия противников в конце июля — начале августа 1812 года расписаны по дням и часам. Толстой тоже дает точную датировку событий. Михайловский-Данилевский и Богданович описывают атаку французами русских 4-го августа. У Толстого она отражена только в первоначальных вариантах. Михайловский-Данилевский говорит о ночи с 4-го на 5-ое. У Толстого тоже сказано о ней. Но главное внимание и историков и писателя обращено на события, разыгравшиеся в Смоленске 5-го августа. Хотя историков интересует расстановка корпусов, их командиры, планы противников, а писатель смотрит на происходящее с точки зрения неосведомленных в военной стратегии и тактике Алпатыча и населения города, содержание событий, их динамика, общий пафос у Толстого очень точно отражают то, что дано у Ф.Глинки и Радожицкого, Михайловского-Данилевского, Богдановича и в других источниках. В трудах историков писатель нашел сообщение об утренней ружейной перестрелке и о том, что вскоре к ней присоединилась пушечная пальба. И у Толстого появилось: "За городом с раннего утра слышались выстрелы. С восьми часов к ружейным выстрелам присоединилась пушечная пальба" (II, с. 113). Историки сообщали, что атака города началась в 4 часа пополудни (Михайловский-Данилевский) или около 3-х часов пополудни (Богданович). Они создали яркие описания бомбардировки города и пожара в нем. У Михайловского-Данилевского Толстой прочитал: "Бесполезность нападений утомила Наполеона. Он велел идти напролом. Перед головы колонн вывезены батареи. Крепость и толщина стен, воздвигнутых еще Годуновым, противостояли чугуну, но тучи ядер и гранат, полетевших в город из 150 орудий, произвели пожары. Церкви, дома, башни, все, что могло гореть, запылало. Опламененные окрестности, густой, разноцветный дым, багровые тучи, треск лопающихся бомб, гром пушек, кипящие перекаты ружейной стрельбы, стук барабанов, улицы, наполненные ранеными, вопль старцев, стоны жен и детей, целый народ, упа-

дающий на колени с воздетыми к небу руками – вот зрелище, которое освещали догоравшие лучи солнца. Почитая этот день светопреставлением, а Наполеона Антихристом с воинством дьяволов, жители толпами бежали из огня, между тем, как полки русские шли в огонь: одни спасали жизнь, другие несли ее на жертву" ¹.

Более сдержанно, но не менее выразительно о двухдневной битве "под стенами древней твердыни, которую Годунов называл "дорогим ожерельем России" ², писал Богданович. Вот отрывки из его описания: "... Против городской ограды выставлено было более полутораста орудий. Огонь их, направленный против крепких смоленских стен, не произвел никакого действия. <...> Несравненно больший вред наносили снаряды, попавшие в верх стены, либо перелетавшие через нее в город: первые разбивали зубцы и поражали осколками камней войска, находившиеся за оградой; а другие производили в городе пожары, попадали в наши колонны, стоявшие в улицах и на площадях, и убивали жителей" ³. И еще: "Наполеон, убедясь в невозможности взять город приступом, ограничился сильной канонадой. Более ста орудий, преимущественно гаубиц, бросавших разрывные снаряды, действовали несколько часов по городу, распространяя в нем пожары и опустошения" ⁴. Эти и многие другие описания историков сыграли роль в создании Толстым впечатляющей картины обстрела наполеоновской армией Смоленска. Он тоже говорит о гуле орудий, свисте и ударах снарядов, о треске огня и черных клубах дыма от пожаров. "Это было бомбардирование, которое в 5-м часу приказал открыть Наполеон по городу, из 130-ти орудий", – как бы вторит писатель историкам (II, с. II6).

Творческое воображение Толстого питалось и другими историческими источниками. Вот что прочитал Толстой у Федора Глинки: "Наполеон приказал жечь город, которого никак не мог взять грудью. Тучи бомб, гранат и чиненных ядер полетели на дома, башни, магазины, церкви. И дома, церкви и башни объялись пламенем – и все, что может гореть, запылало!" ⁵. Быть может, Толстой написал на полях рукописи "Ужас Смоленска", вспоминая прочитанное в походных записках Радожицкого. У него при описании Смоленского сражения

¹ Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч. Ч. II. С. II9–120.

² Богданович М. Указ. соч. Т. I. С. 249.

³ Там же. С. 265.

⁴ Там же. С. 267.

⁵ Глинка Ф. Письма русского офицера. М., 1815. С. 35.

очень часто повторялись слова "ужас" и "ужасный": "открылась ужасная канонада", "канонада продолжалась ужасная", "картина ужасов", "они умирали, презирая все ужасы" ¹. "К вечеру сражение усилилось до отчаянного боя и ужасы его были неизъяснимы! — читал Толстой у Радожицкого. — Несколько сот ядер и гранат свистели и лопались одни за другими, воздух вокруг города помрачался от дыма, земля стонала, и, казалось, из утробы своей извергала адское пламя — смерть не успевала глотать свои жертвы. Гром, треск, пламя, дым, стон, крик, все вместе представляло ужасный хаос разрушения мира. <...> Гранаты неприятельские зажигали внутри города строения, и перед нами открылась новая картина ужасов: битва среди пожара. Какую твердость духа имели тогда русские, оставленные для защиты пылающего Смоленска! Ядра, пули, обломки камней, падающие с огнем бревна, все несло на них смерть и разрушение. <...> Россияне были тверды: они умирали среди пламени в развалинах города, презирая все ужасы. Русские не изменили чести своего оружия; они не впустили в стены города неприятелей до самой полуночи, и не иначе оставили развалины его, как повинувшись воле главнокомандующего" ².

На исторических источниках основано изображение Толстым того, как население города и сами солдаты, покидая Смоленск, сжигали все, что могло быть полезно неприятелю. Михайловский-Данилевский пишет: "Без руководства и совета, добровольно и единодушно, народ решил не поддаваться врагам. Исполнение сей мысли было различно, но мысль у всех была одна: ничто не доставайся неприятелю" ³. Невольно вспоминается возглас толстовского купца Ферапонтова, поджигавшего свою лавку: "Не доставайся дьяволам". Богданович тоже обращает внимание на то, что покидающие город "усиливали при отступлении пожар поджогами" ⁴.

Чтение и изучение исторических источников позволило Толстому создать в "Войне и мире" исторически правдивую картину Смоленска в начале августа 1812 года.

¹ Р<адожицкий>И<лья> Походные записки артиллериста. М., 1835. С. 110-112.

² Там же. С. 111-112.

³ Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч. Ч. II. С. 173.

⁴ Богданович М. Указ. соч. Т. I. С. 268.

У. Творческая история смоленских глав

1. Работа над эпизодом: письмо князя Андрея в Лисне Горы о близости неприятеля к Смоленску и реакция на него старого князя Николая Андреевича Болконского

Работа Толстого над смоленскими главами, как и вообще вся работа над "Войной и миром", была очень кропотливой. Известны слова Толстого: "Не марать так, как я мараю, я не могу, ибо твердо знаю, что маранье это идет мне на великую пользу". Отделка смоленских глав продолжалась и в рукописи и даже после того, как она была набрана в типографии и в Ясную Поляну были присланы корректуры. Толстой не ограничивался выверкой корректур, а, по существу, заново писал текст, о чем и сообщал, возвращая корректуры в типографию: "... в главах, описывающих Смоленск, к корректурам пришиты писанные листы — то в наборе и корректурах надо руководиться писанным" (61, с. 193).

Уже в первой редакции романа о близости французов к Смоленску сообщает князь Андрей Болконский в письме к отцу из-под Витебска. Здесь намечено многое, что потом ляжет в основу окончательного текста, но многое потребовало уточнения и изменения. В окончательной редакции уточнены отношения между отцом и сыном. В первой редакции не было ясно, каким образом наладились отношения между ними после ссоры из-за вмешательства князя Андрея в отношении отца с дочерью и *m-lle Bourienne*. Сразу говорилось о письме князя Андрея о занятии французами Витебска. В окончательной редакции это письмо стало вторым. Писателю было необходимо упомянуть, что князь Андрей попросил у отца прощение. Сделал он это в первом письме, на которое получил ласковый ответ.

Уточнения потребовало время получения второго письма князя Андрея, написанного после взятия французами Витебска. В первой редакции сначала говорилось о том, что старый князь его получил "в I-х числах августа", потом Толстой это зачеркнул и написал: "В конце июля он получил письмо о занятии Витебска". В окончательном тексте письмо от князя Андрея из-под Витебска пришло в Лисне Горы первого августа. Толстой во всех подробностях стремился к точности ^I.

Потребовала дополнения и характеристика содержания письма. В первом варианте говорилось, что письмо было о занятии Витебска и

^I Наполеон вступил в Витебск 16 июля // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. VI а. С. 564.

сражении под Островно. Это Толстого не удовлетворило. В окончательном тексте романа сказано, что в нем содержалось краткое описание всей кампании, план и соображения о дальнейшем ее ходе, а также мысль о том, что обитателям Лысых Гор было опасно оставаться "вблизи от театра войны, на самой линии движения войск", и совет ехать в Москву.

Уже в первой редакции романа князь Николай Андреевич Болконский, старый и немощный, живущий воспоминаниями о прошлом, о сражении на Дунае, не сразу отдает себе отчет в том, что Смоленску, а значит и Лысым Горам, грозит опасность. Даже прочитав письмо сына, он убежден, что Бонапарт стоит у Вильно. "Он не понял и не мог понять, — писал Толстой, — что Наполеон уже был в Витебске" (ЛН, с. 634). И далее: "Княжна Марья попробовала напомнить ему о Витебске, но он сердито, презрительно и так самоуверенно посмотрел на нее, что она пришла в сомнение, не ошибалась ли она" (там же). Этих слов нет в окончательном тексте романа, но характер ситуации сохранен. И здесь старый князь не допускает и мысли, что театр войны приблизился к Смоленску. Более того, в окончательном тексте сильнее подчеркнуты его патриотические чувства. "Я говорил и говорю, — читаем в романе, — что театр войны есть Польша, и дальше Немана никогда не проникнет неприятель. ... При ростепели снегов потонут в болотах Польши..." (II, с. 107). И князь продолжает жить мирными заботами, о чем свидетельствуют его поручения направляемому в Смоленск управляющему Якову Алпатычу. Перечень этих поручений в окончательном тексте несколько изменился, но суть осталась прежней: жизнь течет своим чередом: нужна и почтовая бумага, и лак и сургуч, и задвижки к дверям новой постройки, и ящик для укладки завещания и т.п.

Но Толстой заставляет своего героя перечитать письмо сына перед сном, "в тишине ночи", и понять все его значение. "Что же это? Французы в Витебске. Так они через 4 перехода (Толстой колебался и первоначально написал через 2 перехода — И.А.) могут быть у Смоленска. Может они уже там?" (ЛН, с. 635). Эта сцена была найдена при написании первой редакции. Она сохранилась и в окончательной, но с изменениями.

В первой редакции внутренний монолог князя заканчивается словами: "Нет, нельзя мне успокоиться". И он просит Тихона прислать Алпатыча. "Надо было внушить Алпатычу, как ему поступить, ежели он встретит неприятеля, надо было запастись оружием и порохом (ружей, мушкетеров было много) на случай нападения мародеров"

(там же). Отдав эти распоряжения управляющему, князь не успокоился. "Надо было, — продолжал Толстой, — написать письмо сыну, надо было здесь, в Лысых Горах, распорядиться постановкой пикетов на дорогах, надо было укрепить усадьбу, внушить мужикам, написать предводителю" (там же). На второй день после отъезда Якова Алпатыча он посылает за ним гонцов. "Целые дни, — читаем мы далее в первой редакции романа, — князь Николай Андреевич распоряжался шитьем платьев военных для всех дворовых и обучением их стрельбе, которые он поручил архитектору" (там же). В этом месте на полях рукописи написано: "Ехать в орденах. Ученье дворовых" (там же, сноска 4). Но Толстой не сохранил этих интересных подробностей. Он стремился к правдоподобию, цельности характера. Активная деятельность противоречила духовной и физической немощи "уставшего жить" князя. В окончательной редакции князь, осознав опасность, грозящую Смоленску ("... может они уже там"), тотчас забывает о ней. "Он спрятал письмо под подсвечник и закрыл глаза. И ему представился Дунай, светлый полдень, камыши, русский лагерь и он входит, он, молодой генерал, без одной морщины на лице, бодрый, веселый, румяный, в расписной шатер Потемкина, и жгучее чувство за- висти к любимцу, столь же сильное, как и тогда, волнует его..." (II, с. 110). Сцена заканчивается не заботами о защите Лысых Гор, а печальными мыслями о смерти. "Ах, скорее, скорее вернуться к тому времени, и чтобы теперешнее все кончилось поскорее, поскорее, чтобы оставили они меня в покое!"

2. Алпатыч в Смоленске. Уточнение цели поездки и местоположения Лысых Гор. Проводы. В дороге. Изменение дня приезда в Смоленск

Толстой сразу нашел основной прием изображения смоленской эпопеи 1812 года. Уже в первой завершенной редакции романа Смоленск в дни бомбардировки города и оставления его французам показывался так, как его видел посланный в город Яков Алпатыч, управляющий имением Лысые Горы старого князя Болконского. Многие в тексте менялось, но сам прием изображения оставался прежним. Он позволял Толстому создать живую, зримую картину жизни города в драматические дни французского нашествия. Присутствие Алпатыча организует картину композиционно, придает ей особую окраску, то человеческое тепло, которое приближает историческое событие к читателю, помогает раскрыть ужас войны. В дальнейшем Толстой и картину Бородина покажет сквозь призму восприятия действующего лица (Пьера Безухова).

Многие сцены, подробности, характеризующие пребывание Алпатыча в Смоленске, были найдены сразу и сохранились в окончательном тексте. Но многое Толстого в первой редакции не удовлетворило и было подвергнуто переделке.

Писатель уточнил цель поездки Алпатыча в Смоленск. В первой редакции Алпатыч посылается в Смоленск за всевозможными покупками и для получения от протоколиста каких-то записей, чтобы Лысне Горы не были "чересполосны" (ЛН, 634). Потом Толстой написал:

"... Яков Алпатыч по поручению князя отправился в Смоленск для покупок, отдачи писем на почту и, главное, для узнавания подробностей о войсках и о Перновском полку, которого командиром был назначен князь Андрей" (там же, с. 635). Но эти строчки были вычеркнуты. В Смоленске Алпатыч "зашел в лавки, на почту и в присутственные места... Дело в присутствии было самое пустое, подача ревижских сказок" (ЛН, с. 636-637). В окончательной редакции старый князь посылает Алпатыча в Смоленск за покупками и для того, чтобы он отдал губернатору лично письмо "о записи". Вероятно, речь идет о записках старого князя, которые должны были остаться после его смерти и которые он называл завещанием" (II, с. 108). Но этим Толстой не ограничился. Он дополнил поручения Алпатыча. В окончательном тексте гувернер Десаль требует от княжны Марьи, чтобы она послала с Алпатычем письмо губернатору с вопросом "о положении дел и о мере опасности, которой подвергаются Лысне Горы" (там же, с. III). Десаль сам написал это письмо для княжны Марьи, и оно с Алпатычем было послано смоленскому губернатору.

Готовя роман к печати, Толстой уточнил местоположение Лысых Гор по отношению к Смоленску. В первой завершенной редакции писатель допустил неточность. В одном месте было сказано, что поместье князя Н.А.Болконского находилось в 3 верстах от Смоленского болышака. В другом — в 60 верстах от Смоленска, позади его, и в 30 верстах от Московской дороги. В окончательном тексте Лысне Горы приближены к Московской дороге — они всего лишь в трех верстах от нее¹.

Немало времени и усилий Толстой потратил на сокращение первоначальной редакции. Он стремился к тому, чтобы повествование было динамичным. Так, отправляя Алпатыча в Смоленск, Толстой первоначально прерывал действие характеристикой Алпатыча, его важного

¹ Эти колебания в определении расположения Лысых Горшний раз доказывают, что Толстой не имел в виду конкретного места.

положения среди слуг старого князя, смоленских чиновников и купечества. Здесь же говорилось об отношении Алпатыча к войне: "В войне он считал себя таким же непреложным судьей, как и своего барина, и так же, как князь, считал, что под Очаковым действительно была война, и все, что теперь называли войной, было так, детская забава — "так, притворялись — тоже, мы водем", — говорил Алпатыч. Как всегда говорящие с чужого голоса, Алпатыч был увереннее в этом, чем сам князь" (ЛН, с. 635–636). Весь этот кусок, замедляющий действие, Толстой в окончательный текст не включил.

В эпизоде проводов Алпатыча Толстой исключил лишь две незначительные детали. В целом же он удовлетворил писателя. До печати дошли и алпатычева белая пуховая шляпа — княжеский подарок, и палка, и кожаная киботочка, заложенная тройкой сытых саврасых. Сразу было найдено и сохранилось до печати упоминание о колокольчиках и бубенчиках, которые любил Алпатыч в дальней дороге, но которые пока были подвязаны и заложены бумажками, потому что "князь никому не позволял в Лысых Горах ездить с колокольчиком". Первоначально за этим следовало: "... и один становой был собственноручно избит за это". Эти слова до печати не дошли. Картина же проводов Алпатыча его "придворными" и родными почти полностью дошла до печати. Сохранил Толстой и воркотню Алпатыча: "Ну, ну, бабьи сборы. Бабы! Бабы!", и его распоряжения земскому о работах, и крик жены: "Вы, ежели что... вы вернитесь, Яков Алпатыч; ради Христа, нас пожалей...", и то, что Алпатыч, уезжая, "снял с лысой головы шляпу и перекрестился троекратно". Все это было написано очень живо и с незначительными изменениями перешло из первой редакции в окончательный текст.

Но далее пошли изменения. Толстой вычеркнул из первой редакции сообщение о том, что Алпатыч выехал "холодком зари". Сказалось желание не сообщать точно время выезда Алпатыча из Лысых Гор. Картина, которую Алпатыч видит в дороге, расширена. На добавления Толстой, стремящийся к лаконизму и динамизму повествования, шел редко, лишь в важных местах. И это был именно такой случай. Первоначально говорилось, что Алпатыч в дороге оглядывал вокруг себя покрытие росой поля (ЛН, с. 636). В окончательной редакции стало: "... поехал, оглядывая вокруг себя поля, где с пожелтевшей рожью, где с густым, еще зеленым овсом, где еще черные, которые только начинали двоить. Алпатыч ехал, любясь на редкостный урожай ярового в нынешнем году, приглядываясь к полоскам ржаных полей, на которых кое-где начинали закипать..." (II, с.

II2). Это добавление не только придало изображению картинность, но и усилило внимание к мирной трудовой жизни народа.

Особенно много труда Толстой потратил на отделку картины обстрела и оставления Смоленска. Кроме первой завершенной редакции и окончательного текста, здесь мы располагаем промежуточными вариантами: вариантом, печатавшимся в полном собрании сочинений Толстого под номером 224, и вариантом, на котором Толстой пометил "Новая глава" (т. I4, с. 314-319).

Сравнивая эти варианты, мы видим, что правка первой редакции началась с того, что был изменен день приезда Алпатыча в Смоленск. Первоначально было: "... к вечеру 2-го Алпатыч приехал в город..." (ЛН, с. 636). В новой рукописи Толстой изменил второе на третье. Стало: "... к вечеру 3-его Алпатыч приехал в город..." (т. I4, с. 314). В окончательном тексте стало: Алпатыч приехал в Смоленск 4-го августа. Это повлекло за собой значительное изменение всего, что было пережито Алпатычем в Смоленске и о чем Толстой рассказал в первой редакции. Теперь Алпатыч был в Смоленске не 2-го, 3-его, 4-го, 5-го и ночь на 6-ое, а лишь 4-го, 5-го и ночь на 6-ое августа. События должны были уплотниться, повествование стать более динамичным.

Первоначально этот эпизод состоял из очень большого количества сцен, многие из которых представляли "конспективно изложенные впечатления Алпатыча"¹. В процессе работы количество этих впечатлений сокращалось, а оставшиеся дополнялись интересными подробностями, превращаясь в живые, зримые сцены. Стремление превратить набросок конспективного характера, в который лишь изредка вкрапливались диалог и живая сценка, в яркое художественное изображение — главное направление работы Толстого при подготовке этих глав к печати.

Сначала Толстой написал, что Алпатыч по дороге в Смоленск "встретил мало военных обозов и войск". Слова эти были зачеркнуты. Вместо них написано: "... встречал и обгонял обозы и войска, но в городе еще было тихо" (ЛН, с. 636). Потом Толстой исключил слова о том, что в городе было тихо, написав вместо них: "По дороге Алпатыч встречал и обгонял обозы и войска и ..., подъезжая к Смоленску, слышал дальние выстрелы, но не обратил на это внимания. (Это было отступление Неверовского)" (т. I4, с. 314). В окончательной редакции писатель изменил и сжал это место. Ста-

¹ Зайденштур Э.Е. Указ. соч. С. 60.

ко: "Подъезжая к Смоленску, он слышал дальние выстрелы, но звуки не поразили его" (II, с. II2). Алпатыч живет мучными заботами и, как и его хозяин, не допускает мысли о том, что война пришла на Смоленщину. Поэтому Толстой вводит в окончательный текст такое дополнение: "Сильнее всего поразило его то, что, приближаясь к Смоленску, он видел прекрасное поле овса, которое какие-то солдаты косили, очевидно, на корм и по которому стояли лагерам; это обстоятельство поразило Алпатыча, но он скоро забыл его, думая о своем деле" (там же). Подробность найдена исключительно удачно. Она подготавливала важную для Толстого мысль о разрушительной силе войны и о ее несовместимости с мирной трудовой жизнью.

3. У купца Ферапонтова

В первой редакции Алпатыч, приехав в Смоленск, останавливается у купцов Ферапонтовых. Писатель сообщает, что Ферапонтовых было пять братьев, что Алпатыч останавливался еще у их отца, 30 лет назад. Перерабатывая текст, Толстой исключил подробность о пяти братьях, их отце и в окончательной редакции уточнил: Алпатыч "остановился за Днепром, в Гаченском предместье, на постоялом дворе, у дворника Ферапонтова, у которого он уже тридцать лет имел привычку останавливаться" (II, с. II2). Изображение освободилось от ненужной подробности о семье Ферапонтова (пять братьев) и обрело топографическую конкретность (за Днепром, в Гаченском предместье. Название предместья созвучно названию Раченка, встреченному писателем у Богдановича. За Днепром по отношению к Московской дороге и Лысым Горам). В новом варианте Толстой, конкретизируя изображение, сообщает о том, как Ферапонтов разбогател. "Ферапонтов 30 лет тому назад, с легкой руки Алпатыча, купив рому у князя, начал торговать и теперь имел дом, постоянный двор и мучную лавку в губернии" (т. I4, с. 3I4). (В окончательном тексте "30 лет" заменено на "12 лет").

Работая над этим эпизодом, Толстой почувствовал необходимость создать портрет Ферапонтова, которого не было в первой редакции. В новой рукописи появилось: "Ферапонтов был толстый, красивый 40-летний мужик, спокойный, самодовольный и гордый, как всякий разбогатевший мужик" (т. I4, с. 3I4). Но этот портрет, особенно такая его деталь, как спокойствие, противоречил дальнейшему поведению Ферапонтова и не подготавливал к восприятию его грубости и жестокости, и Толстой его изменил, снизив впечатление от внешности купца. В окончательном тексте читаем: "Ферапонтов был тол-

стый, черный, красный сорокалетний мужик, с толстыми губами, с толстой шишкой-носом, такими же шишками над черными, нахмуренными бровями и толстым брюхом" (II, с. II2). Обратим внимание на характерную для толстовских портретов психологическую деталь: нахмуренные брови.

Эпизод встречи Алпатыча с Ферапонтовым Толстой в новой редакции разработал в виде живой оценки. Первоначально было просто сказано, что Ферапонтовы сообщили приехавшему Алпатычу о том, "что некоторые по глупости собираются из Смоленска и боятся". Была лишь одна реплика: "А по нашему делу разве соберешься, да и губернатор объявил, что опасности нет..." (ЛН, с. 636). Не говорилось даже, кому из братьев Ферапонтовых эта реплика принадлежала. Толстого не удовлетворил этот эпизод, и он его расширил, добавив в новом варианте: "Алпатыч всегда останавливался у него, и Михаила Кузмич Ферапонтов (дает Толстой Ферапонтову имя — И.А.), как всегда почтительно и радостно, принял дорогого гостя, которого он уважал больше всех людей на свете и считал справедливейшим и мудрейшим человеком" (т. I4, с. 314).

До печати это не дошло. В окончательном тексте встреча Алпатыча с Ферапонтовым представлена в виде живой сцены.

"Ферапонтов, в жилете, в ситцевой рубахе, стоял у лавки, выходящей на улицу. Увидев Алпатыча, он подошел к нему.

— Добро пожаловать, Яков Алпатыч. Народ из города, а ты в город, — сказал хозяин.

— Что к так, из города? — сказал Алпатыч.

— И я говорю, — народ глуп. Все француза боятся. <...>

И они коротко обменялись мнениями о войне. " — Бабы толки, бабы толки! — проговорил Алпатыч. — Так-то и я суку, Яков Алпатыч. Я говорю, приказ есть, что не пустят его, — значит верно" (II, с. II3). Мы видим, что отношение Якова Алпатыча и Ферапонтова к грозящей опасности было определено Толстым сразу: они не верили в нее. Но первоначально об этом говорилось описательно. Сцены не было. Ее Толстой написал, готовя роман в печать.

"На другой день, — писал Толстой в первой редакции, — Алпатыч надел камзол, который он надевал только в городе, и пошел по делам" (ЛН, с. 636). Фраза дошла до печати. Но в ней Толстой конкретизировал картину, сделал ее зримее. Для этого он добавил: "Утро было солнечное, и с восьми часов было уже жарко. Дорогой день для уборки хлеба, как думал Алпатыч" (II, с. II3).

4. Алпатыч в Смоленске третьего и четвертого августа 1812 года
(первая завершенная редакция). Конспективность повествования

В первоначальной редакции Алпатыч видел Смоленск третьего августа, накануне дня сражения. Поэтому он спокойно "зашел в лавки, на почту и в присутственные места, где был весьма долго" (ЛН, с. 636). В первой редакции Толстой ведет повествование неторопливо. Он говорит о мастерстве Алпатыча "ходить по делам и писать прошения". Писатель сообщает, что в присутствии Алпатыча подавал ривизские сказки. Здесь же говорится о том, что, выполнив это дело, он выпил с протоколистом дрей-мадеры и отмечается, что Алпатыч насчет вина был крепок и пил очень редко (ЛН, с. 636-637).

В окончательном тексте Алпатыч отправляется по делам в город утром пятого августа, в день Смоленского сражения и оставления города. Изменив время пребывания Алпатыча в Смоленске, Толстой должен был коренным образом переделать все, что он видел в городе. И он это сделал.

Обратимся к первой завершенной редакции. Здесь Толстой местами конспективно, местами в живых сценах изобразил виденное и пережитое Алпатычем в Смоленске не только третьего, на следующий день после приезда, но и на третий день пребывания в городе, четвертого августа, и в ночь на пятое, и пятого, и в ночь на шестое августа. Событий было много.

Третьего августа, возвратившись домой после похода по делам, Алпатыч наказывает напившегося в городе кучера, играет в шашки и рано ложится спать во дворе на сене. Едва он заснул, к нему приходит Ферапонтов и "объявляет, что дело плохо". "Слышны были выстрелы недалеко за Смоленском и, говорят, неприятель близко". Но Алпатыч не верит и "как военный человек" объясняет купцу, "что это бабьи толки, что чего не соврут, что выстрелы могут быть ученье и что до Смоленска ни за что не допустят"... (ЛН, с. 637). Весь этот эпизод написан конспективно, в виде наброска. Но настроение Алпатыча, его уверенность в том, что "до Смоленска ни за что не допустят", найдено Толстым сразу.

На третий день, четвертого августа, Алпатыч собрался ехать обратно. Он вышел на крыльцо. По улице шли войска. Только Алпатыч выехал на своей тройке саврасых, как незнакомый офицер отбирает у него кибитку для раненого полковника. Попытка защититься ссылкой на генерал-аншефа князя Болконского не привела к желаемому результату. "... С узелками и подушками Алпатыч вернулся к Фера-

понтону" (ЛН, с. 637).

Далее в первой завершенной редакции романа читаем: "Написав и перебелив прошение и напившись пива, Яков Алпатыч понес его главнокомандующему. Узнав, что в городе за рекою находился старший генерал Раевский, он пошел к нему. Проходя улицами, Яков Алпатыч видел везде шедшие войска и, не дойдя до места, услышал близкую перестрелку. Раевский был за мостом и не принял Алпатыча" (там же, с. 637). Продолжая повествование, Толстой начал рассказывать о возвращении Алпатыча домой и невольно сосредоточил внимание на его настроении. Он слышал канонаду, видел раненых, пленных французов. "Он не мог понять, что делалось" и за обедом, "забывая и не объясняя того, что делалось теперь, стал рассказывать свои старинные военные похождения под Очаковым" (ЛН, с. 637-638). Повествование явно уходило от главного — изображения военных событий в Смоленске. И Толстой зачеркнул эти строчки. Сделав на полях заметку об Алпатыче: "Сидел у ворот и смотрел, ни во что не верил, даже в бомбы, — это не очаковские — все пустяки, и бомбы не посмели тронуть его. Он верит в победоносность русских" (ЛН, с. 637), писатель в конспективной форме продолжал перечисление того, что видел Алпатыч на улицах города, когда ходил с прошением и возвращался домой: "За мостом несли раненых. Улицы были запружены народом, и несколько человек посоветовали Алпатычу вернуться. Офицер, с которым нашел нужным посоветоваться Алпатыч, засмеялся ему в лицо и сказал, что Раевского он не найдет теперь. Алпатыч вернулся. Возвращаясь, он услышал близкую канонаду, и проходящие солдаты объяснили ему, что французы на стены лезут. Несколько раз Алпатыч останавливался, оглядывая то раненых, то пленных, которых вели мимо его, и неодобрительно покачивал головой" (ЛН, с. 638). Дома, у Ферапонтовых, "за обедом, во время которого подрагивали стекла в окнах, Алпатыч... начал рассказывать об Очаковской войне..." (там же). Потрясенный виденным, он хочет забыться, предаваясь воспоминаниям. "К вечеру, — продолжает Толстой, — стрельба затихла. Одни говорили, что французов прогнали, другие говорили, что на завтра опять большое сражение будет за городом" (там же). Так в первой завершенной редакции заканчивалось изображение смоленских событий четвертого августа.

Рукопись "Новая глава" отражает усиленную работу Толстого над этими эпизодами. Писатель стремился сжать повествование, показать Алпатыча менее суетливым, более терпеливым и выдержанным. Здесь он, "написав и перебелив прошение" относительно отнятой кибитки,

сел в кухне у окна. "Канонада, — продолжает Толстой, — явственно слышна была в городе. ... Алпатыч молча смотрел на улицу, не отвечая на вопросы, с которыми обращались к нему то кухарка, то приказчики, входившие на кухню" (т. I4, с. 316). Далее Толстой очень искусно изображает беседу Алпатыча и Ферапонтова за обедом, когда каждый из них думает и говорит о своем: Алпатыч об отнятой кибиточке и о том, что это было бы невозможно под Очаковым, Ферапонтов — об отъезде.

Труда было потрачено немало, но в окончательную редакцию все это не вошло. Сохранившийся вариант (ЛН, с. 772-773) говорит о том, что работа Толстого и дальше шла не гладко. Писатель набросал три возможных хода дальнейших событий:

"а. К вечеру вернулась повозочка, и стрельба затихла. Но ехать было невозможно, потому что лошади были замучены, но

б. К вечеру стрельба затихла. Повозка Алпатыча не возвращалась, и Алпатыч должен был ночевать 3-ю ночь.

в. К вечеру стрельба затихла. Повозка вернулась в ночь, но Алпатыч не мог уехать". Обдумав третий из намеченных вариантов, Толстой начал его разрабатывать. "Повозка вернулась в ночь, но Алпатыч не мог уехать. Всю короткую летнюю ночь он не ложился и сидел на завалинке, разговаривая с кухаркой и дворником, расспрашивая о том, что делалось ("в городе" — зачеркнуто) у проходивших войск и прислушиваясь к говору и звукам..." (там же). Но в первую завершенную редакцию Толстой перенес это в измененном виде, следуя второму варианту развития событий. "Повозка Алпатыча не возвращалась. Он не ложился. Всю короткую летнюю ночь он сидел на лавочке, разговаривая с кухаркой и дворником..." и т.д., как в приведенном выше варианте (ЛН, с. 638). Далее говорится, что "в ночь повозка вернулась", и поясняется, почему Алпатыч все-таки не мог уехать. "Кучер рассказывал, что его угнали за мост, что побоище было страшное и что его не выпускали. Лошадей надо было кормить". В окончательный текст это описание ночи с четвертого на пятое августа не вошло.

5. Упорная работа над изображением смоленских событий пятого августа 1812 года (четыре редакции)

1) Первый набросок

Изображение событий, происходивших в Смоленске пятого августа, потребовало от Толстого большого труда. Об этом говорят четыре источника: вариант № 36 (ЛН, с. 772-773), первая завершенная ре-

дакция (ЛН, с. 638-641), вариант "Новая глава" (т. 14, с. 317-319) и окончательный текст.

Сначала Толстой много внимания уделял переживаниям Алпатыча "Утром можно было ехать, но Алпатыч не уезжал. Им овладели тревога, беспокойство и потребность деятельности". Он "блуждал", метался взад-вперед", ходил к собору, залезал на колокольню, с которой были видны французы. Настроение беспокойства усилилось, когда началась бомбардировка города. "... Как будто прорвало вдруг плотину, полетели ядра и гранаты в город, засвистели осколки и ядра. "Что же это будет", - думал Алпатыч, ничего не понимая..." (ЛН, с. 773). Он видит пожары, войска, раненых, "мальчик в фабричном халате пробежал мимо него с окровавленной рукой" (там же). Все это потрясает Алпатыча и пробуждает чувство патриотизма. "Какой-то ряд мыслей, совсем независимых от старого князя, овладел Алпатычем. Ему было тяжело, ему надо было что-то сделать, но он не знал что. Он крестился и ласково кланялся в пояс проходившим войскам и влезал на колокольню, ругая сколько мог французов, потом опять молился" (там же). Чувство патриотизма сближало его с окружающими людьми. "... Он сходил к то с раненым шедшим солдатом и провожал его назад, расспрашивая, то с своим кучером Влаской, которого он прибил утром и с которым они теперь были друзья, то с бабой, продававшей квас солдатам которая под ядрами сидела совсем спокойно, и заботилась только, чтобы не разбили ее кувшина, то он провожал пленного и ругал его, идя сзади" (там же). В горящем Смоленске Алпатыч встречается с Тушиным, красненским городничим (слово "красненский" Толстой вычеркнул), у которого в прошедшей войне была оторвана рука. "Тушин, так же как Алпатыч, нечаянно приехал в этот день и не мог уехать; он ходил под ядрами с своей трубкой, завидуя раненым; запах пороха возбуждал в нем радостное (это слово Толстой зачеркнул), тревожное военное чувство, и он завидовал тем, которые дрались"... (там же). Алпатыч и Тушин "подходили к перевязочному пункту в доме богатого купца, стараясь больше раздражить свое чувство, и ходили к Никольским воротам, к иконе, где женщины выли, и к монастырю, в котором укладывались монахини..." (там же). Возвратившись вместе с Тушиным к Ферапонтовым и напившись чаю, Алпатыч "опомнился и велел закладывать". Но "войска запрудили всю дорогу". "Алпатыч побежал опять, сам не зная куда". Наткнувшись на группу солдат, поджигавших забор, "Алпатыч наскочил тесин и понес под другой угол дома, вся рота взялась за это дело. - Так, дедушка, важно, - кричали

голоса. — Вот как занялась, пошла драть" (там же). Здесь набросан эпизод встречи Алпатыча с князем Андреем. На полях Толстой написал: "Князь Андрей в свете огня радостен".

2) Первая завершённая редакция

Написав этот набросок, Толстой стал его разрабатывать и переделывать. При этом он писал над строкой уже написанного, но зачеркнутого текста, на полях и отдельном листке. В каком направлении шла работа?

Прежде всего бросается в глаза, что Толстой удалял то, что могло бы отвлечь его от изображения главного — военных событий в Смоленске пятого августа 1812 года. Он не стал разрабатывать даже такой интересный эпизод, как встреча Алпатыча с Тушиным, ибо он увел бы в сторону: нужно было бы рассказать о судьбе героя Шенграбенского сражения между двумя войнами, о том, как он попал на Смоленщину.

Работал Толстой и над образом Алпатыча, придавая ему большую цельность и удаляя все то, что не соответствовало характеру Алпатыча, тому, как он был показан раньше. Толстой упростил и сделал более цельным психологическое состояние Алпатыча. В первой завершённой редакции романа нет слов о том, что Алпатычем "овладела тревога, беспокойство и потребность деятельности". Нет и того, что под влиянием виденного Алпатыч почувствовал внутреннее освобождение, независимость от князя. Наоборот, подчеркнуто, что "он раб и верный исполнитель воли князя по праву и по сердцу..." (ЛН, с. 638). Исключено и то место, где говорилось о единении Алпатыча с людьми. Эта деталь будет разработана при изображении Пьера Безухова на Бородине. Толстой не включил в первую редакцию и ту подробность, где Алпатыч собственноручно поджигает дом, вдохновляя на это солдат. Но патристический настрой Алпатыча Толстой сохранил и подчеркнул. Теперь он не только кланялся русским войскам и ругал французов. "Вид бесчисленного количества наших солдат, проходивших к месту сражения, радовал Алпатыча" (ЛН, с. 639). Он обращался к ним с призывом: "Отцы родные, голубчики, защитите Россию православную" (там же).

В новой редакции Алпатыч меньше мечется по городу. Слова о "блуждениях" Алпатыча, о том, что он "взад-вперед" ходил по городу, "бежал, сам не зная куда", исключены. Теперь он больше слушает, наблюдает. Но в картине, изображающей Смоленск в день сражения и оставления города французам, по-прежнему много эпизодов, их

количество даже увеличено по сравнению с наброском.

Толстой расширил эпизод бомбардировки города. В наброске она начиналась неожиданно. "Вдруг в 2-м часу, как будто прорвало плотину, полетели ядра и гранаты в город, засвистели осколки и ядра" (ЛН, с. 773). Теперь сначала Алпатыч, возвращаясь из собора, видит отступающие войска "с озабоченными, измученными лицами" (ЛН, с. 638). Алпатыч ищет среди них своего молодого князя, но не находит. "Один офицер сказал ему, что Перновский полк уже там, — он указал на предместья, откуда, сливаясь, гудели выстрелы и откуда везли и несли беспрестанно раненых. Яков Алпатыч вздохнул и перекрестился" (там же). Толстой вводит волнующий эпизод с ранеными и мертвыми, которых везут на телегах. Один "молодой офицер" "кричал, что его бросили, что он не доедет. Офицер бился головой и кричал: — Возьмите! Возьмите!" (там же, с. 639). Алпатыч видит подводы с уезжающими жителями. Он спешит к дому, чтобы тоже ехать. Но тут начинается обстрел города. Сцена обстрела пишется заново. "Еще не дойдя до дома, он услышал знакомый ему свист, который он слышал в Турции; это было ядро, которое влетело в город. Но вот другое, третье, и по мостовой, по крышам, по воротам стали бить снаряды. На дворах и в домах поднялся женский визг и беготня. Алпатыч прибавил шага, чтобы поспеть к Ферапонтовым. У монастыря укладывались монахини..." (там же). Изображение по-прежнему дается в восприятии Алпатыча, но сам он, его переживания меньше интересуют автора. Главное то, что он видит. Показ войны с точки зрения мирного человека очень много дает писателю. Благодаря этому приему раскрывается весь ужас войны, ее нелепость.

Возвратившись, наконец, к Ферапонтовым, измученный Алпатыч слышит рассказ кучера о том, что в соседнем дворе убило бабу, но не реагирует на него. Не отвечает он и на вопрос кучера, не пора ли закладывать. Он "сел опять на лавочку против въезд" (ЛН, с. 640) и наблюдал. "Ядра все еще летали и попадали через улицу" (там же). Алпатыч продолжал наблюдать, когда начало смеркаться и канонада стихла. Он слышал, как выли бабы, видел, как Ферапонтовы вылезли из погреба и спешат уехать, как священники в ризах несли икону Смоленской божьей матери. Он заговаривает с офицером и узнает, что город сдают. Он видит солдат, которые, "как муравьи из разоренной кочки, в разных мундирах, но с одинаковым то робким, то наглым видом, бегали по улицам и дворам. Два с мешками и хомутом пробежали из дома Ферапонтова" (там же). Здесь, в первой редакции, возникает набросок знаменитой сцены о Ферапонтовом.

"Алпатыч вошел на двор, велел влезать кучеру и увидел Ферапонтова, подошедшего и остановившегося у открытых дверей лавки. В лавке человек 10 солдат с громким говором насыпали мешки и ранцы пшеничной мукой и подсолнухами.

Ферапонтов вошел в лавку, хотел крикнуть что-то, но вдруг остановился и, схватившись за волосы, захохотал ридущим хохотом. "Тащи, все, бери, ребята. Не доставайся дьяволам! - закричал он. Некоторые солдаты, испугавшись, выбежали, некоторые продолжали насыпать" (там же). Но пока это лишь набросок сцены. К тому же она не выделена композиционно и теряется среди множества других эпизодов.

Сцену пожара Толстой сделал продолжением предыдущей, изменив в ней некоторые подробности. "Ферапонтов бежал к горящему углу своей лавки.

- Расналивай, тащи все, все... все. Туда ей дорога! - кричал Ферапонтов, армяком раздувая огонь. Около пожара все больше и больше собиралось народа.

- Важно. Пошла драть. Вот пошла, - слышались голоса.

- Пропадай все! - кричал голос Ферапонтова.

Алпатыч долго не мог оторваться от вида этого пожара и стоял тут же в толпе" (там же, с. 640-641).

В первой завершенной редакции Толстой сделал попытку разработать в форме живой сценки намеченный в наброске эпизод встречи Алпатыча на пожаре с князем Андреем. Здесь сказано, что князь Андрей был верхом на лошади, что он спросил Алпатыча, как он оказался в Смоленске. Был найден и вопрос Алпатыча князю: "или уж пропали мы?" Уже здесь князь Андрей пишет записку в Лысне Гори. Найдено и содержание записки.

Общая картина Смоленска в день пятого августа в первой завершенной редакции получилась впечатляющей и драматичной. Но обилие эпизодов делало ее калейдоскопичной. Главное терялось среди подробностей. Не могла удовлетворить и конспективная во многих местах форма изложения.

Готовя роман в печать, Толстой не пожалел времени и сил для работы над этой очень значительной в романе картиной. Ведь с эпопеей Смоленска начиналось изображение народной героики Отечественной войны.

- 3) Окончательная редакция. Новая картина обстрела и оставления Смоленска неприятелю. Работа над эпизодом: Алпатыч на приеме у губернатора. Отказ от "кровавых" деталей. Работа над сценами патриотического порыва Ферапонтова и встречи Алпатыча во время пожара с князем Андреем. Живость и пластичность изображения

Работая над окончательной редакцией романа, Толстой, по существу, заново написал картину, изображающую Смоленск пятого августа, хотя отдельные детали, эпизоды, найденные в первой редакции и наброске, были сохранены.

Бросается в глаза, что образ Алпатыча, его характер, переживания, все больше и больше уходят в тень. Благодаря этому на первый план выдвигается то, что видел Алпатыч, — сами события. Однако от присутствия Алпатыча писатель не отказывается.

Толстой ликвидировал калейдоскопичность изображения, в картине стало меньше сцен и эпизодов. Если в первой редакции их было около тридцати, то в окончательном тексте стало меньше двадцати. Алпатыч не ходит к собору и не лезет на колокольню, он не ищет среди войска своего молодого князя, не сидит во время бомбардировки города на лавочке у дома Ферапонтова. Приехав в Смоленск вечером четвертого августа, утром пятого он идет в город по делам и сразу попадает в атмосферу войны. Толстой создает новую картину жизни города, встревоженного войной. "За городом с раннего утра слышались выстрелы. С восьми часов к ружейным выстрелам присоединилась пушечная пальба. На улицах было много народу, куда-то спешащего, много солдат, но так же, как и всегда, ездили извозчики, купцы стояли у лавок, и в церквях шла служба. Алпатыч прошел в лавки, в присутственные места, на почту и к губернатору. В присутственных местах, в лавках, на почте все говорили о войске, о неприятеле, который уже напал на город; все спрашивали друг друга, что делать, и все старались успокаивать друг друга" (II, с. II3).

Драматизм изображения растет в эпизоде, показывающем Алпатыча на приеме у губернатора. Первоначально этот эпизод возник в набросной рукописи. "Губернатор, — говорится в ней, — прочтя письмо князя, лично принял Алпатыча и сказал ему, чтоб он передал князю, что не только в Лысых Горах, но и в Смоленске нет никакой опасности, потому что в этом заверил его главнокомандующий, и, кроме письма князю, передал ему незапечатанную копию последней части письма Барклая-де-Толли.

— Можешь сам прочесть и показать здесь своим знакомым, — сказал губернатор, отдавая эту бумагу. — Еще передай... начал что-то губернатор, но в это время в комнату без доклада вбежал запыленный офицер.

— От генерала Раевского, — сказал офицер, и губернатор, кивнув головой Алпатчу, с офицером вошел в кабинет" (т. I4, с. 315). Здесь же впервые цитируется предписание Барклая-де-Толли Смоленскому гражданскому губернатору барону Аму от 2 августа 1812 года. Его Толстой взял из книги М.Богдановича. Дойдя в написании эпизода до чтения Алпатчем полученной копии письма Барклая-де-Толли, Толстой сделал в рукописи помету: "из Богдановича", стр. 530-13", то есть дал указание переписчику списать текст письма из книги М.Богдановича "История Отечественной войны 1812 года", т. I, где на странице 530 в примечании 13 приведен отрывок из письма Барклая-де-Толли; он полностью был скопирован и вошел в рукопись (т. I6, с. II3. Комментарий Э.Е.Зайденштур и Н.С.Родионова).

Но написанное Толстого не удовлетворило. Лишь в окончательной редакции Толстой достигает желаемого. Вместе с Алпатчем читатель сначала оказывается у губернаторского дома, где видит необычную картину: "большое количество народа, казаков и дорожный экипаж, принадлежавший губернатору" (II, с. II3). Затем мы слышим возмущенные речи и крики встреченных Алпатчем на крыльце "господ дворян". "Знакомый ему дворянин, бывший исправник, говорил с жаром: — ... Довели, что пропадать всем, что ж это за начальство после этого? ... Эх, перевешал бы разбойников... (там же). Ему вторил другой помещик: "... довели, что ни подвод, ничего!... ... Довели, что погибать всем... разбойники" (II, с. II4). Напряжение усиливается, когда читатель вместе с Алпатчем попадает в приемную губернатора. "В приемной были купцы, женщины, чиновники, молча переглядывавшиеся между собой. Дверь кабинета открылась, все встали с мест и подвинулись вперед. Из двери выбежал чиновник..." (там же). И далее мы видим "поспешно" разговаривающего с Алпатчем губернатора, оправдывающегося ссылками на высшие приказания и просящего передать князю и княжне Болконским совет уезжать в Москву. Кульминацией всего эпизода является следующая сцена: " — Я сам сейчас еду. Доложи... — Но губернатор не договорил: в дверь вбежал запыленный и запотелый офицер и начал что-то говорить по-французски. На лице губернатора изобразился ужас". (Там же). В конце эпизода Толстой приводит текст предписания

Барклай-де-Толли смоленскому гражданскому губернатору, барону Ашу, в котором он уверяет, "что городу Смоленску не предстоит еще ни малейшей опасности, и невероятно, чтоб онный ею угрожаем был". И это в день оставления города! Ничего этого не было в первой завершенной редакции.

Таким образом, готовя роман в печать, Толстой заново создавал картину Смоленска в 1812 году, показывая резко критически гражданское и военное начальство.

Из дома губернатора Алпатыч вновь ведет нас на улицы города. Народ беспрерывно сновал по улицам. Наложенные верхом возы с домашней посудой, стульями, шкатулками то и дело выезжали из ворот домов и ехали по улицам (II, с. 115). Об эвакуации населения Толстой говорил и в первой редакции. Но то был бесцветный набросок, конспект. "Несколько подвод ехало навстречу войскам. Это уезжали жители" (ЛН, с. 639). В окончательной редакции Толстой представил живую, зримую картину.

Алпатыч спешит на постоянный двор. Толстой пишет новую сцену: на постоялом дворе Ферапонтова слышен женский крик. Это кричит жена Ферапонтова. Кухарка поясняет: "Ехать просилась. Дело женское! Увези ты, говорит, меня, не погуби ты меня с малыми детьми; народ, говорит, весь уехал, что, говорит, мы-то? Как зачал бить. Так бил, так волочил!" (II, с. 115). Увидев воз уезжающего Алпатыча, Ферапонтов "оправил жилет, волосы, зевнул и вошел в горницу за Алпатычем" (там же). Он верит в силу русских. Бегло намеченный в первой редакции разговор Ферапонтова с Алпатычем Толстой развивает в целую картину.

Сравним.

Первая завершенная редакция.

— А по нашему делу разве соберешься, да и губернатор объявил, что опасности нет и войска на пути далеко впереди.

Ферапонтов еще рассказал некоторые военные новости, как Платов Матвей Иванович крепко бьет французов и на реке Марине (хотя никакой похожей по имени реки не было) 18 тысяч французов в одну ночь утопил (ЛН, с. 636).

Окончательный текст.

— По нашему делу разве увеземся? — сказал Ферапонтов. — Дай до Дорогобука по семи рублей за подводу. И я говорю: креста на них нет! — сказал он.

...

— Однако затихать стала, — сказал Ферапонтов, выпив три чашки чая и поднимаясь, — должно, наша взяла. Сказано, не пустят. Значит сила... А намесь, сказывали, Матвей Иванович Платов их

в реку Марину загина, тысяч
осмысливать, что ли, в один
день потопил (II, с. II6).

Алпатыч, собирается ехать домой. "В воротах провучал звук
колес, копыт и бубенчиков выехавшей карбачки. ... Алпатыч взгля-
нул в окно и пошел к двери. Вдруг..." (там же). Толстой создает
картину бомбардировки Смоленска неприятелем. Над ней он работал
много и упорно. В первой завершенной редакции был лишь набросок,
конспект этой картины. Он Толстого не мог удовлетворить. Появи-
лась новая рукопись. Она готовилась в печать. Эту наборную руко-
пись Толстой тщательно выправил, многое в ней зачеркнул, изменил.
Но и она была оставлена. В печать пошел другой вариант. Сравним
окончательную редакцию этого эпизода с вариантом из наборной
рукописи.

Толстой упростил и сделал более доходчивой характеристику
начавшегося обстрела города.

Наборная рукопись

"Вдруг ... раздавался странный,
близкий свист и удар, другой,
третий, и как будто пушечный
выстрел не дворе соседнего дома,
и дальняя канонада, заставляя
дрожать стекла, слились в один
общий, усилившийся и непрер-
вающийся гул, как раскаты близ-
кого грома" (т. I4, с. 317).

Печатный текст

"Вдруг — послышался странный
звук, дальнего свиста и удара,
и вслед за тем раздавался сли-
вающийся гул пушечной пальбы,
от которой задрожали стекла"
(II, с. II6).

Было изменено поведение Алпатыча. В наборной рукописи он сна-
чала испытывал растерянность. "Алпатыч и Ферапонтов, молча, смо-
трели друг на друга, не понимая того, что это значило" (т. I4,
с. 317). В окончательной редакции этой растерянности у Алпатыча,
прошедшего турецкую войну, нет. "Алпатыч вышел на улицу", — пи-
шет теперь Толстой (там же).

В первой завершенной редакции мысль Толстого несколько раз
возвращалась к образу убитой ядром бабы. "На улице убило бабу
ядром, которое попало ей в плечо". Эту фразу Толстой зачеркивает,
пишет вновь и опять зачеркивает (ЛН, с. 638). Ниже он возвраща-
ется к этому эпизоду. "Кучер рассказывал, что на соседнем дворе
убило бабу..." (там же, с. 640). В наборной рукописи появляется
сцена: "Кухарка сунулась в окно, и пронзительный, отчетливый
женский крик ее осветил вдруг весь ужас того, что происходило"

(т. 14, с. 317-318). В окончательной редакции эпизод с кухаркой получает подробную разработку. Появляется множество конкретных подробностей, делая этот эпизод не отичным, а зримым. Кухарка "с засученными рукавами, в красной юбке, раскатывая голыми локтями, подошла к утку послушать то, что рассказывали" (II, с. 117). Здесь сказано, как кухарка одета и как она подошла, чего не было первоначально. Здесь и крик хозяина "Чего не видали!", и слова самой кухарки "Вот чудо-то, - приговаривала она, но, услышав голос хозяина, она вернулась, обдергивая подоткнутую юбку" (там же), и само событие: "Опять, но очень близко этот раз, засвистело что-то, как сверху вниз летящая птичка, блеснул огонь посередине улицы, выстрелило что-то и застало дном улицу..."

- Злодей, что и ты это делаешь? - прокричал хозяин, подбегая к кухарке". Кухарку обступает толпа. Здесь жалобно вопище женщины, испуганно плачущий ребенок, "народ с бледными лицами". "Из этой толпы слышнее всех слышались стоны и приговоры кухарки."

- Ой-о-ох, голубчики мои! Голубчики мои белые! Не дайте умереть! Голубчики мои белые!.. Через пять минут никого не оставалось на улице. Кухарку с бедром, разбитым гранатным осколком, внесли в кухню" (там же).

Писатель показывает, что война несет людям горе, страдание, смерть.

Ужас происходящего в окончательной редакции осветил не только крик пострадавшей женщины, но и слова самого автора, звучащие публицистически остро. "Это было бомбардирование, которое в пятом часу приказал открыть Наполеон по городу, из ста тридцати орудий" (II, с. 116). "Так может быть сказано в любом деловом документе, в любой исторической справке", - справедливо замечает А.А.Сабуров^I.

И в первой завершенной редакции, и в варианте из наборных рукописей, и в окончательном тексте Толстой ведет читателя на улицы Смоленска, подвергаемого обстрелу. набросок первой редакции сменялся в наборной рукописи мрачной картиной, полной кровавых натуралистических подробностей. "По улице с измученными строгими лицами шли ряды пехоты к тому месту, с которого слышна была канонада, слышна была стрельба, бежали толпы солдат и народа. Один солдат с окровавленной головой упал у ворот Ферапонтовых". "По краям улицы, мимо дома и ворот, навстречу шедшей пехоте бежали другие

^I Сабуров А.А. "Война и мир" Л.Н.Толстого. Проблематика и поэтика. Изд. Моск. ун-та, 1959. С. 82.

солдаты, некоторые из них были в крови. Один, хрипя, упал у ворот Ферапонтовых"; "Заслышались хрипенья и стоны" (т. I4, с. 318). Наборная рукопись хранит следы тщательной авторской правки. Толстой, в частности, зачеркнул большую часть кровавых подробностей. Ни один из приведенных нами примеров не дошел до окончательной редакции. Благодаря этому усилилось впечатление от кровавого эпизода с кухаркой. Но и он в окончательном тексте скрашивается, уравнивается упоминанием "веселого любопытства" народа, его бодрости. "Из-за угла вышло несколько человек людей, оживленно разговаривая.

— То-то сила! — говорил один. — И крышу и потолок так в щепки и разбило.

— Как свинья и землю-то взрыло, — сказал другой. — Вот так важно, вот так подбодрил! — смеясь сказал он. — Спасибо отскочил, а то бы она тебя смазала" (II, с. II6-II7).

Толстой не ограничивался изображением "ужаса Смоленска", ужаса войны. Показывая русского человека на войне, он раскрывал его душевное здоровье. Но и этого Толстому было мало. Нужно было показать патриотическое воодушевление русских людей. И он это сделал, разработав и выделив композиционно намеченную еще в первой завершенной редакции сцену оставления Смоленска французам, в которой центральным эпизодом была картина, когда Ферапонтов в порыве патриотического чувства одобряет солдат, растаскивавших его добро, лишь бы оно не досталось врагу.

Первоначально эпизод пожара Смоленска, оставления города неприятелю и отъезда Алпатыча распадался на ряд сцен, многие из которых представляли собой лишь набросок, конспект. Между собой эти сцены были мало связаны. Патриотический порыв Ферапонтова выражался в трех возгласах, которые в тексте были отдалены друг от друга. Это рассеивало внимание, делало эпизод калейдоскопическим.

Готовя роман в печать, Толстой переделал этот эпизод. Вместе с Алпатычем, вылезшим из подвала и остановившимся в дверях, мы видим на фоне ясного вечернего неба панораму дымящегося города: "... все было застлано дымом. И сквозь этот дым странно светил молодой, высоко стоящий серп месяца... С двух сторон поднимались и расходились черные клубы дыма от пожаров" (II, с. II7-II8). Это сопоставление мирного неба и дыма пожаров придает картине большую впечатляющую силу.

Мы слышим тишину, наступившую в городе "после замолкшего прежнего страшного гула орудий" и "прерываемую только как бы распро-

отражением по всему городу желтым светом, стонам, дальним криком и треском пожаров" (там же).

Толстой сократил и лишь немного изменил найденное в первой редакции картинное изображение отступающей армии. "На улице не далеко, а как муравьи из разоренной ночи, в разных мундирах и в разных направлениях, проходили и пробежали солдаты" (Ср.: ЛН, с. 640; т. 14, с. 319).

Толстой убрал вопрос Алпатыча к проходящему мимо офицеру:

"Позвольте спросить вашего благородия, — сказал Алпатыч, открывая ласку голой, — побежден ли неприятель?" (ЛН, с. 640). Но слова офицера оставил, внося в них небольшие изменения.

"— Сдаст город, уезжайте, уезжайте, — сказал ему заметивший его фигуру офицер и тут же обратился с криком к солдатам: — Я вам дам по дворам бегать! — крикнул он" (II, с. 118; Ср.: ЛН, с. 640).

При изображении Алпатыча, торопящегося выехать из оставляемого французами города, в окончательной редакции Толстым была найдена новая выразительная деталь: "Алпатыч с кучером трисущимися руками расправлял запутавшиеся вошки и построжки лошадей..." (II, с. 118).

Центральной фигурой этого эпизода является, конечно, Ферапонтов. Этот простой русский человек, "из мужиков", образ которого писатель в процессе работы умилительно снижал, подчеркивая его обыкновенность, является выразителем патристического одушевления народа в войне 1812 года.

Толстой немало поработал над изображением Ферапонтова, его настроения и поведения при обстреле и оставлении Смоленска. В первой редакции в этих эпизодах Толстой говорит об одном из братьев Ферапонтовых: "Ферапонтов, один брат..."; "один из братьев Ферапонтовых". Это, конечно, размывало образ Ферапонтова, делало его безликим. В варианте наборной рукописи образ Ферапонтова конкретизирован, ему даже дано имя. В окончательной редакции имени нет, но зато найдены выразительные детали его поведения. Усилена его уверенность в невозможности взять Смоленск врагами. "Сказано, не пустят. Значит сила...", — говорит он (II, с. 116). В сцене с ранением кухарки он выражает ненависть к врагу: "Злодей, что ж ты это делаешь? — прокричал хозяин, подбегая к кухарке" (II, с. 117). В наборной рукописи эти слова принадлежали Алпатычу и были сказаны по поводу убийства мужика (т. 14, с. 318). Толстой переадресовал Ферапонтову и другую подробность. В первой редакции в собор ходил Алпатыч (ЛН, с. 638). Был там и такой эпизод: "По улице хлынул народ, и слышалось духовное пение.

— Матушку Смоленскую понесли! — прокричала баба" (там же, с. 640). В окончательной редакции Ферапонтов под влиянием охватившего его патриотического чувства "пошел с народом в собор, где поднимали смоленскую чудотворную икону" (II, с. II7). Здесь Толстой использовал действительный факт, о котором писали многие историки, — вывоз из горящего Смоленска иконы Смоленской божией матери, считавшейся чудотворной. У Радожицкого, например, читаем: "Икона Смоленской божией матери заблаговременно была вывезена из города; в продолжении ретирады к Москве ее везли в общем парке артиллерии, на запасном лафете батарейной роты полковника Воейкова" ¹. А вот как об этом пишет Михайловский-Данилевский: "В сумерки из Благовещенской церкви, а потом из города, вынесли чудотворный образ Смоленской божией матери. Шествие сопровождалось треском распадавшихся зданий и губительными явлениями битвы" ². Богданович сообщает: "В сумерки чудотворный образ Смоленской божией матери был вынесен из города и вручен войскам, как священный залог победоносного возвращения их в древний город, обреченный временно в жертву" ³. Этот факт отразился в романе Толстого и в первоначальном варианте, и в окончательном тексте.

Кульминационная сцена в поведении Ферапонтова была найдена в первой редакции. Но теперь она была сжата, как бы сконцентрирована. Увидав солдат, грабящих его лавку, Ферапонтов первоначально воскликнул "Грабят!" Но это писатель зачеркнул уже в первой редакции. Ему важно было передать диалектику настроения Ферапонтова. Поэтому Толстой написал, что Ферапонтов "хотел крикнуть что-то, но вдруг остановился и, схватившись за волосы, захохотал рыдающим хохотом". Слова эти полностью сохранились в окончательной редакции. Но далее писатель внес изменения.

Сравним.

Первая завершенная редакция
— Тащи, все бери, ребята.
Не доставайся дьяволам! — закричал он.

Некоторые солдаты, испугавшись, выбежали, некоторые про-

Окончательный текст
— Тащи все, ребята. Не доставайся дьяволам! — закричал он, сам хватая мешки и выкидывая их на улицу.

Некоторые солдаты, испугавшись, выбежали, некоторые про-

¹ Радожицкий И(лья). Указ. соч. С. II2-II3.

² Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч. Ч. II. С. 120.

³ Богданович М. Указ. соч. Т. I. С. 268.

должали насыпать.

Алпатыч торопил своего кучера. Полк все еще тянулся по улице Ферапонтовых. Было уже совсем темно, и звезды заглялись на ясном небе. У угла дома Ферапонтова под амбаром толпилась кучка солдат и начинало светлеть, точно заря занималась. Это был заряд пороха, который загляли солдаты. Алпатыч подошел посмотреть. Угол амбара загорался благодаря тесинам, которые подкладывали солдаты. Ферапонтов выбежал к горящему углу.

— Распаливай, тащи все, все... все. Туда ей дорога! кричал Ферапонтов, армяком раздувая огонь (ЛН, с. 640).

Как видим, Толстой в этой сцене не только несколько изменил реплики Ферапонтова, но и сделал еще ряд существенных изменений. Дополнив первый возглас купца "Тащи все..." слезами: "закричал он, сам хватая мешки и выкидывая их на улицу", сделав адресатом крика Ферапонтова Алпатыча, писатель придал сцене реалистическую картинность. Исключение целого большого абзаца, в котором говорилось и об Алпатыче, торопящемся уехать, и о полке, растянувшимся по всей улице, и о звездах и ясном небе, и о солдатах, поджигающих амбар Ферапонтова, ликвидировало описательность и, главное, приблизило вторую реплику купца к первой. Внимание читателя уже не рассеивалось, а все сосредоточивалось на Ферапонтове и охватившем его патриотическом чувстве. Большой находкой Толстого было и изменение второй реплики Ферапонтова. Первоначально она по существу повторяла первую. Теперь простонародные слова "решилась", "запало" и произношение "Россея" подчеркивали народность героя. Благодаря этим изменениям сцена стала выразительней по форме и многозначительней по содержанию.

Готовя роман в печать, Толстой заново написал картину отступления армии, отъезда жителей и пожара Смоленска, воспользовавшись лишь отчасти деталями первой редакции. Вместе с Алпатычем читатель ночью, при свете звезд и молодого месяца, "застылаемого ды-

должали насыпать. Увидав Алпатыча, Ферапонтов обратился к нему.

— Решилась! Россея! — крикнул он. — Алпатыч! решилась! Сам запало. Решилась... — Ферапонтов побежал на двор (II, с. II8).

мом", пробирается через ряды солдат и других экипажей, загромодивших улицу, к Днепру. Перед нами возникает картина пожара. Она значительно расширена по сравнению с первой редакцией и отличается художественной яркостью. Мы видим, как "пламя то замирало и терялось в черном дыме, то вдруг вспыхивало ярко, до странности отчетливо освещая лица столпившихся людей...", как "перед пожаром мелькали черные фигуры...", как "солдаты шныряли беспрестанно взад и вперед мимо пожара", как "два солдата и с ними какой-то человек во фризовой шинели тащили из пожара через улицу на соседний двор горевшие бревна", а "другие несли охапки сена". Мы слышим "неумолкаемый треск огня", "говор и крики" (II, с. 119).

Толстой с незначительными изменениями воспользовался найденными в первой редакции возгласами "Важно! Пошла драть! Ребята, важно!" Только теперь эти слова кричит "человек во фризовой шинели, поднимая кверху руку". Из первой редакции был полностью перенесен в окончательный текст рев толпы " — Урруру! — вторя завалившемуся потолку амбара, из которого несло запахом лепешек от сгоревшего хлеба, редела толпа" (II, с. 120).

Уже в первой редакции был намечен эпизод встречи Алпатыча во время пожара с князем Андреем, который отступал вместе со своим полком. Обработка этого эпизода для окончательного текста шла в направлении усиления художественной выразительности. Сопоставим две его редакции.

Первая законченная редакция

Чей-то знакомый голос окликнул его: — Алпатыч!
— Ваше сиятельство, — отвечал Алпатыч, узнав голос князя Андрея.
Князь Андрей в плаще, верхом на серой лошади стоял на перекрестке и потухшим, ленивым — зачеркнуто оживленным взглядом смотрел на Алпатыча. — Ты как здесь? — По приказанию его сиятельства, сейчас возвращаюсь. Ваше сиятельство, что же, или уж пропали мы? (ЛН, с. 641).

Окончательная редакция

— Алпатыч! — вдруг окликнул старика чей-то знакомый голос.
— Батюшка, ваше сиятельство, — отвечал Алпатыч, мгновенно узнав голос своего молодого князя.
Князь Андрей в плаще, верхом на вороной лошади, стоял за толпой и смотрел на Алпатыча. — Ты как здесь? — спросил он.
— Ваше... ваше... сиятельство, проговорил Алпатыч и зарыдал... Ваше, ваше... или уж пропали мы? Отец...
— Как ты здесь! — повторил князь

князя Андрея Болконского, который говорит Пьеру Безухову о том, что русские в Смоленске "в первый раз дрались... за русскую землю, что в войсках был такой дух, какого никогда я не видал, что мы два дня сряду отбивали французов и что этот успех удесятикратил наши силы" (II, с. 207).

Глава вторая
СОЗДАНИЕ ТОЛСТЫМ КАРТИН ОТСТУПЛЕНИЯ РУССКОЙ АРМИИ И
ПАРТИЗАНСКОЙ ВОЙНЫ

(т. III, ч. II, гл. У, ХУ; т. IУ, ч. III, гл. I-XI)

I. Документальная основа картин отступления русской армии

Работая над изображением в романе картины отступления русской армии от Смоленска, Толстой тоже опирался на документальный материал. В "Походных записках артиллериста" Ильи Радожицкого он писал: "Мы шли не поротно, где можно один другого перегоняя. Пыль читал: "Мы шли не поротно, где можно один другого перегоняя. Пыль и зной были несносны. Артиллерия тянулась в шесть рядов по широкой дороге, которую так взмеси́ли, что в иных местах по колено шли в мелко истертой земле, как в пуху, и колеса катились без стука... На несколько верст вперед и назад не видно было, кроме артиллерии и обозов, в густых облаках пыли, возносившейся до небес. Мы шли, как в тумане: солнце казалось багровым, ни около дороги, ни краски на лафетах нельзя было различить. На солдатах с ног до головы, кроме пыли, ничего иного не было видно; лица и руки наши были черны от пыли и пота: мы глотали пыль, мы дышали пылью, томясь каждой от зноя, не находили, чем освежиться" I.

В романе появилась такая картина: "От Смоленска войска продолжали отступать. ... Жара и засуха стояли более трех недель. <...> Только по ночам и в лесах, пока еще держалась роса, была прохлада. Но по дороге, по большой дороге, по которой шли войска, даже и ночью, даже и по лесам, не было этой прохлады. Роса не заметна была по песочной пыли дороги, встолченной больше, чем на четверть аршина. Как только рассветало, начиналось движение. Обозы, артиллерия беззвучно шли по ступицу, а пехота по щиколотку в мягкой, душной, не остывшей за ночь, жаркой пыли. Одна часть этой песочной пыли месилась ногами и колесами, другая поднималась и стояла облаком над войском, влипая в глаза, в волосы, в уши, в ноздри и главное в легкие людям и животным, двигавшимся по этой дороге. Чем выше поднималось солнце, тем выше поднималось облако пыли, и сивозь эту тонкую, жаркую пыль, на солнце, не закрытое облаками, можно было смотреть простым глазом. Солнце представлялось большим багровым шаром. Ветра не было, и люди задыхались в этой неподвижной атмосфере" (II, с. 120-121). Н.Н.Арденс (Апостолов), сравнив-

I Радожицкий И (дья). Указ. соч. С. 124-125

ший эти описания, справедливо заметил: "В приводимых отрывках нельзя найти полного сходства, но, приглядевшись к мелочам их, мы заметим, как Толстой повторяет (в иной форме, часто дополняя) те черты, какие перечисляет автор записок: и пыль, которую месила артиллерия, так что не слышно было передвижения войск, и солдаты, которые вдыхали эту пыль, стоявшую, как облако и даже солнце — "багровое" — в обоих случаях" ^I.

II. "Оживление" исторического материала при изображении приезда главнокомандующего Кутузова в Царево-Займище

Остановимся на эпизоде приезда Кутузова, назначенного главнокомандующим, в Царево-Займище, где расположилась при отступлении русская армия (т. III, ч. II, гл. XV). Толстой пишет: "На поле за деревней слышны были то звуки полковой музыки, то рев огромного количества голосов, кричавших "ура!" новому главнокомандующему". (Далее следует разговор Андрея Болконского с Денисовым, который знакомил князя с планом партизанских действий). "В середине его изложения крики армии, более нескладные, более распространенные и сливающиеся с музыкой и песнями, слышались на месте смотра. На деревне слышались топот и крики.

— Сам едет, — крикнул казак, стоявший у ворот, — едет!

Болконский и Денисов подвинулись к воротам, у которых стояла кучка солдат (почетный караул), и увидели подвигавшегося по улице Кутузова, верхом на невысокой гнедой лошадке. Огромная свита генералов ехала за ним. Барклай ехал почти рядом; толпа офицеров бежала за ними и кричала "ура!"

Вперед его во двор проскакали адъютанты. Кутузов, нетерпеливо подталкивая свою лошадь, плывшую иноходью под его тяжестью, и беспрестанно кивая головой, прикладывал руку к белой кавалергардской (с красным околышем и без козырька) фуражке, которая была на нем. Подъехав к почетному караулу молодцов-гренадеров, большей частью кавалеров, отдававших ему честь, он с минуту молча, внимательно посмотрел на них начальническим упорным взглядом и обернулся к толпе генералов и офицеров, стоявших вокруг него. Лицо его вдруг приняло тонкое выражение; он вздернул плечами с жестом недоумения.

— И с такими молодцами все отступать и отступать! — сказал он. ... и тронул лошадь в ворота мимо князя Андрея и Денисова.

^I Апостолов Н.Н. Лев Толстой над страницами истории. М., 1928. С. 148.

- Ура! ура! ура! - кричали орады его (II, с. 168).

А теперь обратимся к Михайловскому-Данилевскому и Богдановичу.

Вот что находим мы здесь о приезде Кутузова в Царево-Займище:

Михайловский-Данилевский

"Из Гжатска князь Кутузов отправился... в Царево-Займище, где в тот день армия имела роздых. Поздоровавшись с почетным караулом, для него приготовленным, он сказал, смотря на солдат: "Можно ли все отступать с такими молодцами?" Потом, при восклицаниях восторга объехал он войска, не в виде вновь прибывшего начальника, но как будто он при них находился с начала войны, как полный распорядитель, давнишний хозяин, потому что он имел в предводительстве многолетний навык... Князь снял свою белую фуражку... провозгласил: Ура! Полки повторили восклицание. По лагерю разнеслась весть о приезде Кутузова, с чем все друг друга поздравляли, как с верным залогом победы" I.

Богданович

"17-го (29-го) августа... после полтора часов пребывания в Гжатске... он (Кутузов - И.А.) ... отправился в Царево-Займище, где тогда находилась главная квартира обеих армий. По прибытии туда, в 3-м часу пополудни, Кутузов поздоровавшись с почетным караулом, для чего приготовленным, сказал как будто про себя, но довольно громко: "Ну, как можно отступать с такими молодцами!" Затем, пообедав наскоро, он отправился в лагерь верхом в сюртуке без эполет и в белой с красным околышем фуражке, с шарфом через одно плечо и с нагайкой на ремне через другое. Войска встретили вождя, знакомого всем старым служивым, дружным ура!" 2.

Сопоставление убеждает, что ряд деталей и прежде всего слова Кутузова о том, как можно отступать с такими молодцами, как русские солдаты, Толстой взял из книжных источников.

Сравним.

Михайловский-Данилевский

Богданович

Толстой

"Поздоровавшись с почетным караулом, для него приготовленным, он сказал, смотря на солдат, (в Царево-Займище. - И.А.) ... Кутузов, поздоровавшись с по-

I Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч. Ч. II. С. 200-201.

2 Богданович М. Указ. соч. Т. II. С. 125.

ря на солдат: "Можно ли все отступать с такими молодцами?"

"Князь снял свою белую фуражку..."

четным караулом, для него приготовленным, сказал как будто про себя, но довольно громко: "Ну, как можно отступать с такими молодцами!"

"... он отправился в лагерь в шпиртке без эполет и белой с красным околышем фуражке"...

"Кутузов, нетерпеливо подталкивая свою лошадь и беспрестанно кивая головой, прикладывая руку к белой кавалергардской (с красным околышем и без козырька) фуражке..."

Подъехав к почетному караулу молодцов гренадеров, большею частью кавалеров, отдававших ему честь, он с минуту молча, внимательно посмотрел на них начальническим упорным взглядом и обернулся к толпе генералов и офицеров... Лицо его вдруг приняло тонкое выражение; он вздернул плечами с жестом недоумения.

— И с такими молодцами все отступать и отступать! — сказал он..."

Воспользовавшись описаниями историков, Толстой, как видим, создал живую картину. Для писателя исторический материал лишь толчок для творчества. Он "оживляет" Кутузова, показывает его в движении, жестах, рисуя оттенки выражения лица, облекая фигуру полководца "в плоть и кровь".

III. "... Партизанская война началась со вступления неприятеля в Смоленск"

I. Толстой "не выдумывал, а пользовался материалами"

В "Войне и мире" Толстой пишет: "Со времени пожара Смоленска началась война, не подходящая ни под какие прежние предания войн". И далее: "Так называемая партизанская война началась со вступления неприятеля в Смоленск" (12, с. 120, 123). Половину третьей части четвертого тома писатель посвятил партизанам. В их отважных делах он урцдел одно из основных проявлений народной войны.

Для осмысления и изображения партизанского движения в 1812 году Толстому очень много дали исторические источники, какими он пользовался. Читая Федора Глинку, он не мог не обратить внимания на его восторженные слова о партизанах: "Тысячи поселян, укрываясь в леса и превратив серп и косу в оружия оборонительные, без искусства, одним мужеством отражают злодеев. Даже женщины сражаются!.. Сегодня крестьяне Гжатского уезда, деревень князя Голицына, вытеснены будучи из одних засек, переходили в другие соседственные леса через то селение, где была главная квартира. Тут перевязывали многих раненых. Один 14-летний мальчик, имевший насквозь простреленную ногу, шел пешком и не жаловался... Две молодые крестьянские девки ранены были в руки. Одна бросилась на помощь к деду своему: другая убила древесным суком француза, поранившего ее мать. Многие имели простреленные шапки, полы и лапти. Вот почтенные поселяне — воины!"¹

О партизанах пишет в своих записках и И. Радожицкий. "На походе встречались нам воины — мужички...: иной с косою, утвержденною на длинном древке, другой со штыком, прикрученным к дубине, третий с большим гвоздем, прикрепленным к дрючку, наподобие пики, или с рогатиной за спиною; редкий являлся с правильным оружием. Выезжая к нам из леса <...>, они рассказывали о своих подвигах. Мы охотно вступали с ними в разговоры и слышали довольно любопытные анекдоты о их войне"². Автор записок приводит некоторые из этих партизанских рассказов.

Михайловский-Данилевский обратил внимание Толстого на то, что первые партизаны появились на Смоленщине³. Историк охарактеризо-

¹ Глинка Ф. Письма русского офицера. Ч. 4. М., 1815. С. 47-48.

² Радожицкий И. <Ля>. Указ, соч. С. 238-239.

³ Михайловский-Данилевский А.И. Указ, соч. Ч. III. С. 112.

вая действия партизан: "Они захватывали фуражиров и бродяг, нападая на отдельные команды, транспорты, ... на провозимые пушки, отнимали или истребляли запасы, перехватывали курьеров, ежедневно брали сотни пленных, а отбитое оружие, по повелению кн. Кутузова, раздавали крестьянам. Неоднократно удавалось им освобождать русских пленных, ведомых из Москвы к Смоленску, и пленные поступали на усиление партий. Часа за два или за три до рассвета поднимались партизаны на поиск. Схватив мародеров, или на столбовой дороге сорвав в транспорте что по силе, обращались они на новый удар или уходили в леса. Следуя правилу, что для летучей партии выгоднейшая позиция есть беспрестанное движение, а лучшее руководство: налетать, как снег на голову, и уйти, партизаны часто переменили свое местопребывание, стараясь не быть открытыми неприятелем и ускользнуть от команд, отряжаемых против них французскими командами городов и этапов" ¹. Эта общая характеристика оказалась на работе Толстого. Захват мародеров и фуражиров, нападение на транспорты, взятие пленных и освобождение русских из плена французов, беспрестанное движение и внезапное нападение — "как снег на голову" — все эти подробности нашли отражение в толстовском изображении партизанской войны.

Михайловский-Данилевский рассказал и о партизанских командирах: о капитане Фигнере, о подполковнике Давыдове, о генерал-майоре Дорохове ² и др.

В описании Михайловского-Данилевского есть указание на то, "что женщины в отсутствии отцов, мужей, братьев нападали на мародеров и брали их в плен". "С косами и вилами, — пишет историк, — сопровождали они партии пленных, и воины так называвшейся великой армии, пришедшей наверное покорить Россию, должны были со стыдом, а иногда с бешенством и слезами, повиноваться приказаниям наших сельских амазонок. Из них сделалась известнее других по своему ожесточению против неприятеля старостиха Василиса, дородная женщина с длинною французскою саблею, повешенною через плечо сверх французской шинели" ³.

О старостихе Василисе из Сычевки пишет и Богданович ⁴. Он тоже связывает начало партизанской войны с момента вторжения врага на

¹ Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч. Ч. III. С. 103-104.

² Там же. С. 100-102.

³ Там же. С. 123.

⁴ Богданович М. Указ. соч. Т. II. С. 415.

смоленскую землю. В его книге говорилось о характере действий партизан, подчеркивалось, что проводниками у партизан были крестьяне. В книге содержался интересный материал о партизанах Давыдове, Фигнере, Дорохове и многих других.

Оба историка высоко оценивают роль партизанской войны в разгроме врага. "... Их действия, — пишет Михайловский-Данилевский, — были чрезвычайно полезны по беспрестанному вреду, наносимому ими ежедневно неприятелю, особенно тем, что своим появлением в разных местах поддерживали они воспламенение в народе, единодушно восставшем против врага" ¹. "Партизанские действия и народные вооружения наносили неприятелю чувствительный урон" ².

2. Использование "Дневника партизанских действий" Дениса Давыдова

Собирая материалы для "Войны и мира", Толстой с "наслаждением читал" "Дневник партизанских действий" Дениса Давыдова. Этот исторический документ Толстой широко использовал в своем изображении партизан и партизанской войны.

В "Войне и мире" в историческом отступлении Толстой упоминает Давыдова как историческое лицо, положившее начало партизанской войне. "Денис Давыдов своим русским чутьем первый понял значение этого страшного орудия, которое, не спрашивая правил военного искусства, уничтожало французов, и ему принадлежит слава первого шага для узаконения этого приема войны" (12, с. 123-124). Это утверждение Толстого основано на дневнике Давыдова. В нем рассказывается, как при отступлении, участвуя во всех аванпостных ошибках, Давыдов видел себя полезным не более рядового гусара и решил просить себе отдельную команду для действия в тылу, для чего перед Бородинским сражением явился в главную квартиру и изложил князю Багратиону свой план партизанской войны для представления Кутузову ³.

Партизанский дневник Давыдова служит Толстому материалом и при создании вымышленных образов партизан Денисова и Долохова, изображении их подвигов. Моделью для образа Денисова послужил сам Давыдов, для образа Долохова — капитан Фигнер, о котором рассказывается в дневнике Давыдова и в других исторических книгах.

¹ Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч. Ч. III. С. III.

² Богданович М. Указ. соч. Т. II. С. 387.

³ Давыдов Д. Дневник партизанских действий в 1812 году // Сочинения Дениса Васильевича Давыдова. Изд. четвертое, исправленное и дополненное по рукописям автора. Часть первая. М., 1860. С. 6-13.

Денисову у Толстого, как в действительности Давыдову, принадлежит идея партизанской войны. Перед Бородинским боем он приезжает в главную квартиру для подачи своего проекта и в ожидании Кутузова излагает "партизанскую систему" Андрею Болконскому. "Это был план кампании, который он придумал, служа во время отступления на аванпостах" (II, с. 167). Сравним эти слова Толстого с дневником Давыдова и увидим, что писатель очень близок к источнику.

И внешний вид командира партизанского отряда Денисова у Толстого сходен с тем, как описывает себя в дневнике Давыдов.

Давыдов

"... Я на опыте узнал, что в народной войне должно не только говорить языком черни, но принаравливаясь к ней, к ее обычаям и ее одежде. Я надел мужичий кафтан, стал отпускать бороду, вместо ордена св. Анны повесил образ св. Николая и заговорил языком вполне народным" ¹.

Толстой

"Денисов одевался в чекмень, носил бороду и на груди образ Николая Чудотворца и в манере говорить, во всех приемах выказывая особенность своего положения" (I2, с. 139).

Толстой очень свободно пользуется эпизодами из партизанской жизни, рассказанными Давыдовым. Н.Н. Арденс (Апостолов) делает верное наблюдение, когда пишет: "Нельзя определенно сказать, что в "Войне и мире" переданы с точностью мемуары Д. Давыдова. Часто автор "Войны и мира" черты отдельных эпизодов, рассказанных Д. Давыдовым, соединяет в одно целое, часто различные по времени происшествия приурочивает к одному эпизоду..." ². Но он сохраняет все характерное для партизан и их жизни.

Толстой показывает Денисова в типической ситуации, когда он со своим отрядом, прячась по лесам вдоль дороги на Смоленск, "следил за большим французским транспортом кавалерийских вещей и русских пленных". В это время он попадает в затруднительное положение. Два больших отрядных начальника, один — поляк, другой — немец, приглашали его присоединиться каждый к своему отряду, чтобы вместе

¹ Давыдов Д. Дневник партизанских действий в 1812 году // Сочинения Дениса Васильевича Давыдова. Изд. четвертое, исправленное и дополненное по рукописям автора. Часть первая. М., 1860. С. 20.

² Апостолов Н.Н. Лев Толстой над страницами истории. М., 1928. С. 186.

напасть на транспорт. Письмо одного из этих отрядных начальников привозит Денисову ординарец Петя Ростов. У Толстого Денисов, не желая делить с кем-либо предполагаемый успех операции, делает хитрый, дипломатический ход. Отвечая на предложения, он пишет и ту, "что несмотря на душевное желание, которое он имел служить под начальством столь доблестного и знаменитого генерала, он должен лишить себя этого счастья, потому что уже поступил под начальство генерала поляка. Генералу же поляку он написал то же самое, уведомляя его, что он уже поступил под начальство немца" (I2, с.125).

Здесь Толстой воспользовался дневником Давыдова. В нем описан подобный случай, когда Давыдов "попался между отрядами двух генерал-адъютантов: графа Ожаровского и графа Орлова-Денисова". Каждый из них прислал к нему своего офицера, дабы выведать, нельзя ли его "приобрать к своим рукам". "... Я воспользовался, — пишет Давыдов, — одновременным приездом обоих присланных и объявил первому о невозможности моей служить под командою графа Ожаровского, вследствие получения повеления графа Орлова-Денисова, а второго уверил, что я поступил уже под начальство графа Ожаровского и, на основании данного им мне повеления, спешу к Смоленской дороге" ¹. Этот эпизод привлек Толстого не как единичный факт, имевший место в определенный день. Писатель не соблюдает точно дату, не называет имени поляка, граф Орлов-Денисов превращен в немца. Толстой использует этот случай как типичный во время партизанской войны.

Дневник Давыдова подсказал Толстому и картину выслеживания партизанами французского транспорта. Давыдов рассказывает, что преследуя цель истребления "транспортных жизненного и военного продовольствия французской армии", он "взял направление к Цареву-Займищу, лежащему на столбовой Смоленской дороге" ². "Мне нужен был язык, и потому я нарядил урядника Крюкова с десятью доброконными казаками... Мы узнали, что в Цареве-Займище движется транспорт с снарядами... Дабы пасть как снег на голову, мы свернули с дороги и пошли полями, скрываясь опушками лесов и по лощинам..." ³. Обратимся к Толстому. Говоря о партизанах, скрывающихся в Смоленских лесах, он пишет: "По этим-то лесам целый день, то углубляясь в середину их, то выезжая на опушку, ехал с партией Денисов, не выпуская из виду двигавшихся французов" для того, чтобы "на рассве-

¹ Давыдов Д. Указ. соч. С. 68.

² Там же. С. 23.

³ Там же.

те пасть с двух сторон, как снег на голову, и побить и засрать всех разом". А для того, чтобы узнать, какие именно это были войска, "Денисову нужно было взять языка (то есть человека из неприятельской колонны)" (I2, с. 125, 126). Это написано под впечатлением "Дневника" Давыдова. Многое здесь перекликается:

Давыдов

Толстой

... скрываясь опу ками лесов...

... то углубляясь в середину их (лесов — И.А.), то выезжая на опушку...

... пасть как снег на голову...

... пасть с двух сторон как снег на голову...

... Мне нужен был язык...

... Денисову нужно было взять языка...

Слово "язык" в обоих случаях выделено курсивом.

Интересно, что и дождь, сопровождающий у Толстого действия партизан Денисова, упомянут и у Давыдова. "Сильный дождь, шедший накануне, прибил пыль, и мы следовали быстро" ¹. И еще: "Мелкий осенний дождь моросил с самого утра и умножал мрак ночи" ².

У Давыдова Толстой нашел эпизод с пленным французским мальчиком-барабанщиком. Давыдов рассказывает, как 9 октября в селе Спасском крестьяне привели к нему несколько человек пленных. "Между ними находился барабанщик молодой гвардии, именем Викентий Бод (Vincent Bode), пятнадцатилетний юноша, оторванный от родительского дома и, как ранний цвет, перенесенный за три тысячи верст под русское лезвие и на русские морозы. При виде сего интересного юноши сердце мое обливалось кровью; я вспомнил и дом родительский, и отца моего, когда он меня записывал в военную службу" ³. Давыдов оставил пленного мальчика при себе, распорядился одеть его в казачий чекмень и фуражку, "чтобы избавить его от непредвидимого удара штыком или дротиком, и довез его таким образом через горы и доли, из края в край, до самого Парижа здоровым, веселым, и почти возмужалым, где передал его из рук в руки престарелому отцу его" ⁴. На этом материале Толстой создал образ пленного французского барабанщика по имени Vincent Vovve, которого жалели и Денисов, и Петя Ростов, и казаки, проявляя к нему глубокую человечность.

¹ Давыдов Д. Указ. соч. С. 23.

² Там же. С. 48.

³ Там же. С. 61.

⁴ Там же.

Денис Давыдов в своем партизанском дневнике рассказывает о смоленском крестьянине Федоре, приставшем к партизанам. "Четырнадцатого (сентября – И.А.) мы подошли к селению "Теплухе, что на столбовой Смоленской дороге, и расположились на ночлеге, приняв все меры осторожности, там явился ко мне крестьянин Федор из Царевы-Займища, изъявивший желание служить в моей партии. Этот удалец, оставя жену и детей, скрывавшихся в лесах, нходился при мне до изгнания неприятеля из Смоленской губернии и, только по очищении губернии от врагов, возвратился на свое пепелище" ¹. Этот рассказ, вероятно, вызвал в творческом воображении Толстого образ Тихона Щербатого.

Моделью для толстовского образа партизана Долохова послужил партизан капитан Фигнер, о котором рассказано во многих исторических источниках, в том числе и в дневнике Дениса Давыдова.

Много интересного о Фигнере сообщает в своих походных записках Илья Радожицкий, служивший в роте Фигнера и позднее встречавший Фигнера-партизана. Илья Радожицкий называет Фигнера "славным партизаном" ². Он отмечает перемену в его наружности, когда он стал партизаном. "Мы тотчас заметили в наружности его перемену: он был с отращенною бородкою; волосы на голове его были острижены в кружок, как у русского мужичка"; "Фигнер казался довольно набожным; у него на груди под мундиром всегда висел образ Николая Чудотворца" ³. Стремление к народности Толстой приписал Денисову. Долохову он придал "вид самого чопорного гвардейского офицера" (12, с. 139).

И.Радожицкий, говоря о подвигах Фигнера, подчеркивает его дерзкую отвагу ⁴. И Д.Давыдов отмечает у Фигнера "превосходные военные дарования – отважность, предприимчивость, деятельность, знание многих иностранных языков – все эти качества необыкновенного воина" ⁵. У Толстого Долохов тоже отличается всеми этими качествами. Это он вместе с Петей Ростовым, "одевшись в французские шинели и кивера", отправляется в стан врагов с целью разведки. Здесь писатель воспользовался подлинными фактами из партизанской

¹ Давыдов Д. Указ. соч. С. 31.

² Радожицкий И. Указ соч. Ч. I. С. 266.

³ Там же. С. 166, 206.

⁴ Там же. С. 213–215. См. тоже в кн.: Кандинов Б.И. Роман-эпопея Л.Н.Толстого "Война и мир". Комментарий. М., 1967. С. 209–300.

⁵ Давыдов Д. Указ. соч. С. 76.

деятельности Фигнера, которые описаны и в дневнике Давыдова, и у Раджицкого, и у Михайловского-Данилевского, и у Богдановича.

Раджицкий рассказывает, что Фигнер "переодевшись французом, поляком или итальянцем, иногда с грубачом, а иногда один, ездил к неприятельским форпостам; тут делал он выговор пикетному караулу за оплошность и невнимательность, давая знать, что в стороне есть партия казаков; в другом месте извещал, что русские занимают такую-то деревню, а потому для фуражиров лучше идти в противную сторону" ¹. Михайловский-Данилевский тоже отмечает, что Фигнер "переодевался во французский мундир и несколько раз съезжался и разговаривал с неприятелями, не быв ими узнан" ². И в "Дневнике" Давыдова Толстой тоже прочел о том, как "Фигнер не раз показывал ту точку в середине неприятельского лагеря, где он намеревался находиться на следующий день. В самом деле, — пишет Давыдов, — на другой день он, переодетый во французский мундир, находился в середине неприятельского лагеря и обзревал его расположение. Это повторялось не раз" ³. Богданович в своей "Истории" на основании рапорта Остермана-Толстого Барклаю-де-Толли рассказывает: "Фигнер, с находившимся в его отряде Сумского гусарского полка поручиком Орловым, оба переодетые во французские мундиры, отправились с проводником из крестьян в село Ерроново, где находился тогда лагерь авангарда Наполеоновской армии и была расположена главная квартира Мюрата. Пробравшись незаметно через цепь ведетов, Фигнер подъехал к мосту на речке, прикрывавшей неприятельские биваки. Пехотный часовой, стоявший на мосту, встретил его криком: *qui vive?* и потребовал отзыв; но Фигнер вместо отзыва (которого, разумеется, не знал), разругал часового за неправильную будто бы формальность в отношении к рунду, проверяющему посты. Часовой, совсем сбившийся с толку, пропустил обоих партизанов в лагерь, куда Фигнер явился как свой, подъезжал ко многим кострам, говорил весьма хладнокровно с офицерами и, узнав все, что ему нужно было, возвратился снова к мосту. Там, сделав наставление знакомому часовому, чтобы он не осмеливался останавливать рундов, переехал через мост (через тот же мост переезжал и Долохов) и сначала пробрался шагом, а потом, приблизясь к цепи ведетов, промчался через нее вместе с

¹ Раджицкий И(лья). Указ. соч. Ч. I. С. 210.

² Михайловский-Данилевский А.И. Ч. III. С. 100.

³ Давыдов Д. Указ. соч. С. 76.

Орловым под пулями и возвратился к отряду" ¹.

Толстой превращает этот рассказ в живой художественно яркий эпизод, с диалогом и множеством жизненных и психологических подробностей, показывающих, как Долохов и Петя проникают во французский лагерь.

Долохова Толстой наделил суровостью и даже жестокостью характера, свойственными Фигнеру. Давыдов до встречи с Фигнером давно слышал о его варварских поступках. Об этой его черте он говорит немало ². У Толстого "Петя в армии слышал много рассказов про необычайную храбрость и жестокость Долохова с французами" (I2, с. I39). Эта жестокость толстовского Долохова проявляется в отношении пленных. Толстой изображает спор Денисова и Долохова о том, как следует поступать с пленными, и о чести солдата. Денисов отсылает пленных в армию "под расписки". "И смело скажу, — заявляет Денисов, — что на моей совести нет ни одного человека. Г'азве тебе тг'удно отослать тридцать ли, триста ли человек под конвоем в год'од, чем маг'ать, я пг'ямо скажу, честь солдата" (I2, с. I40). Долохов же считает, что пленных следует расстреливать. "Вот молоденькому графчику в шестнадцать лет говорить эти любезности прг'лично, — с холодной усмешкой сказал Долохов, — а тебе-то уж это оставить пора" (там же).

В этом споре звучит отголосок спора между Фигнером и Давыдовым, о котором рассказано в "Дневнике" последнего. Давыдов пишет о Фигнере: "... Едва он узнал о моих пленных, как бросился просить меня, чтобы я позволил растерзать их каким-то новым казакам его, которые, как говорил он, еще не натравлены. <...> Я с сожалением казал ему: "Не выводи меня, Ал.Самойлович, из заблуждения, оставь мне думать, что героизм есть душа твоих славных подвигов, без него они мертвый капитал; я как русский желал бы, чтобы у нас было бы побольше славных, но великодушных воинов". На это он мне отвечал: "Разве ты не расстреливаешь?" — "Да, — сказал я, — расстрелял двух изменников отечеству..." — "Ведь ты расстреливал пленных?" — сказал он. Я отвечал: "Никогда, вели хоть тайно распросить о том моих казаков". — "Ну так походим вместе, — сказал он, — и ты верно бросишь эти предрассудки". — "Если солдатская честь и сострадание к несчастью суть предрассудки, — сказал я, —

¹ Богданович М. Указ. соч. Т. II. С. 385.

² Давыдов Д. Указ. соч. С. 76-77.

то я с ними умру" ¹.

Давыдов рассказывает, как в бою за смоленское село Ляхово партизанам удалось взять большое количество военнопленных. Мимо партизан "проходили обезоруженные французские войска, освещаемые отблеском пожара. Болтовня французов не умолкала: они ругали мороз, генерала своего, Россию, нас; но слова Фигнера: "filez, filez" (пошел, пошел. — I.A.) покрывали их нескромные разговоры" ².

Толстой воспользовался этой сценой для характеристики Долохова. При этом он не только придал ей живость и динамизм, но и усилил психологическую характеристику Долохова. После того, как партизаны отбили у французов транспорт и русских пленных, он стоит "у ворот разваленного дома, пропуская мимо себя толпу обезоруженных французов", слегка ударяет себя по сапогам нагайкой и смотрит на пленных "своим холодным, стекляннным, ничего доброго не обещающим взглядом". <...> "Filez, filez", — приговаривал Долохов, ... встречаясь глазами с проходившими пленными, взгляд его вспыхивал жестоким блеском" (I2, с. 160).

Анализ партизанских глав "Войны и мира" подтверждает признание Толстого о том, что в изображении исторических лиц и событий он "не выдумывал, а пользовался материалами". Но при этом он не был рабом материала. Стремясь к исторической достоверности, Толстой в то же время мастерски переплавлял его в яркие художественные образы и картины. Познакомившись с документальными источниками глав романа, изображающих партизанскую войну 1812 года, обратимся к творческой истории этих глав.

IV. Творческая история партизанских глав

I. Работа над эпизодом: Денисов обращается к Кутузову с планом партизанской войны

Тема партизанской войны, возникшей на Смоленщине, появилась в первой завершенной редакции эпопеи. Толстой сразу определил, что инициатором этой войны является Денисов, прообразом которого был Денис Давыдов.

Уже в первой редакции есть сцена приезда Денисова в смоленское село Царево-Займище, главную квартиру Кутузова, с целью изложения ему плана партизанских действий. Здесь у дома, где рас-

¹ Давыдов Д. Там же. С. 76-77.

² Там же. С. 82.

положился Кутузов, он знакомится с князем Андреем Болконским и горячо говорит ему о том, "что страстно и как всегда исключительно занимало его в эту минуту" (ЛН, с. 666). "Это был план кампании, который он придумал, служа во время отступления на аванпостах, который предстарлял Барклаю-де-Толли и который он теперь намерен представить Кутузову. План основывался на том, что операционная линия французов слишком растянута и что вместо того, или вместе с тем, чтобы действовать с фронта, загораживая дорогу французам, нужно было действовать на их сообщениях.

— Они не могут удержать всей этой линии. Это невозможно, я отвечаю, что разорву их. Дайте мне 500 человек, я разорву их. Это верно. Одна система — партизанская — помните" (там же).

Эта сцена после незначительной стилистической отделки (освобождения первой фразы от трижды повторяющегося слова "который") дошла до печати (т. III, ч. II, гл. XV).

Описание встречи Денисова с Кутузовым и его изложение главнокомандующему своего плана тоже появилось в первой редакции. При подготовке этого места к печати Толстой внес в него небольшие поправки, придающие изображению художественную живость. Первоначально говорилось, что "... Денисов, так же мало робевший перед начальством, как и перед неприятелем, несмотря на то, что у крыльца адъютанты сердитым шепотом останавливали его, смело, стуча шпорами по ступенькам крыльца, подошел к Кутузову и, назвав себя, объявил, что он имеет сообщить его светлости дело большой важности для блага отечества" (ЛН, с. 667).

Фраза показалась писателю длинной и невыразительной, и он прервал ее в том месте, где смелый Денисов входит на крыльцо. Вместо "подошел к Кутузову" теперь сказано "вошел на крыльцо". На этом фраза заканчивается. Следом писатель изображает Кутузова, которого Денисов застал в тот момент, когда он хотел встать с лавочки, на которой сидел. "Кутузов, оставив руки упертыми на лавку, недовольно смотрел на Денисова" (II, с. 169). И лишь после этого говорится, что "Денисов, назвав себя, объявил, что имеет сообщить его светлости дело большой важности для блага отечества" (там же).

Толстой изменяет отношение Кутузова к этим словам. Кутузов смотрит на Денисова не равнодушным и усталым взглядом, как было первоначально, а просто усталым. Равнодушие в такой ситуации, конечно, неуместно. Меняется и жест. Было: Кутузов "... досадливым жестом, махнув рукой, повторил:

- "Для блага отечества?" Ну что такое? Говори" (ЛН, с. 667). Слова "махнув рукой" писатель вычеркивает и заменяет их словами: "приняв руки и сложив их на животе" (II, с. 169). Кутузов приготовился спокойно выслушать доклад Денисова. Писатель усиливает подсчитательную оценку плана Денисова. "... План его казался несомненно хорошим, в особенности по тону убеждения (Толстой поправил: "по той силе убеждения"), который был в его словах" (Ср. ЛН с. 667, т. II, с. 170). И далее: "Все, что говорил Денисов, было дельно и умно" (ЛН, с. 668). Эти слова без изменения вошли в окончательный текст (II, с. 171). Однако уже в первой редакции Толстой здесь же писал о том, что Кутузов, презирал знание и ум и "знал что-то другое, что должно было решить дело, что-то другое, независимое от ума и знания" (ЛН, с. 668). "Очевидно было, - пишет Толстой уже в первой редакции, - что Кутузов презирал ум, и знание, и даже патриотическое чувство, которое выказывал Денисов, но он презирал все это ни умом, ни чувством, ни знанием, потому что он и не старался выказывать их, а он презирал их желанием успокоиться, пошутить с попадьею, заснуть, презирал своей старостью, своею опытностью жизни и знанием того, что что должно совершиться, то совершится" (там же, с. 668). Готовя рукопись в печать, Толстой стремился сократить это место, выделить в нем главное. Он разбил эту длинную фразу на две. В первой вычеркнул слова "презирал их желанием успокоиться, пошутить с попадьею, заснуть". Вместо них написал: "а он презирал их чем-то другим" и поставил точку. Сокращена была и вторая часть фразы. Осталось: "Он презирал их своей старостью, своею опытностью жизни" (II, с. 171). Все остальное было исключено.

Благодаря всем этим, на первый взгляд, незначительным изменениям, эпизод "Денисов обращается к Кутузову с планом партизанской войны" стал более выразительным и нашел свое место в окончательном тексте эпопеи (т. III, ч. II, гл. XV).

2. Партизаны Денисов, Долохов, Тихон Шестипалый в первой завершённой редакции

В дальнейшем в первой завершённой редакции мы видим Денисова в конце романа, когда он ночью, лежа на полу на коврах в разваленной избе, пишет, "треща пером", ответ генералам, предлагающим присоединить его отряд к их армиям. Здесь дан портрет Денисова: он "с бородой, в армяке и с образом Николая чудотворца на цепоч-

ке" (ЛН, с. 724). В окончательном тексте Толстой изменит ситуацию, в какой читатель увидит Денисова-партизана, обогатит его внешний и психологический облик, но до последней редакции сохранит такие детали портрета, как борода и образок Николе чудотворца на груди (II, с. 139).

В первой завершённой редакции говорится и о партизане Долохове. Есть его портрет. "Долохов был одет просто, в военный гвардейский сюртук без эполет и в балльные щегольские ботфорты" (ЛН, с. 726). В дальнейшем Толстой будет усиливать щегольство Долохова.

В характере Долохова отмечена жестокость. Она проявляется в его разговоре с Денисовым о пленных. "Что ж ты не бьёшь их? — просто спросил Долохов. — Вот нежность..." (там же). Работая над образом Долохова, Толстой сохранит в нём эту черту.

В отношении Долохова к Денисову Толстой подчёркивает дух конкуренции, хитрость и обман. Он прискакал к Денисову за пятнадцать верст, чтобы "отвести его от депо и самому взять его" (там же). Эпизод заканчивается словами автора: "Долохов обманул всех, и 2-х генералов, и Денисова. Он, не дожидаясь никого, напал на другой день на депо и, разумеется, взял все то, что только дожидалось случая отдаться" (там же). Эту черту в отношениях Долохова к Денисову Толстой в дальнейшем сначала ослабит, а потом совсем исключит.

В первой редакции есть и образ партизана Тихона. В будущем он станет Тихоном Щербатым. Но пока он Тихон Шестипалый. Дано объяснение, почему его так называют. "Шестипалый он был потому, что действительно у него были на руках и ногах приросточки около 5 пальца" (ЛН, с. 726). В дальнейшем Толстой откажется от этой приметы, и идя другую — отсутствие переднего зуба и соответственно изменит прозвище. Знакомство Денисова с Тихоном произошло в селе Покровском, где Тихона уличили в сношениях с французами. Денисов хотел его расстрелять за это. "Но Тихон Шестипалый пал в ноги, обещая, что будет служить верно, что он только по глупости, и Денисов простил его и взял в свою партию" (ЛН, с. 725.).

В партизанском отряде Тихон, "сначала исправлявший черную работу раскладки костров и доставания воды, скоро оказал необыкновенные способности в партизанской войне. <...> Оказалось, что не было человека, способного больше переносить трудов, видеть, подлезть неслышно дальше и менее понимать, что такое опасность, как Тихон Шестипалый, и Тихон был зачислен в казаки, в урядники, и получил крест" (там же).

В первой же редакции дан портрет Тихона. Он — "длинный, худой,

ке" (ЛН, с. 724). В окончательном тексте Толстой изменит ситуацию, в какой читатель увидит Денисова-партизана, обогатит его внешний и психологический облик, но до последней редакции сохранит такие детали портрета, как борода и образок Николе чудотворца на груди (II, с. 139).

В первой завершённой редакции говорится и о партизане Долохове. Есть его портрет. "Долохов был одет просто, в военный гвардейский сюртук без эполет и в балльные щегольские ботфорты" (ЛН, с. 726). В дальнейшем Толстой будет усиливать щегольство Долохова.

В характере Долохова отмечена жестокость. Она проявляется в его разговоре с Денисовым о пленных. "Что ж ты не бьешь их? — просто спросил Долохов. — Вот нежность..." (там же). Работая над образом Долохова, Толстой сохранит в нем эту черту.

В отношении Долохова к Денисову Толстой подчеркивает дух конкуренции, хитрость и обман. Он прискакал к Денисову за пятнадцать верст, чтобы "отвести его от депо и самому взять его" (там же). Эпизод заканчивается словами автора: "Долохов обманул всех, и 2-х генералов, и Денисова. Он, не дожидаясь никого, напал на другой день на депо и, разумеется, взял все то, что только дожидалось случая отдаться" (там же). Эту черту в отношениях Долохова к Денисову Толстой в дальнейшем сначала ослабит, а потом совсем исключит.

В первой редакции есть и образ партизана Тихона. В будущем он станет Тихоном Щербатым. Но пока он Тихон Шестипалый. Дано объяснение, почему его так называют. "Шестипалый он был потому, что действительно у него были на руках и ногах приросточки около 5 пальца" (ЛН, с. 726). В дальнейшем Толстой откажется от этой приметы, и идя другую — отсутствие переднего зуба и соответственно изменит прозвище. Знакомство Денисова с Тихоном произошло в селе Покровском, где Тихона уличили в сношениях с французами. Денисов хотел его расстрелять за это. "Но Тихон Шестипалый пал в ноги, обещая, что будет служить верно, что он только по глупости, и Денисов простил его и взял в свою партию" (ЛН, с. 725.).

В партизанском отряде Тихон, "сначала исправлявший черную работу раскладки костров и доставания воды, скоро оказал необыкновенные способности в партизанской войне. <...> Оказалось, что не было человека, способного больше переносить трудов, видеть, подлезть неслышно дальше и менее понимать, что такое опасность, как Тихон Шестипалый, и Тихон был зачислен в казаки, в урядники, и получил крест" (там же).

В первой же редакции дан портрет Тихона. Он — "длинный, худой,

с низко опущенными, с мотающимися как будто бессильными руками, но которые в своем мотании ударяли крепче самых сильных, и мотающимися ногами, но которые, мотаясь, огромными шагами проходили по 70 верст, не уставая" (ЛН, с. 720). Здесь же отмечено, что лицо у Тихона рябое, "повисший набок нос", смешная улыбка.

Одет Тихон был "в красный французский гусарский мундир с шляпой пуховой казацкой на голове и в лаптях". Подчеркнуто, что эту обувь он предпочитал всем другим. Здесь же сказано о его вооружении. "У него был огромный мушкетон, который он один умел заряжать, насыпая туда сразу 3 заряда, и топор и пика" (там же).

Есть в первой редакции и диалог Денисова с Тихоном, вернувшимся из разведки. Над этим диалогом Толстой будет много работать, но основу его сохранит до последней редакции.

В первой редакции в отряде Денисова находится "Петруша Ростов, непременно желавший служить с Денисовым, к которому он получил страстное обожание еще со времен приезда его в 1806 в Москву" (там же, с. 724). У Пети "широкое, доброе лицо, худые отроческие члены", фантастический костюм: армяк с патронами, вроде черкески и синие кавалерийские панталоны и шпоры. Он обожает Денисова, видит в нем своего Наполеона.

3. Упорная работа над философско-историческим обобщением о "глубине народной войны"

В первой завершенной редакции романа нет философско-исторических рассуждений писателя, связанных с осмыслением истории и значения партизанского движения (т. IV, часть III, глава I, II, начало III-ей окончательного текста). Они появились после того, как были изображены партизаны Денисов, Долохов, Тихон Шестипалый, как было сказано об отважном нападении отряда Долохова на французское депо и освобождение русских пленных и с ними Безухова. Мысль писателя от изображения партизан углубляется к философскому обобщению о партизанском движении как проявлении духа народа. Работа шла нелегко. Она отражается в трех черновых вариантах, печатающихся в полном собрании сочинений писателя под номерами 272, 273 и 274 (I5, с. 85-93).

Нетрудно заметить, что писатель, перерабатывая черновики в окончательную редакцию, добивается того, чтобы мысль была выражена кратко и ясно. Например.

Вариант (№ 273)

Период кампании 12 года от Бородинского сражения до белства французов из Москвы включительно ~~некая очевидна, что выигранное сражение не есть причина~~ ~~некореня народа, а есть только~~ ~~случайный признак и ответил на~~ ~~те вечные вопросы человечества~~ ~~что такое война? — что такое~~ ~~некореня одного народа другим?~~ ~~Почему Рим некореня после того,~~ ~~как Аннибал выиграл одно сражение, т.е. убил одну десяти-~~ ~~тысячную римского народа? Этот~~ ~~вопрос, который в особенности~~ ~~делают дети и научные люди~~ ~~что такое сражение о том, где и~~ ~~в чем лежит та сила, которая~~ ~~решает судьбы народов (т. 15,~~ ~~с. 89. Зачеркнуто Л.Н.Толстым. —~~ ~~И.А.).~~

Как видим, писатель сократил это место, сделал отдельные изменения, и от этого оно стало более ясным и доходчивым.

В окончательном тексте проще и яснее выражена мысль о мужиках, которые отказывались продавать французам сено.

Сравним.

Вариант (№ 273)

Почему мужик Карп и Влас, который после выступления французов приехал в Москву с подводами грабить город и вообще не выказывал лично геройских чувств, почему этот мужик и все бесчисленное количество таких мужиков не везли сена в Москву за хорошие деньги, нельзя себе объяснить, но и без объяснения чувствительна одна и та же сила, в этих бесчисленных бесконечно

Окончательный текст

Период кампании 1812 года от Бородинского сражения до изгнания французов доказал, что выигранное сражение не только не есть причина завоевания, но даже и не постоянный признак завоевания; — доказал, что сила, решающая участь народов, лежит не в завоевателях, даже не в армиях и сражениях, а в чем-то другом (12, с. 112).

Окончательный текст

Выигранное сражение не принесло обычных результатов, потому что мужики Карп и Влас, которые после выступления французов приехали в Москву с подводами грабить город и вообще не выказывали лично геройских чувств, и все бесчисленное количество таких мужиков не везли сена в Москву за хорошие деньги, которые им предлагали, а жгли его (12, с. 119).

малых, та же сила, которая была и в Бородинских умирающих солдатах и в солдатах, стоявших под Тарутиным, и в шайках, ловивших и бивших французов по окрестностям (I5, с. 91).

Одним из проявлений той силы, "которая была и в бородинских умирающих солдатах, и в солдатах, стоявших под Тарутиным", которая привела к тому, что французы, одержав победу, сами погибли, Толстой считает партизанскую войну. В черновике (вариант № 274) Толстой находит бессмертные образы — "дубины народной войны" (I5, с. 91, 93) и "духа войска" (I5, с. 92, 93). Он подчеркивает, что партизанская война всегда "начиналась тогда, когда дух войска находился на высшей ступени напряжения" (I5, с. 92). К сожалению, этих слов писателя нет в окончательном тексте. Зато почти дословно из этого черновика в окончательный текст были перенесены восторженные слова о патриотизме русского народа.

Вариант (№ 274)

И благо тому народу, который не как французы в 1813 по всем правилам искусства, перевернув шпагу эфесом, грациозно и учтиво передают ее русскому императору, а благо тому народу, который в минуту испытания не спрашивается о том, как велено поступать в этих случаях, а с поразительной простотой и легкостью поднимает первую попавшуюся дубину, не жалея себя, гвоздит ею до тех пор, пока не чувствует восстановленной свою самостоятельность и силы, и до тех пор, пока в душе его чувство ненависти не заменяет другое — презрение и жалость (I5, с. 93).

Окончательный текст

И благо тому народу, который не как французы в 1813 году отсалютовав по всем правилам искусства и перевернув шпагу эфесом, грациозно и учтиво передают ее великодушному победителю, а благо тому народу, который в минуту испытания, не спрашивая о том, как по правилам поступали другие в подобных случаях, с простотою и легкостью поднимает первую попавшуюся дубину и гвоздит ею до тех пор, пока в душе его чувство оскорбления и мести не заменится презрением и жалостью (I2, с. 121).

Сравнивая эти два текста и вчитываясь в подчеркнутые места, мы видим, как настойчиво добивался Толстой четкости, ясности и выразительности мысли. Но сама мысль, сам образ дубины народной вой-

ны были найдены в черновике и сохранены в окончательном тексте.

4. Шесть вариантов партизанских глав

Много и упорно работал Толстой над изображением партизанских отрядов в действии (в окончательном тексте главы III–XI, III–ей части IV–го тома). Мы располагаем, кроме первой завершенной и окончательной редакций, четырьмя промежуточными черновиками картин, изображающих партизан (варианты № 276, 277, 278, 278 а – т. I5, с. 94–I34; описание рукописей – т. I6, с. I92–I93).

Работа шла обычным для Толстого путем: сначала изображение расширялось, обогащалось множеством подробностей, а затем сужалось и сжималось, концентрировалось вокруг главного, приобретало динамизм.

I) Переделка первой завершенной редакции

Проследим творческую историю партизанских глав романа. Толстой работал по копии первой завершенной редакции (той ее части, где описывались партизаны). В результате ее первоначальной переделки возник черновик, опубликованный как вариант № 276. В нем Денисов пишет письма генералам уже не лежа, как было в первой редакции, а сидя "на барабане перед доской, положенной одним концом на окно, другим на вьюки" (I5, с. 95). Расширен портрет Денисова. Он "был в одной рубашке и широких плисовых штанах, засунутых в сапоги. Вся нижняя часть его лица обросла густой, уже курчавившейся бородой. Агатовые глаза его особенно ярко блестели..." (там же). Здесь же Толстой по зачеркнутой копии пишет новый текст, сообщая о том, что партизаны "только, что воротились из розыска, который они делали всей партией по Смоленской дороге. Розыск был удачен: они привели с собой I6 человек отдавшихся французских солдат и две французские фуры, отбившиеся дорогой, нагруженные французскими седлами" (там же). В повествование вводится новый эпизод. "В числе пленных был один I5-летний мальчик, барабанщик" (там же). Писатель не сразу находит, какое отношение вызывает пленный мальчик у Денисова. Первоначально Денисов сказал французскому барабанщику "несколько милостивых слов, вроде тех, которые Наполеон в Аустерлице сказал Репнину..." (там же). Но фальшивая ласковость и снисходительность снижала образ Денисова, и Толстой зачеркнул это место, написав: "... он обласкал мальчика, велел его оставить при себе" (там же). Поступок Денисова восхитил Петю Ростова. "Петя знал, – пишет Толстой, – что его герой – Денисов был храбрее и

благороднее всех людей, но эта новая замеченная в нем черта чувствительности в высшей степени тронула Петю. Он теперь смотрел на Денисова, вспоминая этот трогательный эпизод. "Кабы все знали только, какой это человек!" — думал Петя. "Ему бы, а не этому старому Кутузову (Петя имел очень низкое мнение о Кутузове) быть главнокомандующим" (там же). Мы видим, что Толстой, хотя и сохранил в чувствах Петра к Денисову налет романтического преклонения, но теперь это не слепое обожание, как было в первой редакции, а восхищение совершенно определенными человеческими качествами.

И далее Толстой расширяет эпизод с пленным барабанщиком. С разрешения Денисова Петя приглашает его отогреться, напиться чаю.

Все написано очень картинно. "Петя надел сапоги и вышел на улицу. Была темная, ветреная, осенняя ночь; костры казаков и партизанов виднелись вблизи. — *Bosse! Vincent!* — крикнул Петя ... А, Висеню, — сказал казак. Уж они переделали его имя *Vincent* в Висеню, подходявшее по напоминанию о весне к их представлению о молоденьком, хорошеньком мальчике, которого все полюбили и жалели" (I5, с. 96). Изображение пленного мальчика полно у Толстого гуманного чувства и подчеркивает гуманизм русской армии и партизан. "Молоденький барабанщик" назван "хорошеньким, худощавым мальчиком с большими черными глазами". "... Его несложившееся, растущее тело, его без пушку на губе, но истощенное красивое лицо, его нетвердый голос, его, видимо напущенная, солдатская ухватка, из-за которой еще резче выказывалась детская незаглушимая невинность, сами собою напоминали о матери, которая еще так недавно должна была носить его. Это почувствовали все, и не только Денисов и Петя, но все в отряде тотчас же полюбили его" (I5, с. 97). Образ пленного французского барабанщика и изображение заботы о нем Пети Ростова сохранится во всех черновиках и дойдет до печати.

Далее Толстой обращается к переработке эпизода с партизаном Тихоном, возникшего еще в первой завершённой редакции.

Тихон, как и в первой редакции, назван Шестибалым. И здесь говорится, что он "мужик из Покровского", замеченный вместе с другим мужиком — Прокофием Рыжим в сношениях с французами. Несколько изменена мотивировка наказания их Денисовым. Первоначально Денисов, "пробуя свою власть и свое умение управлять ею, предварительно разгорячившись, велел расстрелять обоих" (ЛН, с. 725). В новой редакции сказано иначе. Денисов, "считая своим долгом показать пример наказания изменников, посоветовавшись с своими товарищами, присудил расстрелять обоих" (I5, с. 98). После раскаяния Тихона

Денисов в первой редакции просто прощает его и берет в свою партию, во втором варианте он, наказав розгами обоих мужиков, простил их и взял по выраженному ими желанию в свою партию" (там же).

Толстой почти дословно сохраняет первоначальную характеристику "черной работы" Тихона и его неожиданно раскрывшейся способности к партизанской войне, и то, что он был зачислен в казаки, в урядники и получил крест (ср. ЛН, с. 725 и I5, с. 98). Сохранил Толстой и сразу найденную характеристику мотающихся рук и ног Тихона, которые, однако, умели сильно ударить и пройти 70 верст в сутки. Сохранилось и объяснение, почему он был прозван Шестипалым. Но слова о том, что "ворожея сказала ему, что ежели он отрубит один из этих пальцев, то пропадет", были вычеркнуты (ср. ЛН, с. 726 и I5, с. 99).

Следующую за этим характеристику лица Тихона, его улыбки, бесстрашия, одежды и вооружения Толстой сохранил почти дословно.

Не подвергается большим изменениям и диалог Денисова с Тихоном, возвратившимся с разведки.

Эпизод же приезда Долохова, его попытка "отвести Денисова от депо и самому взять его", слова о том, что Долохов "обманул все...", и, не дожидаясь никого, напал на депо Бланкара и, разумеется, взял все то, что только дожидалось случая отдаться", были зачеркнуты. Толстой счел неуместным сосредоточивать внимание на конкуренции между двумя руководителями партизанских отрядов. Вместо зачеркнутого большого куска на полях рукописи были вписаны два абзаца: о совете при Денисове, решившем завтра в ночь осуществить нападение, и о том, что Денисов на другой день узнал про обман Долохова, "забравшего лакомый кусок" (I5, с. 100-101).

Результаты переработки первой редакции Толстому не понравились. Изображение оставалось статичным.

2) Создание новой (третьей) редакции. Усиленная работа над образами Денисова, Долохова, Пети Ростова, Тихона Щербатого

Не удовлетворившись вторым черновиком (вариант № 276), Толстой взял предыдущие рукописи и заново их переработал. Получился новый черновик (вариант № 277). В нем много исправлений, подчас вычеркивались целые большие куски, на полях делались заметки.

Толстой стремился показать партизан в действии. Мы видим их возвращающимися с "дела". "Партия, выехав с полдня, захватила, кроме мальчика, 30 человек пленных и две фуры с седлами". В начале писатель точно определил время и место действия: "24 октября

был пасмурный, сырой, осенний день. В 30 верстах от Смоленска, в 10 верстах от большака, в небольшой господской деревне, в лучшем маленьком помещичьем дворе..." (I5, с. 103). Нет, не так. Толстой зачеркивает это место и придает ему больший динамизм: "24 октября на двор небольшого помещичьего домика перед вечером въезжала партия человек 20 верхом. Несколько...". И опять не так. Писатель начинает снова: "Перед вечером 24 октября к воротам небольшого помещичьего домика подъезжала кавалерийская партия человек в 100. Впереди ехал Денисов" (там же, с. 103-104). Но и это зачеркивается. В конце концов Толстой находит прием, придающий повествованию особую живость: возвращающихся партизан видит Петя. "Перед вечером, стоя у ворот маленького помещичьего дома, Петя увидел возвращающуюся партию. Впереди на вороном донце ехал Денисов" (там же, с. 104). Получилось кратко и наглядно. Но и этот вариант не дойдет до печати. В окончательной редакции Петя не так встретится с партизаном Денисовым.

Работая над этой рукописью, Толстой продолжает обогащать образ Денисова. Новые черточки появляются в его портрете. Теперь он показан не лежащим и не сидящим на барабане, а едущим на коне. Но здесь Толстой умышленно снижает образ, придавая ему черты будничности. Отмечена особенность посадки Денисова на лошади: "Он сгдел бочком, подкормив свои коротенькие мускулистые ножки" (I5, с. 104). Охарактеризована его одежда и вооружение: "Денисов был одет в папаху и мужицкий кафтан с большим образом Никотая Чудотворца на груди и высокие сапоги. За кушаком у него был пистолет, через плечо пашка" (там же). Толстой сохраняет в портрете Денисова черную густую бороду и черные блестящие глаза.

В этом черновике отмечена важная для писателя черта Денисова — его близость к рядовым партизанам. Он останавливается у ворот, пропуская мимо себя отряд, и "... люди эти, не стесняясь присутствия начальства, не выпуская изо рта трубок, громко болтая и смеясь, проезжали мимо него" (там же).

Толстой начал было писать о том, как Денисов расположился в помещичьем домике. Уже была набросана картина ужина, разговоры о предстоящем назавтра деле: "Предприятие состояло в том, что на смоленской дороге должен был ночевать большой французский транспорт кавалерийских вещей и партия наших пленных. Предполагалось напасть на этот транспорт" (I5, с. 105). Но писатель вычеркнул этот довольно большой кусок, остановив внимание на встрече въезжающего в ворота Денисова с Петей.

Образ Пети Ростова играет в этом варианте большую роль. Партизаны показаны через его восприятие.

Первоначально в этом черновике говорилось, что Петя участвовал в "деле" партизан и теперь вместе с ними возвращался на стоянку. Он ехал рядом с Денисовым. Это было его первое партизанское "дело". Говорилось, что "Петя, с первых дней своего поступления в партизаны боявшийся и опасности, и жестокости, теперь уже вполне усвоил себе тот охотничий дух, который чувствовался во всех этих людях" (I5, с. 105). В этом "деле" Петя "увидел маленького французского барабанщика, которого держал казак. Пете вдруг стало ужасно жалко мальчика" (I5, с. 106). И ниже Толстой писал о Пете: "Тот опыт партизанской войны, который он видел нынче, очень понравился ему. Его пугала прежде опасность этой войны, где можно быть не только убитым, но взятым в плен и быть казненным французами, так как говорили, что французы расстреливали партизанов, и ужасала мысль о жестокости этой войны, где побивали и застрелили в плен разрозненных, незащищающихся людей, но нынче он понял, в чем состояла прелесть этой войны" (I5, с. 107). Но эти два больших куса, где говорилось об участии Пети в том деле, с которого возвращались партизаны, о его чувствах, вызванных партизанской войной, Толстой зачеркнул. Ситуация меняется: Петя приехал к Денисову в его отсутствие и теперь встречает партизан у ворот. Толстой рассказывает предисторию его появления в отряде, особое внимание уделяет его душевному состоянию. Мы узнаем о том, что он служил ординарцем у "генерала, командовавшего важной частью", участвовал в Тарутинском и Вяземском сражениях, был "безумно храбр" и самолюбив. При этом он "испытывал тяжелое чувство разочарования и недовольства собой" (I5, с. 103). Возникает тема противоречия между действительностью и романтическими представлениями о войне. Толстой пишет: "Вместо торжественных с знаменами, музыкой сражений Петя видел какую-то кутерьму. Вместо героя полководца он видел дряхлого старика, про которого рассказывали неприличные анекдоты, вместо сынов отечества, жертвующих собой, были генералы, игравшие в бостон и ссорившиеся между собой, вместо общего мужества большая часть людей боялись смерти и ран. <...> Он испытывал недовольство собой, считал, что он виноват в том, что с ним не случается ничего героического. <...> Ему все казалось, что там, где его теперь нет, там-то совершается самое хорошее, героическое, и он все торопился поспеть туда, где его не было" (там же). Когда генерал намеревался послать кого-нибудь к Денисову с предложением соединить их си-

лы, "Петя просил, чтобы послали его", "надеясь, что там-то у Денисова он найдет случай отличиться вполне" (там же). И Пете "хотелось остаться здесь и испытать завтра эту войну" (I5, с. 107).

Толстой включает в черновик эпизод с пленным французским мальчиком-барабанщиком. Петя видит его среди партизан и затем вспоминает о нем во время обеда. Здесь Толстой воспользовался предыдущим вариантом (№ 276), но внес в него многочисленные поправки. Мальчика теперь не просто поят чаем, но и одевают и угощают бараниной. Слова о детскости французского барабанщика, о его невинности, напоминающей о матери, которая еще так недавно должна была носить и кормить его, зачеркнуты, очевидно, как излишне сентиментальные. В ответ на ласковые слова Денисова с тем, что он оставляет его при себе, пленный мальчик теперь не краснеет, а, "дрожа от холода и страха", приставляет свою опухшую руку ко лбу в знак военного поклона" (I5, с. 109).

В этом черновике Толстой шире и полнее показывает Долохова, руководившего другим партизанским отрядом. О его конкуренции с Денисовым по-прежнему речи нет, но все-таки он противопоставлен Денисову. Василий Денисов и одеждой и манерой говорить выказывал свою близость к партизанам. Долохов же "имел вид самого чопорного гвардейского офицера. Он был в гвардейском скюртуке, застегнутом на все пуговицы, в больших лаковых сапогах, с чисто обритым лицом и в прямо надетой пустой фуражке" (I5, с. 110). Долохов приехал к Денисову для переговоров о предполагаемом нападении на французский транспорт.

Долохов дается здесь через восприятие Пети. Ростов, "наслышавшись прежде о необыкновенной храбрости Долохова, заезжавшего в самую середину французов и выхватывавшего оттуда людей, и про жестокость его с французами: он убивал всех пленных, — с любопытством, усиливаемым еще тем невольным уважением, с которым обращаясь с ним Денисов и его офицеры, смотрел на эту аккуратно, чисто одетую, медлительную, сколоченную как из железа, фигуру, и на холодное, неподвижное лицо с ямочками в губах" (I5, с. 111). Писатель вводит разговор Долохова и Денисова об отношении к пленным. В отличие от Денисова, сдающего пленных под расписки, Долохов расстреливает их. Он говорил об этом, молча улыбаясь, "с выражением снисходительного презрения", в глазах его появляется "холодный блеск", он "светло и нагло блеснул глазами". На замечание Денисова о том, что жестокость с пленными унижает честь солдата, он возражает: "Вот молоденькому графчику в 16 лет говорить эти любез-

ности — прилично, а тебе стыдно, право, говорить этот вздор". Здесь в разговор вступает Петя: "Убивать безоружных пленных подло и низко, — закричал Петя, вскакивая со стула, — и мне будет II6 лет, я скажу все то же" (I5, с. II2). Это восклицание Пети не дойдет до печатного текста. Но диалог этот Толстой сохранит, сделав в нем некоторые поправки.

Долохов предлагает Пете поехать с ним в разведку к французам, переодевшись во французскую форму. "Петя тотчас понял, что предложение Долохова был вызов", и согласился, несмотря на возражения Денисова (I5, с. II6).

Изображение смелого до дерзости поведения Долохова во французском лагере — новый эпизод в черновике. Мы видим, как он у костра разговаривает с французскими солдатами. "Долохов кликнул солдата и, когда солдат не скоро встал, он строго разобрал его, спрашивая, где командир и офицеры" (там же). У французских офицеров он, как ни в чем не бывало, "расспрашивал все, что ему нужно было: сколько их войск, сколько пленных", заявив о них: "Противное дело таскать за собой эти трупы. Лучше бы расстрелять эту сволочь" (там же, с. II7). Но оказавшись около русских пленных, он кричит им: "Ребята! Эй! Нынче на заре вас отобьют" (там же). И исчезает в поле, сопровождаемый выстрелами французов.

Эмоциональная сила этого эпизода определяется тем, что действие в нем сопровождается показом переживаний Пети Ростова. "Петя помнил то замирание сердца, которое он испытал, когда слез с лошади, следуя примеру Долохова, и отдал лошадь французскому солдату, и это, все усиливавшееся замирание, по мере разговора Долохова с офицерами..." (I5, с. II6). "Ну, теперь он уедет", — думал Петя... "Петя радостно вздохнул, когда они стали отъезжать от костра..." (там же, с. II7). "Петя помнил всю свою жизнь эти страшные, пережитые им минуты" (там же). Эпизод этот после значительной обработки найдет место и в окончательном тексте.

Большое место в этом черновике занимает образ партизана Тихона. Работая над ним, Толстой пользовался копией с предыдущего варианта, внося в него многочисленные поправки и добавления. Именно в этом варианте писатель окончательно находит кличку Тихона. Сначала он называет его здесь Неверным, но зачеркивает это прозвище и окончательно называет Щербатым.

В том месте, где сказано, что Тихон "мужик из Покровского", добавлено "под Гжатью". Это добавление, указывающее на то, что Тихон Щербатый — смоленский крестьянин, дойдет до печати.

На полях копии Толстой пишет новый текст о том, как Дег сов узнал о Тихоне Щербатом. То место, где раньше говорилось о сношениях Тихона с французами, о наказании его Денисовым, исключается. Теперь Денисов в начале своих действий приходит в Покровское и спрашивает у старосты, что ему известно о французах. Староста сначала, "как бы защищаясь", начал говорить, что они о французах "знать не знают, ведать не ведают". Когда же Денисов стал ему внушать, что французов надо бить, староста сказал, что у них этим занимается Тишка Щербатый, "мужичонка дрянной". Денисов же по валил Тихона. Но тот "заробел" и, полагая, "что и Денисов был француз", стал оправдываться: "Мы французам худого не делали". Писатель заключает: "Денисов взял с собой Тишку Щербатого" (I5, с. II3). Весь этот кусок, написанный живо и с юмором, с незначительными изменениями дойдет до печати.

Небольшие поправки внес писатель в последующий рассказ о "черной работе" Тихона в отряде, о его ночных походах "на добычу" к французам и необыкновенных способностях к партизанской войне, за что он был зачислен в казаки. Это место сохранилось (с незначительными изменениями) от первой редакции и дойдет до окончательного текста.

Писатель продолжал работать над портретом Тихона. Сохраняется из от первой редакции: "Тихон был мужик длинный, худой...". Но добавлено "точно развинченный". Сохраняется сразу найденная подробность: низко опущенные, мотавшиеся руки и такие же длинные, мотавшиеся ноги. Здесь добавлено "вывернутые". Слова о том, что руки "в своем мотании ударяли крепче самых сильных", а ноги "мотаясь огромными шагами проходили по 70 верст, не уставая", — зачеркнуты.

Без особых изменений осталась найденная еще в первой редакции характеристика лица Тихона: длинное, с повисшим набок носом, редкой бородкой, изрытое оспой. Добавлено лишь то, что у него не было одного верхнего зуба — "оттого его звали Щербатый". Сразу была найдена и сохранилась характеристика одежды Тихона — "красный французский гусарский мундир", "казанская пуховая шляпа", лапти, и его оружие — огромный мушкетон, который он носил больше для потехи товарищей, и топор. Добавлено, что топором "он владел, вырезая самые тонкие штуки и раскалывая бревна и головы, как птица владеет своим клювом или когтями" (I5, с. II4).

На полях исправляемой копии Толстой написал о силе Тихона: "Никто из товарищей его не говорил, что он силен. Тихон никогда не пробовал и не показывал свою силу; но все, смеясь, говорили

про него: здоров, чорт. Что ему делается. Меренина здоровый. И действительно: подпереть плечом и выдрать из грязи завязшую фуру, за хвост своротить упавшую лошадь, стащить на себе куль муки или 6 пудов мяса или пройти 70 верст в сутки — ничего не значило для Тихона" (I5, с. II3-II4).

Толстой вписывает в перерабатываемую копию два абзаца: о том, что вид Тихона был смешон и что насмешки над ним доставляли ему удовольствие; и о том, что услуги его, оказываемые отряду, "были неоценимы" (I5, с. II4).

В этом черновике Толстой расширил диалог Денисова с вернувшимся из разведки Тихоном. Сохранены комические черты этого диалога (Ср. ЛН, с. 726; I5, с. 99-100; I5, с. II5). В значительно переработанном и сокращенном виде он дойдет до окончательного текста.

Завершается этот черновик вновь написанной картиной, изображающей результаты утреннего нападения партизан отрядов Денисова и Долохова на французский обоз. Сама атака пока не изображена. О ней говорится в форме воспоминания Пети. "Одними из самых радостных минут в его жизни были те минуты на рассвете этого дня, когда он вскакал с казаками в деревню и те самые французы, которые так страшны были вчера, бросали оружие, и те русские пленные, оборванные, босые, распухшие, которых он вчера мельком видел у огня, вязали своих конвойных и с слезно-радостными криками приветствовали своих спасителей..." (I5, с. II7).

В этой редакции Петя остается жив. Толстой колебался, изображая душевное состояние Пети после победы в этом сражении. Сначала было написано: "Петя испытывал странное чувство и сострадания, и мести, и сознания справедливости того, что происходило, когда в это утро с одной стороны улицы толпы наших пленных, окруженные солдатами и казаками, кормившими их и раздававшими им платье, все радостно и слезно лопотало что-то, а с другой стороны..." (там же). Не закончив фразы, Толстой вычеркнул написанное, и на полях перерабатываемой копии написал: "Петя стоял подле этой смешавшейся толпы освобожденных пленных и солдат партии Денисова и Долохова и не чувствовал, как слезы текли по его щекам. Когда он заметил свою слабость, он, устыдившись ее, обтер рукавом глаза..." (там же).

Заключивается рукопись автографом на отдельном листе с пометой рукой Толстого: В конец. Содержание этого автографа — картина, рисующая Долохова, который с помогающим ему казаком считает французских пленных. Он "взглядывал на них своим нагло-холодным, стеклянным, ничего доброго не обещающим взглядом". И ниже: "Взгляд его

вспыхивал самодовольным и жестоким блеском" (I5, с. II8).

Слова о том, что "в числе освобожденных партией Денисова и Дохова пленных находится Пьер Безухий" в этом черновике были вычеркнуты.

Таково содержание третьего черновика интересующих нас глав.

3) Переработка третьей редакции. Создание четвертой. Продолжение работы над образом Пети Ростова

С третьего черновика была снята копия. Она вновь подверглась переработке, в результате которой создан новый, четвертый, черновик (вар. лнт № 278). Остановимся на нем.

Главным персонажем в этом варианте является Петя Ростов. Писатель продолжает выдвигать этот образ на первый план.

Толстой меняет характеристику душевного состояния Пети. Он вычеркивает большой кусок, где говорилось о его чувстве разочарования и недовольства собой. Вместо него вписывает следующее: "Поступив в действующую армию и увидев на деле войну, Петя все это время находился в состоянии восторга и поспешности, в котором находится ребенок, придя в игрушечную лавку" (I5, с. II8). И далее шел текст копии: "Он все время был, как в тумане. Ему все казалось, что там, где его теперь нет, там-то совершается самое хорошее, героическое, и он все торопился поспеть туда, где его теперь не было" (там же). Толстой подчеркивает готовность Пети к подвигу и его наивную восторженность. К тексту копии он приписывает: "и сделать что-нибудь необыкновенное". Здесь же на полях зачеркнутой копии Толстой вписывает рассказ о том, как смело вел себя Петя в сражении под Вязьмой. "Первый раз, когда под Вязьмой Петя был в сражении, его генерал послал Петю передать приказание в авангард. Петя, стремглав поскакав в цепь, выскакал за нее под выстрелы французов, выпалил два раза из пистолета и, несмотря на выговор своего генерала, был очень счастлив своим поступком" (I5, с. II8-II9).

Толстой заново пишет на полях зачеркнутой копии о том, как Петя оказался в отряде Денисова. Было: Петя просился к Денисову. "Может быть, партизаны, в особенности Денисов, которого он помнил еще с 1806 года, был самым героем". "... Там-то у Денисова он найдет случай отличиться вполне..." (I5, с. I03). Стало: генерал сам послал Петю к партизану Денисову. Петя должен был получить верные сведения о французском транспорте и передать Денисову предложение соединиться с генералом (там же, с. II9).

Петя нашел Денисова не на стоянке, как это было в предыдущем черновике, а "на ходу в 2-х верстах от большой дороги и присоединился к нему" (там же).

Заново, с поправками и вычеркиваниями, описана встреча Пети с отрядом Денисова.

Сначала Толстой нарисовал такую картину. Петя застаёт Денисова "в самом разгаре партизанской страсти" (I5, с. 120). Он, выслеживая французский транспорт, стоял в двух верстах от дороги. Утром уже были отбиты две фуры. Теперь Денисов ждал, чтобы транспорт стал на место. Ночью он хотел атаковать его. У него было человек сто кавалеристов, казаков и других людей. "Денисов с тремя офицерами сидел у дверей караулки и горячо спорил о чем-то с одним из офицеров. Увидев Петю в форменном сюртуке и не узнав его, но признав за штабного, которых ненавидел Денисов, он нахмурился. Но только что Петя заговорил, передавая свое поручение и еще не успев назвать его, как Денисов вскочил, глаза его весело блеснули, и он обнял Петю и поцеловал его.

- Вот не узнал бы, каким молодцом стал! - закричал Денисов..." (I5, с. 120-121). Но затем весь этот кусок был вычеркнут, а вместо него написан новый автограф на восьми страницах. Сохранил Толстой лишь одну фразу: "Петя застал Денисова в самом разгаре партизанской страсти" (I5, с. 121). Здесь же Толстой поясняет, что в тот день, "как (зачеркнуто: с помощью мужика из деревни) Петя (зачеркнуто: после многих исканий, наконец), нашел его, Денисов с утра со всей партией следил за тем самым транспортом, узнать о котором был послан Петя, и на рассвете другого дня вместе с другим партизаном, Долоховым, измеревался без (зачеркнуто: содействие) донесения о том высшим начальникам атаковать и взять этот транспорт" (I5, с. 121).

Далее Толстой дает как бы панорамное изображение дороги, по которой идет этот транспорт: "от деревни Микулиной к деревне Шамшеву - 19 верст" (I5, там же). Картина получилась впечатляющей, зримой. Читатель видит, как "колонны французов с их тощими командами, обозами и отсталыми" идут "широкой, извивавшейся лентой по Смоленскому большаку", как с одной стороны дороги, в больших лесах, местами подходивших к самой дороге, местами отдалявшихся от нее, ехала партия Денисова, следя за французами. Упомянуто о том, что "с утра недалеко от Микулиной, там, где лес близко подходил к дороге, партия захватила две ставшие в грязи фуры с кавалерийскими седлами", что при этом французы были все перебиты и "захватили

живым только одного больного мародера, ничего не знавшего о шедшей колонне, и мальчишку 15 лет, барабанщика, который тоже ничего не мог сказать положительного о том, какие были войска в колонне. Чтобы узнать об этом, Денисов посылает в Шамшево бывшего при его партии мужика Тихона Щербатого. Писатель кратко поясняет: "Т.Щ. был мужик, взятый Денисовым из деревни под Гжатью, где этот мужик, составив команду из ребят (?), с топорами и вилами охотился за мародерами (курсив Толстого), как называли мародеров" (15, с.122). Но и в этой краткой характеристике писатель подчеркивает важность дел Тихона для партизанского отряда. "Никто во всей партии не умел так, как этот Тихон Щербатов, пройти по самым опасным местам, неслышно подлезть в самую середину французов и выхватить человека или двух, и потому Тихон был неоцененный человек для партии, и теперь Денисов ожидал наврное успеха от данного ему поручения" (там же).

Отделив написанное горизонтальной чертой, Толстой далее показывает отряд Денисова в действии.

Разрабатывается возникший еще ранее (вариант № 277, 15, с.103), но тогда зачеркнутый, осенний пейзаж. "День был темный, мокрый, осенний. ...Неба не видно было никакого (зачеркнуто: какая-то жижка). Та же жижка, которая была на платьях, в сапогах, на земле, тоже цвета мутной воды, стояла над головами. То моросил мелкий дождичек (зачеркнуто: маленькими каплями), то вдруг припускали крупные капли с ветром, хлеща в лицо людям. Точно сыпались капли с веток от порыва ветра, но эти капли, обещавшие пройти сейчас, хлестали так иногда по целому часу" (15, с. 122). Этот пейзаж помогает почувствовать всю тяжесть партизанской войны.

Денисов, Петя и казачий есаул Ловайский едут впереди партизанского отряда. "Все они были мокры насквозь, лошади их были глянцевиты, поджимали уши и набок сворачивали головы от дождя, и седла лоснились и чмокали на езде" (там же, с. 123). Но тот же пейзаж оттеняет, по контрасту, бодрость духа партизан.

Портрет Денисова в этом черновике, сохраняя основные черты его внешности, найденные ранее, — это искусное изображение человека в движении. "Денисов, одетый в папаху с висящим на его лице вымытым дождем курпеем, в бурку, которую он беспрестанно распахивал, выказывая большой образ, висевший у него на груди, делая жесты руками, и в больших, порыжевших от дождя сапогах, сидел бочком, подкорчив мускулистые ножки, на худом, избитом и ширококостном вороном донце и, смеясь, громко говорил. Похудевшее его теперь

лицо с обросшей черной бородой и блестящими более обыкновенного глазами светилось возбужденным выражением" (15, с. 123). Умышленно сниженный автором портрет Денисова (худой, избитый, широкоплечий вороной донец, на котором Денисов сидел подкорчив мускулистые ножки), возбуждение Денисова (беспрестанно распахивал бурку, смеясь, громко говорил) оттеняется спокойствием и "франтовски самодовольным выражением и в лице и в посадке" есаула. "... Под ним лошадь была гораздо лучше, сытее, сам он был гораздо лучше одет" (15, с. 123). Толстой подробно описывает одежду есаула и его лошадь. Если раньше он говорил о Денисове, что он составлял с лошадью как бы одно существо, то теперь это сказано о есауле. При первом взгляде на него чувствовалось, "что это не человек, который сел на лошадь, а что этот человек вместе с лошадью — одно увеличенное двойной силой существо" (там же). Снижая портрет Денисова, Толстой стремится истинно героическое показать в будничном.

И здесь Толстой заставляет читателя смотреть на изображаемое глазами Ростова. "Петя восхищался одинаково и размашистыми (зачеркнуто: разгильдяйскими) манерами Денисова с его спустившимися мокрыми сапогами и мотавшимся мокрым образом, и растерзанной шеей, за которую заливала вода с боков, и этой подобранной степенностью казака с тихим как будто насмешливым блеском в узких глазах" (15, с. 123-124). И в другом месте: "Петя, быстрым движением поворачивая голову то на Денисова, то на есаула, отыскивая в их лицах объяснение того, что занимало его" (15, с. 126). И еще: "Петя жадно прислушивался", "Петя с возбужденным лицом, подергивая поднятой кверху головой, смотрел на казака" (15, с. 127). И здесь Толстой использует свой излюбленный прием: показ жизни через восприятие героя.

Душевное состояние Пети, его восприятие событий и патриотический настрой — в центре внимания писателя. "Петя, одетый в форменную шинель, фуражку и обыкновенные сапоги, был мокрее всех, но этот хлещущий ему в лицо и наполняющий его сапоги и все платье дождик, казалось, доставлял ему большое удовольствие. Ему все время хотелось смеяться от радости" (15, с. 124). Вместе с Денисовым, есаулом и гусарами он наблюдает из лесу стоянку французов. Когда речь заходит о предстоящей атаке, он возбужденно спрашивает: "— Как же вы будете атаковать? ... Нет, пожалуйста, мне расскажите и дайте мне отряд" (15, с. 126).

Когда партизаны увидели Тихона, спасающегося от французов, Петя принимает живейшее участие в разговоре о Тихоне, в оценке

его поведения. " — А что он, молодец, этот Тихон? — спросил Петя у Денисова.

— Такая шельма, что не хуже казака, — сказал есаул.

— Ну, не хуже, батюшка. Ни один ваш казак ему в подметки не годится. Что этот человек делает — это непостижимо, — говорил Денисов все подбадривающемуся Пете. — Куда хочешь пошли, он как по своему огороду ходит. Я его взял, так уж он их, я думаю, сотню уложил. С ребятами баловался, — он говорил" (I5, с. 127-128). "Петя кядно прислушивался" к рассказам Денисова и есаула о Тихоне.

" — Ему 80 (было 70) верст пройти ничего. Он всегда с нами с кавалерией пешком бегаёт и никогда не отстаёт.

— Что ж, силен очень?

— Не сила..., а здоровенный меренина, так сказать. Здоров чорт.

— Да как же не сила. Он при мне за хвост один выворотил лошадь, как завязла наша фура, как подопрет плечом Тихон и выдерет, — сказал Денисов, видимо любивший своего Тихона.

— Что же, скоро он придет? — спрашивал Петя" (I5, с. 127-128).

Здесь Толстой поставил горизонтальную черту, возможно, обозначая её конец главы.

Далее в черновике возникает картина отдыха и ужина партизан. И опять все дается через восприятие Пети. В рукописи вновь подчеркивается восторженное состояние духа Пети, его "глупое и милое детское самодовольство и желание быть прекрасным" (I5, с. 128). Он просит Денисова направить его завтра в бой. "Только вы меня пустите в самую... штуку. Мне не нужно наград. А мне хочется" (там же). Искренность и наивность Пети рождает к нему любовное отношение всех окружающих, умудренных жизненным опытом людей. "... Все — от Денисова и до Лихачева, казака, прислуживавшего господам, с улыбкой веселья смотрели на него. Все ласкали его..." (там же).

На этом, почти на полуслове, заканчивается этот черновик.

4) Работа над образами Тихона Щербатого и Пети Ростова, отразившаяся в пятом черновике

В рукописях Толстого есть еще один черновик, в котором изображаются партизаны. Он печатается как вариант № 278 а.

Этот черновик прежде всего отражает работу писателя над образом Тихона Щербатого.

Писатель отделяет эпизод допроса Тихона после разведки Денисовым. Он работает по копии варианта № 277.

Начинается черновик автографом, в котором заново дается портрет Тихона. Однако в нем сохранены все ранее найденные подробности: и французская гусарская куртка, и пуховая казанская шляпа. Тихон только что спасался от французов в речке. "Вода капала с его локтей, и там, где он стоял, скоро налилась лужа", — увязывает Толстой это изображение с предыдущим вариантом.

Далее следует копия 277-го варианта, того места, где изображалось лицо Тихона, начиная со слов: "Длинное лицо его..." и кончая словами: "Звали Щербатым". Здесь же добавлена новая деталь: "Шея у него была толстая, как у быка, и коричневая". Далее по копии: "В одеянии и фигуре своей он был странен и смешон, и, казалось, ему самому это доставляло удовольствие" (Ср. I5, с. II4, I29). Интересно, что и здесь Толстой вводит ссылку на Петю: "Так заключил Петя по взгляду, которым он (Тихон — И.А.) ответил на улыбку казака" (I5, с. I29).

Весь эпизод допроса Тихона, который взял языка, да, вероятно, убил его, а потом пошел за другим, но был замечен французами, дается писателем в свете восхищенного отношения к нему Пети Ростова. Восторг вызван тем, что Тихон о своих полных отваги действиях рассказывает просто и с юмором. "Да я его взял одного-то сперва-наперво, — начал Тихон, переставляя ноги в луже, которая натекла с него, — да и свел в лес, привязал как следует к березке. Думаю, дай схожу, другого (зачеркнуто: поладнее) поаккуратнее какого возьму. <...> Петя с раскрытым ртом с восторгом глядел прямо в рот Тихону, слушая его слова" (I5, с. I29). И дальше: "Петя залился, сам не зная чему, веселым смехом..." (там же, с. I30). И еще: "Петя не слушал их (Денисова и Долохова. — И.А.), он стоял подле Тихона и не спускал с него удивленных глаз" (там же). И дальше Петя вступает в разговор с Тихоном. Используя и здесь свой излюбленный прием, Толстой добивается особой живости и эмоциональности изображения.

Эпизод этот частично написан заново, частично использована копия старого варианта (№ 277).

Далее Толстой обращается к эпизоду поездки Пети с Долоховым во вражеский стан на разведку. Этот эпизод уже был написан в третьем черновике (вариант № 277). Но Толстой переработал этот черновик. Заново написано о восторге Пети "от сделанного ему предложения" ехать с Долоховым на разведку. "Он тотчас обнял Долохова, поцеловал его, предложил ему изину и кремней и сообщил, что он тоже привык всегда все делать аккуратно и не наобум Лазаря

и что он об опасности для себя никогда не думает, потому что, согласитесь, если не знать верно, что там — от этого зависит жизнь, может быть, сотни, а тут мы одни, и потом мне очень этого хочется" (15, с. 131). В окончательном тексте это место частично будет дано, как прямая речь Пети.

Именно в этом черновике Толстой нашел такое изображение поездки Пети и Долохова в разведку, какое лишь с незначительными изменениями вошло в окончательный вариант.

Далее в черновике появляется вставка на трех страницах, где изображается возвращение Пети после поездки в разведку. "Петя вошел к Денисову. Денисов лежал под буркой.

— Ну, слава богу! — крикнул он и обнял и поцеловал Петю. Петя рассказал все, что они узнали, и Денисов, подвинувшись к стене, хлопнул рукой по бурке.

— Ну, ложись сюда, до завтра надо вздремнуть.

Говоря с Петей, Денисов не мог не улыбнуться, так мил ему был этот маленький герой" (там же). Это место в окончательном тексте будет изменено.

В этом черновике Толстым был найден следующий эпизод — Петя, не захотевший перед боем спать, проводит ночь в лагере, на дворе. Здесь много подробностей и деталей, которые войдут в окончательный текст: и обращение к лошади Карабаху, и просьба к казаку наточить саблю, и воинственный звук стали под брусом, и вопрос о французском пленном мальчике, и волшебное царство рассвета, и стройный хор музыки, и целковый казаку, наточившему саблю. И все-таки, при окончательной отделке этой рукописи, Толстой внес в нее ряд поправок.

Есть в этом черновом автографе и изображение Пети во время атаки на французский обоз. Он заканчивается трагически — гибелью Пети. Но это место автографа, прежде чем войти в окончательный текст, подверглось большой переработке.

Черновик завершался словами "В отбитой Денисовым и Долоховым партии пленных находился Безухий" (15, с. 134).

5) Окончательная отделка написанного

Проанализировав изображение партизан в первой завершенной редакции и четырех черновых вариантах, мы убедились, что в процессе их создания писатель нашел нужные ему ситуации, время и место действия, центральные персонажи, определил их портреты, характеры, судьбы, нашел множество художественных подробностей

и деталей. Ближе всех к окончательному тексту варианты № 278 и 278 а. Но, готовя партизанские главы к печати, Толстой на основе всех этих черновиков пишет, по существу, новый текст, добиваясь в нем высокого художественного совершенства.

В окончательном тексте Толстой несколько задерживает появление в отряде Денисова Пети Ростова, что сначала ослабляет его роль в повествовании.

Авторская характеристика действий партизан пишется, в основном, заново. Она дается без посредничества Пети Ростова и отличается скатостью, большей обстоятельностью, чем, например, в варианте № 278, динамизмом, четкостью формулировок. С утра отряд на ходу. Целый день он следит за французским транспортом, направлявшимся к Смоленску. Добавлено, что транспорт был под сильным прикрытием, что стало известно от лазутчиков и пленных. Про транспорт было известно не только Денисову и Долохову, но и двум начальникам больших отрядов — немцу и поляку. На предложение каждого из них присоединиться к ним Денисов отвечает дерзкой насмешкой. " — Нет, брат, я сам с усам, — сказал Денисов, прочтя эти бумаги... <...> ...Денисов намеревался, без донесения о том высшим начальникам, вместе с Долоховым атаковать и взять этот транспорт своими небольшими силами" (I2, с. I25).

Далее, до конца главы третьей, Толстой описывает дорогу "от деревни Микулиной к деревне Шамшевой", по которой движется транспорт, расположение следящих за ним партизан и посылку "за языком" Тихона Щербатого. Весь этот кусок с небольшими сокращениями воспроизводит соответствующее место черновика (варианта № 278) (Ср. I5, с. I21-I22 и I2, с. I25-I26).

Четвертая глава окончательного текста начинается пейзажем. Он был написан заново, но на основе того же черновика. Сравним.

Черновик (вариант № 278)

Окончательный текст

"День был темный, мокрый, осенний. ... Неба не видно было никакого. Та же жижа, которая была на платьях, в сапогах, на земле, тоже цвета мутной воды, стояла и над головами. То моросил мелкий дождичек, то вдруг припускали крупные капли с ветром, хлеща в лицо людям. Точно сыпались капли с веток от пор-

Был осенний, теплый, дождливый день. Небо и горизонт были одного и того же цвета мутной воды. То падал как будто туман, то вдруг припускал косой, крупный дождь (I2, с. I26).

ва ветра, но эти капли, обеща-
вшие пройти сейчас, хлестали
так иногда по целому часу"
(15, с. 122).

Мы видим, что в окончательном тексте пейзаж, хотя и использует отдельные выражения черновика, не столь мрачен и более краток. Толстой пропускает данную в черновике характеристику промокших казаков и сразу обращается к изображению Денисова. Он берет портрет Денисова из черновика и не только его сокращает, но и несколько меняет. В черновике Денисов едет на "худом, избитом и широко-костном вороном донце" (15, с. 123). В окончательном тексте — он "на породистой, худой, с подтянутыми боками лошади" (12, с. 126). Он по-прежнему в папахе и бурке, у него исхудавшее лицо, обросшее бородой, но выражение лица изменено. В черновике было: лицо с "стеснящими более обыкновенного глазами" "светилось возбужденным выражением" (15, с. 123). В окончательном тексте: "лицо его казалось сердито" (12, с. 126).

Толстой переносит из черновика в окончательный текст характеристику есаула Ловайского, значительно ее сократив.

После этого он обращается к тому, с чего начинался черновик, — к изображению идущего впереди Денисова проводника и всего партизанского отряда. Причем это изображение перерабатывается. Сравним.

Черновик (вариант № 278)

Партия Денисова шла по лесной дороге, по которой вел их маленький, мокрый мужичок, шлепавший впереди их своими лаптями по мокрым листьям (15, с. 122).

Окончательный текст

Немного впереди их (Денисова и есаула Ловайского — И.А.) шел насквозь промокший мужичок проводник, в сером кафтане и белом колпаке (12, с. 127).

Изображение становится более кратким (зачеркнут эпитет "маленький" как излишний при уменьшительно-ласкательном суффиксе — мужичок). В одежде проводника указывается не на лапти, шлепавшие по мокрым листьям, а на серый кафтан и белый колпак. О том, что он был в лаптях, будет сказано в начале пятой главы, где говорится о том, что партизаны "ехали за мужиком в колпаке, который, легко и беззвучно ступая по кореньям и мокрым листьям своими вывернутыми ногами в лаптях, вел их к опушке леса" (12, с. 130).

Изображение партизанского отряда воспроизводит многое из того, что было найдено в черновиках — мокрая лесная дорога, гусары и казаки в бурках (добавлено: кто во французских шинелях), прикрыв-

вающиеся от дождя попоной, накинутой на голову (было: кто рогожей, кто мешком, кто попоной), мокрые лошади.

Было

Лошади их были глядovitы, поджимали уши и набок сворачивали головы от дождя, и седла лоснились и чмокали на езде (I5, с. I23).

Стало

Лошади, и рыжие, и гнедые, все казались воронными от струившегося с них дождя. Шеи лошадей казались странно тонкими от смокшихся грив. От лошадей поднимался пар (I2, с. I27).

Как видим, изображение изменено, благодаря чему оно стало еще выразительнее.

Сохранил Толстой и упоминание о французском пленном мальчике, который ехал на крупе лошади сзади одного из партизан, но изображение переделал.

Было

Между ними ехал казак, везя сзади себя I5-летнего босоногого мальчика в французском барабанщицьем мундире. Мальчик, подняв брови, держась за спину казака, беспрестанно оглядывался (I5, с. I24).

Стало

Рядом с ним (молодым офицером — И.А.) ехал гусар, везя за собой на крупе лошади мальчика в французском оборванном мундире и синем колпаке. Мальчик держался красными от холода руками за гусара, пошевеливал, стараясь согреть их, свои босые ноги, и, подняв брови, удивленно оглядывался вокруг себя. Это был взятый утром французский барабанщик (I2, с. I27).

Сделанные добавления — красные от холода руки мальчика, его босые ноги, шевелящиеся, чтобы согреться, и удивленный взгляд, каким он смотрел вокруг себя, — придали изображению особую живость и пластическую выразительность.

Дав общее изображение партизан, Толстой вновь обращается к Денисову, главному лицу эпизода, говоря о том, что он "был не в духе: и от дождя, и от голода (с утра никто ничего не ел), и главное от того, что от Долохова до сих пор не было известий и посланный взять языка не возвращался" (I2, с. I27). То, что Толстой раскрывает душевное состояние Денисова, отличает окончательный текст от черновиков. Писатель вводит здесь внутренний монолог Денисова. "Едва ли выйдет другой такой случай, как нынче, напасть на транспорт. Одному нападать слишком рискованно, а от-

ложить до другого дня — из-под носа захватит добычу кто-нибудь из больших партизанов", — думал Денисов, беспрестанно взглядывая вперед, думая увидеть ожидаемого посланного от Долохова" (12, с. 127-128).

Заканчивается четвертая глава в окончательном тексте сценой приезда к Денисову Пети Ростова с письмом, содержание которого "состояло в повторном требовании от генерала немца присоединиться для нападения на транспорт" (12, с. 129).

Сцена встречи Денисова с Петей появилась еще в третьем черновике (вариант № 277), где Петя, приехав в стан отряда и не застав сначала партизан, потом видит их возвращение. "Тут только Денисов, въехав на двор, увидал Петю и, приглядевшись, громко, радостно закричал" (15, с. 106). Здесь еще нет самой сцены, а настроение Денисова дается однозначно: он рад приезду Ростова.

В четвертом черновике (вариант № 278) первоначально говорилось, как Денисов, узнав в нарочном Петю, обнял его и поцеловал (15, с. 121). но потом это было вместе с большим куском черновика вычеркнуто. Сцена появилась лишь в окончательном тексте:

" — Г'остов! Петя! — крикнул ... Денисов, пробежав поданный ему конверт. — Да как же ты не сказал, кто ты? — и Денисов с улыбкой, обернувшись, протянул руку офицеру.

Офицер этот был Петя Ростов".

<...>

— Ну, я г'ад тебя видеть..." (12, с. 128-129).

Но вскоре душевное состояние Денисова меняется. "... Лицо его приняло опять озабоченное выражение". Он говорит "задумчиво". Он погружен в мысли о завтрашнем нападении на транспорт. Так Толстой в окончательном тексте психологически обогатил и художественно оживил образ Денисова, подготавливая читателя к восприятию Денисовым гибели Пети.

Обратимся к пятой главе окончательного текста. Эпизод высматривания Денисовым, есаулом и Петей французского лагеря был найден в четвертом черновике (вариант № 278). Но и здесь многое переделано, прежде чем попасть в окончательный текст. Главное направление переделок — сокращение текста, его оживление посредством сцен и стремление связать все изображение в тугой узел продуманной композиции. В повествование вводится картина, отсутствовавшая в черновиках: " — Пленного дайте сюда, — негромко сказал Денисов, не спуская глаз с французов.

Казак слез с лошади, снял мальчика и вместе с ним подошел к

Денисову. Денисов, указывая на французов, спрашивал, какие и какие это были войска. Мальчик, расунув свои озябшие руки в карманы и подняв брови, испуганно смотрел на Денисова и, несмотря на видимое желание сказать все, что он знал, путался в своих ответах и только подтверждал то, что спрашивал Денисов" (I2, с. I30).

Изображение стало живее, зримее. Включен в действие пленный мальчик.

Главное содержание эпизода выражено в словах: "Придет, не придет Долохов, надо брать!" Произнося эти слова хмурившийся Денисов весело блеснул глазами. Этот эпизод был написан почти заново, но на основании черновика (варианта № 278).

Здесь же Толстой включает наблюдаемую Денисовым с товарищами картину: Тихон, ходивший в разведку, спасается от преследовавших его французов. Картина взята из предыдущего черновика, но введена в окончательный текст с сокращениями и некоторыми изменениями.

Так в окончательный текст входит образ партизана Тихона Щербатого, который под именем Тихона Шестипалого появился в самой первой завершенной редакции.

Показав Тихона в действии, Толстой рассказывает историю его появления в отряде Денисова. Писатель работает по черновикам, где образ Тихона Щербатого раскрыт наиболее полно (варианты № 277 и № 278 а). В самом начале истории Тихона вводится новая фраза, которая является измененной формулировкой неоднократно высказываемой и раньше мысли о том, что "Тихон был неоцененный человек для партии" (I5, с. I22). "Тихон Щербатый был один из самых лучших людей в партии" (I2, с. I3I). "Он был мужик из Покровского под Гжатском", — использует Толстой черновик" (вариант № 277) (там же). И далее в окончательном тексте почти дословно сохраняется черновой рассказ о том, как Денисов узнал о Тихоне. Переделки касаются сокращения текста и освобождения его от некоторых искаженных слов, передающих произношение Тихона: робята, храниузы (слово "миродеры" сохраняется). Есть и еще одно изменение.

Вариант № 277

Денисов взял с собой Тишку Щербатого (I5, с. II3).

Окончательный текст

На другой день, когда Денисов, совершенно забыв про этого мужика, вышел из Покровского, ему доложили, что Тихон пристал к партии и просился, чтоб его при ней оставили. Денисов велел оставить его (I2, с. I32).

Добавление многозначительно. Денисов забыл о Тихоне, потому что таких мужиков, расправлявшихся с "миродерами", было немало. То, что Тихон сам пристал к отряду, подчеркивает народность партизанской войны.

Толстой сохраняет и рассказ о "черной работе" Тихона в отряде и о проявленной способности к партизанской войне. Здесь добавлено: "оказал большую охоту и способность к партизанской войне". Писателю было важно подчеркнуть "охоту" народа воевать против агрессоров.

Последующую характеристику Тихона Щербатого Толстой выстраивает по-новому. В черновике (вариант № 278) писатель не стремится к последовательности. Он обращается то к внешности Тихона, то к его силе, потом опять к внешности и вновь к его выносливости. Характеристика получается обстоятельная (занимает целую страницу), но непоследовательная и статичная. В окончательном тексте часть этой характеристики уходит в главу шестую, где Тихон показан в действии. Здесь же, в главе пятой, сначала говорится о выносливости Тихона. Он "всегда ходил пешком, никогда не отставая от кавалерии" (I2, с. 132). Затем о его оружии: мушкетоне, пике и топоре. О топоре сказано иначе. Было: им "он владел, вырезая самые тонкие штуки и раскалывая бревна и головы, как птица владеет своим клювом или когтями" (I5, с. II4). В окончательном тексте стало: топором "он владел, как волк владеет зубами, одинаково легко выбирая ими блох из шерсти и перекусывая толстые кости. Тихон одинаково верно, со всего размаха, раскалывал топором бревна и, взяв топор за обух, выстрегивал им тонкие колушки и вырезывал ложки" (I2, с. 132).

Далее заново, но на основании ранее найденных подробностей пишется характеристика силы, ловкости и неразборчивости в делах Тихона. "Когда надо было сделать что-нибудь особенно трудное и гадкое — выворотить плечом из грязи повозку, за хвост вытащить из болота лошадь, ободрать ее, залезть в самую середину французов, пройти в день 50 верст, — все указывали, посмеиваясь, на Тихона" (там же). И тут же по черновику: " — Что ему, чорту, делается, меренина здоровейный, — говорили про него" (там же). В окончательном тексте используется и упоминание о ранении Тихона французом. Эта подробность теперь связывается с тем, что после этого Тихон "редко приводил пленных", предпочитая убивать захваченного врага. В конце главы Толстой заключает: "Тихон был самый полезный и храбрый человек в партии. Никто больше его не открыл случаев

нападения, никто больше его не побрал и не побил французов..." (12, с. 133).

Шестая глава в окончательном тексте начинается изображением Тихона в действии. Он возвращается с разведки. Его видят Денисов и Петя, направившиеся было в караулку, чтобы обсушиться. Тихон показан идущим по лесу. Он только что спасался в реке от обнаруживших его французов. Даются дополняющие его портрет подробности: длинные ноги, длинные мотающиеся руки, лапти, мокрая казанская шляпа с отвисшими полями, лицо, изрытое оспой. Добавлена новая психологическая деталь: на лице "сияло самодовольное веселье". Он как будто удерживался от смеха.

Создавая картину допроса Денисовым возвратившегося из разведки Тихона, Толстой использовал черновую рукопись (вариант № 278 а). Но внес в написанное ранее много нового. Исключена подробность о том, что Тихон одного пленного привязал к дереву, а он "сорвался". Тихон сразу ссылается на то, что взятый в плен француз был "не ладен". "Думаю, дай схожу, другого поаккуратнее возьму". Интересно, что в окончательном тексте Тихон представляет свой рассказ в лицах. Исключена подробность о том, что во время этого разговора с Тихона капала вода и "там, где он стоял, скоро налилась лужа" (15, с. 129).

В окончательном тексте меньше говорится об отношении Пети к Тихону. Слова о том, что Петя с раскрытым ртом смотрел на Тихона, что он не спускал с него удивленных глаз и даже заговорил с ним о барабаншике, исключены. Эпизод дан вне петиного посредничества. Но в конце главы Петя упомянут несколько раз. Заканчивается глава словами Денисова, обращенными к Пете: " - Ну, расскажи ты мне про себя".

Начиная с седьмой главы окончательного текста центральным героем повествования становится Петя Ростов.

Мы видели, что в черновиках образ Пети был разработан достаточно полно. Всем этим материалом воспользовался Толстой при отделке текста для печати. Работал он над черновиками, известными нам под № 278 и 278 а.

Следуя черновику, Толстой говорит о том, как Петя, вернувшийся в свой полк (казакий - зачеркнуто), стал ординарцем генерала, участвовал в Вяземском сражении. Характеристика психологического состояния Пети меняется. Сравним.

Черновик (вариант № 278)
Поступив в действующую армию и

Окончательный текст
Со времени своего производства

увидев на деле войну, Петя все это время находился в состоянии восторга и поспешности, в котором находится ребенок, придя в игрушечную лавку.

Он все время был, как в тумане. Ему все казалось, что там, где его теперь нет, там-то совершается самое хорошее, героическое, и он все торопился поспеть туда, где его теперь не было, и сделать что-нибудь необыкновенное (I5, с. II8).

Мы видим, что Толстой стремится к точности и ясности характеристики. Просто "состояние восторга" заменяется "счастливо-возбужденным состоянием радости на то, что он большой". Сравнение поспешности поспешностью ребенка в игрушечной лавке — зачеркивается. Поясняется, что это "поспешность не пропустить какого-нибудь случая настоящего героизма".

В отряд Денисова Петя просится сам. Здесь Толстой воспользовался черновиком (вариант № 277). В окончательном тексте есть интересное дополнение: генерал, посылая Ростова к Денисову, "запретил Пете участвовать в каких бы то ни было действиях Денисова" (I2, с. I36). По-новому говорит Толстой о решении Пети Ростова остаться в отряде Денисова. "До выезда на опушку леса Петя считал, что ему надобно, строго исполняя свой долг, сейчас же вернуться. Но когда он увидал французов, увидал Тихона, узнал, что в ночь непременно атакуют, он с быстротою переходов молодых людей от одного взгляда к другому, решил сам с собою, что генерал его, которого он до сих пор очень уважал — дрянь, немец, что Денисов герой, и есаул герой, и Тихон герой, и что ему было бы стыдно уехать от них в трудную минуту" (I2, с. I36).

Толстой воспользовался начатой в черновике (вариант № 278) картиной ужина партизан накануне нападения на французов. В картине было сделано много исправлений. Основные касались изобра-

в офицеры и в особенности с поступления в действующую армию, где он участвовал в Вяземском сражении, Петя находился в постоянно счастливо-возбужденном состоянии радости на то, что он большой, и в постоянно восторженной поспешности не пропустить какого-нибудь случая настоящего героизма. Он был очень счастлив тем, что он видел и испытал в армии, но вместе с тем ему все казалось, что там, где его нет, там-то теперь совершается самое настоящее, героическое. И он торопился поспеть туда, где его теперь не было (I2, с. I35).

жения душевного состояния Пети. "Восторженное состояние духа Пети — глупого и милого детского самодовольства и желание быть прекрасным" (I5, с. 128) заменяется "восторженным детским состоянием нежной любви к всем людям и вследствие того уверенности в такой же любви к себе других людей" (I2, с. 136).

Краткое упоминание в черновике о том, что Петя за ужином "был смешон, никому не давал говорить" (I5, с. 128), в окончательном варианте превращается в целую сцену, где Петя готов все, что у него есть, раздать людям, его окружающим, — и перочинный ножик, и изюм, и кофейник, и кремни.

Толстой сохраняет найденную в черновиках черту Пети — готовность к подвигу и почти дословно переносит из черновика (вариант 278) его просьбу к Денисову: "... Только вы меня пустите в самую... главную... (было: в самую... штуку). Мне не нужно наград... А мне хочется..." (Ср. I5, с. 128 и I2, с. 136).

Последующая сцена, изображающая заботу Пети о пленном французском мальчике, в окончательном тексте очень близка к соответствующей сцене из третьего черновика (вариант № 277). Поправки и здесь есть, но они незначительные.

В восьмой главе окончательного текста появляется Долохов. Он дается через восприятие Пети. Образ Пети продолжает оставаться в центре внимания писателя.

Основу этой главы составляет так называемая "Новая глава" из черновика, который печатается как вариант № 277 (I5, с. 110-112).

Писатель делает в черновике ряд поправок и сокращений, но главное оставляет без изменения: и то, что Петя Ростов в армии слышал много рассказов про храбрость и жестокость Долохова, и то, что он в отличие от Денисова имел вид чопорного гвардейского офицера, и разговор о пленных. Правда, восклицания Пети о том, что убивать пленных подло и низко", в окончательном тексте нет, как нет и других подробностей.

В черновике Долохов предлагает Пете съездить во французский лагерь на разведку. Работа Толстого над этим эпизодом и следующими за ним, которые можно было бы обозначить так: в разведке, возвращение, ночь перед боем, атака, — отражена в двух черновиках (варианты № 277 и № 278 а). В первом из них о согласии Пети ехать с Долоховым на разведку, несмотря на просьбу Денисова не делать этого, говорится в одной фразе, содержание которой нами воспроизведено выше (I5, с. 116). Во втором черновике об этом говорится более пространно: "Петя был в восторге от сделанного ему предло-

жения. Он тотчас обнял Долохова, поцеловал его, предложил ему изюму и кремней и сообщил, что он тоже привык всегда все делать аккуратно и не наобум Лазаря и что он об опасности для себя никогда не думает, потому что, согласитесь, если не знать верно, что там от этого зависит жизнь, может быть, сотни, а тут мы одни, и потом мне очень этого хочется" (15, с. 131).

В окончательном тексте не Долохов предлагает Пете съездить с ним в разведку, а сам Петя вынуждается на это опасное дело. Один абзац авторского повествования превращается здесь в живую, глубоко психологическую сцену.

" — Я, я... поеду с вами! — вскрикнул Петя.

— Совсем тебе не нужно ездить, — сказал Денисов, обращаясь к Долохову, — а уж его я ни за что не пущу.

— Вот прекрасно! — вскрикнул Петя, — отчего же мне не ехать?..

— Да оттого, что незачем.

— Ну, уж вы меня извините, потому что... потому что... я поеду, вот и все. Вы возьмете меня? — обратился он к Долохову" (12, с. 139).

Дважды повторенное "потому что" отражает внутреннее колебание Пети. Оно усиливается после разговора о пленных, поставленного Толстым именно в это место. В черновике он шел раньше, до разговора о поездке в разведку. Теперь жестокость и неправота Долохова в споре о пленных усиливают раздвоенность души Пети. Поэтому на вопрос Долохова, сделанный после разговора с Денисовым о пленных: "Что ж, едем со мной?" Петя отвечает вопросом: "Я?" и тут же с надрывом: "Да, да, непременно, — покраснев почти до слез, вскрикнул Петя, взглядывая на Денисова" (12, с. 140). Сердце Пети на стороне Денисова. Долохову он не симпатизирует. Юношеское честолюбие, желание отстоять свою самостоятельность, романтическая мечта о подвиге толкает Петю на этот опасный шаг и на непослушание Денисову. "А главное надо, чтобы Денисов не смел думать, что я слушаюсь его, что он может мной командовать. Непременно поеду с Долоховым во французский лагерь. Он может, и я могу!" (12, с. 140-141).

Толстой сохраняет аргументы Пети, найденный в черновике — и то, что он привык все делать аккуратно, а не наобум Лазаря, и то, что об опасности себе он никогда не думает, и то, что это риск во имя спасения многих. Последний аргумент в окончательном тексте дается в форме прямой речи.

" — Потому что — согласитесь сами — если не знать верно, сколь-

ко там, от этого зависит жизнь, может быть, сотен, а тут мы одни" (I2, с. 141). Этот аргумент вызывает глубокое уважение к патристическому порыву Пети. Но все перекрывается детски наивным и упрямым: "И потом мне очень этого хочется, и непременно, непременно поеду, вы уж меня не удержите, — говорил он, — только хуже будет..." (там же).

Глава девятая окончательного текста. Петя Ростов с Долоховым во французском лагере на разведке.

Мы помним, что эпизод этот был уже в черновике (вариант № 277, т. I5, с. 116–117). Там он давался как воспоминания Пети об уже совершившемся и прошлом.

Толстой подверг написанное переделке. Получился новый черновик (№ 278 а). Он почти дословно вошел в окончательный текст. Вся глава представляет живую картину. В ее основе — диалог, есть внутренний монолог, авторское повествование сведено к минимуму. Толстой сохранил найденный ранее прием — в центре внимания переживания Пети Ростова. "Петя, замирая от волнения, ехал с ним рядом". "Кровь бросилась в лицо Пети...". "Пете показалось, что офицеры враждебно и подозрительно стали осматривать его и Долохова". "Ну, теперь он уедет", — всякую минуту думал Петя...". "Пете показалось, французы сейчас узнают обман, и он невольно отступил на шаг от костра". "Подадут или нет лошадей?" — думал Петя...". "Петя хотел сказать *bonsoir* и не мог договорить слово" "... Петя не отпускал его, и в темноте Долохов рассмотрел, что Петя нагибался к нему. Он хотел поцеловаться". Петя преклоняется перед храбростью Долохова и забывает о его жестокости. Несмотря на пережитый страх, он испытывает романтический восторг и патристическое воодушевление. "... Вы такой герой! Ах, как хорошо! Как отлично! Как я вас люблю!" (I2, с. 144).

Глава десятая. Эпизод возвращения Пети с разведки был разработан в черновиках (вариант № 278 а). Но Толстой этим не удовлетворился и, готовя текст в печать, переделал его, усиливая беспокойство Денисова и его радость, когда Петя возвращается жив и невредим. Сравним.

Вариант № 278 а
Вернувшись к караулке, Петя вошел к Денисову. Денисов лежал под буркой

Окончательный текст
Вернувшись к караулке, Петя застал Денисова в сених. Денисов в волнении, беспокойстве и досаде на себя, что отпустил Петю, ожидал его.

- Ну, слава богу! - крикнул он и обнял и поцеловал Петю. Петя рассказал все, что они узнали, и Денисов, подвинувшись к стене, хлопнул рукой по бурке.

- Ну, ложись сюда, до завтра надо взд'емнуть.

Говоря с Петей, Денисов не мог не улыбнуться, так мил ему был этот маленький герой (15, с. 131).

Текст, как видим, сокращен. Но он от этого не проиграл. Удалена излишне чувствительная фраза о том, что Денисову был мил Петя, этот маленький герой. Зато так удачно дополнено то место, где говорится о волнении, беспокойстве, досаде на себя Денисова.

Эпизод "Ночь перед боем" был написан в том же черновом варианте (№ 278 а). Но, работая над окончательным текстом, Толстой в нем многое изменил, а, главное, художественно обогатил написанное, сделал его зримым.

Заново написан пейзаж: "На дворе еще было совсем темно. Дождик прошел, но капли еще падали с деревьев" (12, с. 144). Введено описание лагеря. Читатель видит "черные фигуры казачьих шалаш и связанных вместе лошадей", чернеющие фуры, краснеющий в овраге догорающий огонь, слышит "вместе с звуком падающих капель и близкого звука жевания лошадей, негромкие, как бы шепчущиеся голоса" (там же, с. 144-145).

Сохранив найденное в черновике обращение Пети к своей лошади Карабаху: "Ну, Карабах, завтра послужим", Толстой расширяет его разговор с казаком, который в окончательном тексте назван не Комаровым, а Лихачевым. В черновике Ростов сразу обращается к казаку с просьбой наточить саблю. В окончательном тексте он сначала подробно рассказал казаку не только свою поездку (во французский лагерь. - И.А.), но и то, почему он ездил и почему он считает, что лучше рисковать своею жизнью, чем делать наобум Лазаря" (12, с. 145). Писатель подчеркивает в Пете детскую непосредственность, доброту и любовь к людям. "А что у вас кремни в пистолетах не обились? Я привез с собою. Не нужно ли? Ты возьми", - обращается он к казаку, которого просит наточить саблю. Все идет по черновику. Но конспективную заметку (как бы для себя) о том, что казак "так же, как и Денисов и все, с лаской и бережностью обращался с Петей" (15, с. 131), писатель удаляет, показав это в действии.

- Слава богу! - крикнул он. - Ну слава богу! - повторял он, слушая восторженный рассказ Пети. - И чо'т тебя возьми, из-за тебя не спал! - проговорил Денисов. - Ну, слава богу, теперь ложись спать. Еще взд'емнем до утра (12, с. 144).

Сохраняется вопрос Пети о пленном мальчике и "воинственный звук стали и бруска". Упоминание о гусаре, искавшем чашку, чтобы напиться воды, превращается в сценку.

Толстой создает великолепную картину зыбкости предутренних ощущений не спавшего всю ночь Пети Ростова, когда ему кажется, что он находится в волшебном царстве. Было это и в черновике, но подготавливая текст в печать, Толстой расширил и переделал это место, добившись большой выразительности. Сравним.

Вариант № 278 а

Петя должен был знать, что он в лесу, в партии Денисова, в версте от дороги, что это казак, лошадь, телега, но он ничего не знал и не хотел знать этого (I5, с. I32).

Окончательный текст

Петя должен был знать, что он в лесу, в партии Денисова, в версте от дороги, что он сидит на фуре, отбитой у французов, около которой привязаны лошади, что под ним сидит казак Лихачев и натачивает ему саблю, что большое черное пятно направо — караулка, и красное, яркое пятно внизу налево — догоравший костер, что человек приходивший за чашкой, — гусар, который хотел пить; но он ничего не знал и не хотел знать этого (I2, с. I46).

Как видим, писатель как бы раскрывает конспективную запись:

"... это казак, лошадь, телега" и из нее создает целую картину: Петя сидит на фуре, отбитой у французов, около которой привязаны лошади, под фурой казак Лихачев точит саблю, вдали виднеются караулка, костер...

В черновике одна фраза:

Все это было волшебное царство, волшебные люди, возникшие нынче только сейчас на один вечер.

В окончательном тексте на ее основе создана целая картина:

Черновик

Окончательный текст

Он был в волшебном царстве, в котором ничего не было похожего на действительность. Большое черное пятно может быть точно

была караулка, а может быть, была пещера, которая вела в самую глубь земли. Красное пятно, может быть, был огонь, а может быть глаз огромного чудовища. Может быть, он точно сидит теперь на фуре, а очень может быть, что он сидит не на фуре, а на страшно высокой башне, с которой ежели упасть, то лететь бы до земли целый день, целый месяц — все лететь и никогда не долетишь. Может быть, что под фурой сидит просто казак Лихачев, а очень может быть, что это самый добрый, храбрый, самый чудесный, самый превосходный человек на свете, которого никто не знает. Может быть, это точно проходил гусар за водой и пошел в лошину, а может быть, он только что исчез из виду и совсем исчез, и его не было. Что бы не увидал теперь Петя, ничто бы не удивило его. Он был в волшебном царстве, в котором все было возможно (I2, с. 146).

Что бы ни увидел теперь Петя, ничего бы не удивило его. Больше всего его удивило бы теперь то, что было самое обыкновенное (там же).

Передавая чувства мечтательно настроенного юноши, Толстой в окончательном тексте здесь вводит романтический пейзаж. Он написан заново и дан через восприятие Пети.

"Он поглядел на небо. И небо было такое же волшебное, как и земля. На небе расчищало, и над вершинами деревьев быстро бежали облака, как будто открывая звезды. Иногда казалось, что на небе расчищало и показывалось черное, чистое небо. Иногда казалось, что эти черные пятна были тучки. Иногда казалось, что небо высоко, высоко поднимается над головой; иногда небо спускалось совсем, так что рукой можно было достать его" (I2, с. 146).

Еще в черновике Толстой показал, как в дремоте Петя "вдруг услышал стройный хор музыки" (I5, с. 132). Над этим местом Толстой, готовя окончательный текст, много работал, а ведь и в черновике он написан превосходно. Сравним.

Вариант № 278 а

Хор играл дальше, дальше, напев разрастался, переходя из одного инструмента в другой, вот скрипочки, вот трубы и литавры, вот он, торжественный победный марш (I5, с. I32).

Вместо: "Хор играл дальше и дальше..." Толстой написал: "Музыка играла все слышнее и слышнее". В черновике Петя слышит "торжественно победный марш". В окончательном тексте — нечто подобное фуги. Дается гораздо более развернутая, поэтическая характеристика этой музыки. В черновике было написано: "... Напев разрастался, переходил из одного инструмента в другой, вот скрипочки, вот трубы и литавры, вот он, торжественный победный марш" (I5, с. I32). В окончательном тексте стало: "Напев разрастался, переходил из одного инструмента в другой. Происходило то, что называется фугой, хотя Петя не имел ни малейшего понятия о том, что такое фуга. Каждый инструмент, то похожий на скрипку, то на трубы — но лучше и чище, чем скрипка и трубы, — каждый инструмент играл свое и, не доиграв еще мотива, сливался с другим, начинавшим почти то же, и с третьим, и с четвертым, и все они сливались в одно и опять разбегались и опять сливались то в торжественно церковное, то в ярко блестящее и победное" (I2, с. I47).

В черновике был показан восторг пробуждающегося временами Пети "Ах, да, ведь это я во сне..." и то, как он во сне руководил музыкой. Все это вошло в окончательный текст, но было расширено, опоэтизировано. Теперь Петя слышит свою музыку. "А может быть, это моя музыка. Ну, опять. Валяй моя музыка!" В черновике было прозаичнее: "Это у меня в ушах. Ну, опять. Валяй!" (I5, с. I32). В окончательном тексте здесь дописано: "Он закрыл глаза. И с разных сторон, как будто издавека, затрепетали звуки, стали слаживаться, разбегаться, сливаться, и опять все соединилось в тот же сладкий и торжественный гимн" (I2, с. I47).

Переделал Толстой и то место, где говорилось, как Петя "попытался руководить этим огромным хором инструментов". Казалось, все осталось, как было в черновике. И все же насколько художественнее и выразительнее стало это место.

Черновик

"Ну, голоса, хор, приставай-те". И сначала издавека послы-

Окончательный текст

Музыка играла все слышнее и слышнее. Напев разрастался, переходил из одного инструмента в другой (I2, с. I47).

Окончательный текст

"Ну, тише, тише, замирайте теперь. И звуки слушались его. Ну, те-

шались голоса, мужские, и они росли, росли и сливались с оркестром и опять затихали, и торжественным победным маршем сливалась песня, и капли капали, вжиг, жиг, и опять подрались и заржали лошади, не нарушая симфонии, а входя в нее (I5, с. 132-133).

перь полнее, веселее. Еще, еще радостнее. И из неизвестной глубины поднимались усиливающиеся, торжественные звуки. "Ну, голоса, приставайте!" — приказал Петя. И сначала издали слышались голоса мужские, потом женские. Голоса росли, росли в равномерном торжественном усилии. Пете страшно и радостно было внимать их необычайной красоте.

С торжественным победным маршем сливалась песня, и капли капали, и вжиг, жиг, жиг... свистела сабля, и опять подрались и заржали лошади, не нарушая хора, а входя в него" (I2, с. 147).

Текст окончания главы, где изображается пробуждение Пети, как заков, Денисова, дан почти целиком по черновику. Но одно изменение характерно.

В черновике:

Петя очнулся. Уже светает, право светает, невидимые прежде лошади у телеги стали видны до хвостов, и сквозь оголенные ветви виднелся водянистый свет (I5, с. 133).

В окончательном тексте:

Петя очнулся. — Уже светает, право светает! — вскрикнул он. Невидные прежде лошади... и далее по черновику (I2, с. 148).

В черновике — набросок. В окончательном тексте — сценка. И так у Толстого часто.

Глава одиннадцатая окончательного текста. Ее содержание — изображение нападения партизан на французов. Гибель Пети Ростова.

Мы помним, что об участии Пети в партизанской атаке Толстой говорил еще в черновом варианте (№ 277, т. I5, с. 117) в форме воспоминаний Пети, оставшегося живым, о самых радостных минутах своей жизни.

К этому эпизоду Толстой вернулся в последнем черновике (вариант № 278 а). Этот черновик лег в основу окончательного текста, но с большими поправками и дополнениями. Проанализируем их, оставаясь на основных картинах, составляющих этот эпизод.

Вот партизаны выезжают в атаку.

Было

Быстро разобрали лошадей, подтянули подпруги и собрались. Пехота как будто лениво прошла мимо и спустилась в лошину (I5, с. I33).

Стало

Быстро в полутьме разобрали лошадей, подтянули подпруги и разобрались по командам. Денисов стоял у караулки, отдавая последние приказания. Пехота партии, шлепая сотней ног, прошла вперед по дороге и быстро скрылась между деревьев в предрассветном тумане (I2, с. I48).

Вчитываясь в дополнения (они подчеркнуты), убеждаемся в том, что черновик Толстой использовал как набросок, который, готовя в печать, превращал в живую картину. Здесь и стоящий у караулки и отдающий последние приказания Денисов, и звук шлепающих по грязи сотен ног пехоты, и предрассветный туман. Картина ожила, стала зримой, звучащей.

Писатель обращает внимание на внутреннее состояние Пети: "Обмытое холодной водой, лицо его, в особенности глаза, горели огнем, озноб пробегал по спине, и во всем теле что-то быстро и равномерно дрожало" (I2, с. I48). В черновике этого не было.

Толстой вводит и короткий диалог Пети с Денисовым.

" - Василий Федорович, вы мне поручите что-нибудь? Пожалуйста... ради бога... - сказал он. Денисов, казалось, забыл про существование Пети. Он отглянулся на него.

- Об одном тебя прошу, - сказал он строго: - слушаться меня и никуда не соваться" (там же). В черновике же был короткий приказ: "... Ты оставайся со мной" (I5, с. I33).

Введен и сигнал к атаке. Раньше этого не было.

Изображая саму атаку, Толстой сохраняет главное, найденное еще в черновике, - отважное воодушевление Пети, который первым "вскакал" в лагерь французов. Но он исключает его возглас: "Не бить, брать в плен!" и, по существу, заново пишет картину атаки, не теряя ни на минуту из виду Петю Ростова. Он, "не слушая Денисова, кричавшего на него, поскакал вперед", он дважды кричит "Ура!". Он все время боится опоздать. (Это было и в черновике). Он не слушается Долохова и, "не медля ни одной минуты, поскакал к тому месту, откуда слышались выстрелы и где гуще был пороховой дым" (I2, с. I49-I50).

По-новому Толстой показывает и смерть Пети.

... Петя бросил поводья, качаясь, вскакал в ворота и бочком, бочком упал с лошади в середину французов.

... Петя дежал, не шевелись, с пулей в голове, пробившей ему голову (15, с. 134).

И опять вместе краткого конспекта — живое, потрясающее читателя изображение.

Не удовлетворился Толстой и тем, как в черновике была изображена реакция на гибель Пети Денисова и Долохова.

В черновике было
— Ах, мальчик какой был, — сказал Долохов.

<...>

— Убит! — вскрикнул Денисов, и схватился за голову и в три ручья заплакал.

— Жалко, очень жалко, — сказал Долохов. <...>

Денисов не отвечал и, повернувшись, поехал со двора. "Как он мне кремни предлагал", вспомнил Денисов и заплакал (15, с. 134).

В окончательном тексте Петя... вместо того чтобы держать поводья, странно и быстро лахал обеими руками и все дальше и дальше сбивался с седла на одну сторону. Лошадь, набежав на тлевший в утреннем свете костер, уперлась, и Петя тяжело упал на мокрую землю. Казаки видели, как быстро задергались его руки и ноги, не смотря на то, что голова его не шевельнулась. Пуля пробилла ему голову (12, с. 150).

В окончательном тексте стало

... Долохов слез с лошади и подошел к неподвижно, с раскинутыми руками, лежавшему Пете.

— Готов, — сказал он, нахмурившись и пошел в ворота, навстречу ехавшему к нему Денисову.

— Убит?! — вскрикнул Денисов, увидав еще издалика то знакомое ему, несомненно, безжизненное положение, в котором лежало тело Пети.

— Готов, — повторил Долохов, как будто выговаривание этого слова доставляло ему удовольствие, и быстро пошел к пленным, которых окружили спешившиеся казаки.

Денисов... подъехал к Пете, слез с лошади и дрожащими руками

повернул к себе запачканное кровью и грязью, уже побледневшее лицо Пети. "Я привык что-нибудь сладкое. Отличный изюм, берите весь", — вспомнилось ему. И казаки с удивлением оглянулись на звуки, похожие на собачий лай, с которыми Денисов быстро отвернулся, подошел к плетню и схватился за него (12, с. 150).

Здесь изменено отношение к гибели Пети Долохова. Вместо слов "жалко, жалко" этот суровый человек дважды повторяет слово "готов", "как будто выговаривание этого слова доставляло ему удовольствие".

Иначе, полнее, зримее раскрыто переживание Денисова. Восклицание "Убит" дано с двумя знаками, что подчеркивает потрясение Денисова. В черновике дважды сказано, что он заплакал. В окончательном тексте он всматривается в лицо убитого. Воспоминание о кремнях, предлагаемых Петей, заменяется звучащими в душе Денисова словами Пети "Я привык что-нибудь сладкое...". И, конечно, услышанные казаками звуки, похожие на собачий лай, не могут сравниться с "в три ручья заплакал".

Завершается изображение партизан в эпосе упоминанием о том, что "в числе отбитых Денисовым и Долоховым русских пленных был Пьер Безухов", почти дословно повторяющим черновой текст.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изучение смоленских глав "Войны и мира" убеждает в их исторической достоверности. Достичь ее Толстому позволило обращение к многочисленным историческим источникам. Однако писания историков, давая писателю большой документальный материал, в котором он как автор исторического произведения очень нуждался, прежде всего служили толчком для его творчества, будили воображение художника. Опираясь на исторические источники, Толстой создал впечатляющие художественные картины, изображающие соединение в Смоленске двух русских западных армий, бомбардировку город и оставление его французам, отступление русских войск по смоленской земле, прибытие главнокомандующего Кутузова в Кареево-Займище, партизанское движение. При этом писателя интересовал не столько анализ действий военачальников, сколько то, как отражаются исторические события в жизни простых людей. Но содержание событий, их динамика и общий пафос у Толстого строго соответствует историческим источникам.

Все смоленские картины в романе "Война и мир" были результатом напряженного творческого труда. Они появились в первой завершенной редакции. При подготовке к печати рукопись многократно переделывалась. Толстой не жалел сил и времени, добиваясь художественного совершенства. Мы видели, как много и упорно работал он над эпизодом "Алпатыч в Смоленске". Не меньше кропотливого труда было положено на создание партизанских глав романа. Они составляют около тридцати пяти страниц печатного текста. Черновики же опубликованы более чем на пятидесяти страницах. Пять вариантов предшествуют окончательному тексту. Причем есть варианты, опубликованные на семнадцати страницах (вариант № 277). К тому же некоторые из них многослойны: заключают в себе несколько вариантов, о чем говорят большие куски зачеркнутого писателем текста, вынесенные учеными при публикации в сноски.

В каких направлениях шла работа Толстого?

Главное — идейные акценты, основные эпизоды и их участники, приемы изображения — обычно находилось писателем сразу. Так, например, Толстой сразу нашел основной прием изображения Смоленска в драматические дни начала августа 1812 года: показ событий с точки зрения мирного человека — управляющего имением старого князя Болконского Лысые Горы Алпатыча. В первой же редакции в соот-

ветствии с историческими источниками подчеркивался патриотический настрой населения Смоленска, купца Ферапонтова и Алпатыча. Сразу определились участники партизанских глав романа. Это руководители двух партизанских отрядов — Денисов и Долохов, партизан Тихон Щербатый и присоединившийся к партизанам офицер Петя Ростов.

Но иногда ситуации, особенно исходные, сразу не давались художнику. Например, изображение партизан и сближения с ними Пети Ростова потребовало многих переделок. Сначала было: Петя Ростов слухит в отряде Денисова. Денисов пишет письма генералам, которые предлагает ему присоединиться к их армиям (первая завершенная редакция и вариант № 276); потом стало: Петя, приехав с поручением генерала в стан отряда Денисова, наблюдает возвращающихся с дела партизан, затем участвует в разведке, атаке. Эпизод заканчивается благополучно (вариант № 277); в варианте № 278 Петя находит Денисова на ходу и участвует в выслеживании неприятельского обоза; и лишь в варианте № 278а Петя участвует в разведке и затем в атаке погибает. Черновики показывают, что Толстой много работал над прояснением ситуаций и композиционной расстановкой их.

Как правило, для писателя было важно психологическое содержание эпизода. "Зерно" характеров писатель обычно находил сразу. Менялись они лишь в подробностях и психологических оттенках, придающих им цельность. Например, Толстой исключил рассказ об активной деятельности старого и немощного князя Болконского накануне прихода на Смоленщину французов. В черновиках эпизода "Алпатыч в Смоленске" видна работа писателя над характером Алпатыча.

Стремясь к художественному правдоподобию и выразительности, Толстой усердно работал над уточнением написанного. Были уточнены отношения между отцом и сыном Болконскими, содержание письма князя Андрея отцу, цель поездки Алпатыча в Смоленск, местоположение имения Лысые Горы и постоянного двора Ферапонтова и другое.

Особую заботу вызывали у Толстого даты. Писатель менял день получения в Лысых Горах письма князя Андрея о приближении французов к Смоленску, вычеркнул сообщение о времени выезда Алпатыча из Лысых Гор, уточнил день прибытия его в Смоленск.

В процессе работы рукописи подвергались сокращению. Писатель уничтожал длинноты, стремился к динамизму повествования. Он вычеркнул подробную характеристику важного положения Алпатыча среди слуг князя Н.А.Болконского и смоленского чиновничества и купечества, его отношения к войне, исключил подробности о пяти братьях и отце Ферапонтовых. Разрабатывая картину Смоленска в день наступле-

ния неприятеля, писатель удалил все, что могло бы отвлечь от главного — изображения военно-исторического события и его переживания смолянами. Был исключен и не вошел в окончательный текст даже такой интересный эпизод, как встреча Алпатычем в Смоленске капитана Тушина. В картине обстрела Смоленска исключались натуралистические, кровавые подробности. Была сжата кульминационная сцена в поведении Ферапонтова и вообще вся картина "Алпатыч в Смоленске".

Стремясь к лаконизму и подчас безжалостно сокращая написанное, Толстой в наиболее важных местах шел на расширение текста. Дополнения или уточняли содержание, или придавали ему художественную выразительность. Мы видели, как Толстой расширил картину мирной природы, которую наблюдал Алпатыч по дороге в Смоленск, сделал вставку, показывая, как Алпатыч, подъезжая к Смоленску, видит поле овса, на котором стоят лагерем солдаты. Эти добавления подчеркивали мысль писателя о разрушающей силе войны и ее враждебности мирной трудовой жизни. Расширена картина пожара Смоленска во время оставления города неприятелю.

Готовя книгу в печать, Толстой многие эпизоды, написанные в первой редакции и черновиках в форме набросков и своеобразных конспектов, разворачивал в живые художественные картины. Это главное направление творческой работы писателя. Оно сказалось в работе над эпизодом: встреча Алпатыча с Ферапонтовым, бомбардировка Смоленска, гибель убитой ядром бабы, эвакуация населения из Смоленска, встреча Алпатыча, покидающего Смоленск, с князем Андреем и др.

Часто Толстой, сохраняя отдельные сцены, детали и подробности, найденные в первой редакции, писал картину, по существу, заново. Это можно сказать об эпизоде "Алпатыч у смоленского губернатора", о картине отступления русской армии, отъезда жителей и пожара Смоленска.

Толстой столь же упорно, как и над художественным изображением, работал над философско-историческими обобщениями, добиваясь четкости и ясности выражения своих мыслей.

Анализ творческой работы Толстого над смоленскими главами "Войны и мира" опровергает ошибочное мнение некоторых критиков о том, что произведение было задумано как семейная хроника и лишь позднее "дворянский роман" превратился в народную эпопею. Сравнение редакций убеждает, что с самого начала Толстой писал историческое произведение — "Историю из 12 года".

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений. Юбилейное издание.
М., 1928-1958. Т. II, 12, 13, 14, 15, 16.
- Толстой Л.Н. Первая завершенная редакция романа "Война и мир" // Литературное наследство. Т. 94. М.: Наука, 1983.
- Андреев П.Г. Народная война в Смоленской губернии в 1812 г. Смоленск, 1940.
- Апостолов Н.Н. Лев Толстой на страницах истории. М., 1928.
- Арденс Н.Н. (Н.Апостолов). Творческий путь Л.Н.Толстого. М., 1962.
- Богданович М. История Отечественной войны 1812 года, по достоверным источникам. Т. I, II, III. СПб., 1859.
- Вороновский В.М. Отечественная война 1812 г. в пределах Смоленской губернии. СПб., 1912.
- Глинка С.Н. Записки о 1812 годе Сергея Глинки, первого ратника московского ополчения. СПб., 1836.
- Глинка С.Н. Подвиги добродетели и славы русских в отечественную и заграничную войну. М., 1816.
- Глинка Ф.Н. Письма русского офицера. Ч. 4. М., 1815.
- Гудзий Н.К. Как работал Л.Толстой. М., 1936.
- Гусев Н.Н. Лев Николаевич Толстой. Материалы к биографии с 1855 по 1869 год. М., 1957.
- Давыдов Д.В. Сочинения Дениса Васильевича Давыдова. Изд. 4-е, исправленное и дополненное по рукописям автора. М., 1860, части I-III.
- Ермолов А.П. Записки Алексея Петровича Ермолова. С приложениями. Ч. I, 1801-1812. М., 1865.
- Зайденшнур Э.Е. "Война и мир" Л.Н.Толстого. Создание великой книги. М., 1966.
- Зайденшнур Э.Е. Как создавалась первая редакция романа "Война и мир" // Литературное наследство. Т. 94. М., 1983.
- Кандиев Б.И. Роман-эпопея Л.Н.Толстого "Война и мир". Комментарий. М., 1967.
- Клаузевиц К. 1812 год. 2-е изд. М., 1937.
- Михайловский-Данилевский А.И. Описание Отечественной войны в 1812 году, по высочайшему повелению сочиненное. Т. I-IV. СПб., 1839.
- Мышкова Л.М. Преображение материала // Молодая гвардия. 1957.
- № 3.

- Мещковская Л.Н. Мастерство Л.Толстого. М., 1958.
- Р<дожицкий> И. Походные записки артиллериста с 1812 по 1816 год артиллерии подполковника И.Р. М., 1835.
- Розова З.Г. Дневник партизана Д.Давыдова как материал для "Войны и мира" Л.Толстого // Труды кафедры русской литературы Львовского университета. Вып. 2. Львов, 1958.
- Родионов Н.С. Работа Л.Н.Толстого над рукописями "Войны и мира"// Яснополянский сборник. Тула, 1955.
- Рябов Г.Т. Смоленский край в период феодализма (вторая половина ХУП - первая половина XIX вв.). Смоленск, 1984.
- Сабуров А.А. "Война и мир" Л.Н.Толстого. Проблематика и поэтика. Изд. Московского ун-та, 1959.
- де Сегюр. Поход в Россию: Записки адъютанта императора Наполеона I. М., С. Г.
- Тартаковский А.Г. 1812 год и русская мемуаристика. Опыт источниковедческого изучения. М., 1980.
- Фортунов Н. Творческая лаборатория Л.Толстого. Наблюдения и раздумья. М., 1983.
- Шкловский В.Б. Материал и стиль в романе Льва Толстого "Война и мир". М.: Федерация, 1928.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
Глава первая. РАБОТА ТОЛСТОГО НАД ИЗОБРАЖЕНИЕМ СМОЛЕНСКОЙ ЭПОПЕИ 4-5 АВГУСТА 1812 ГОДА (т. III, ч. II, гл. I-IV)	5
I. В поисках исторических источников	6
II. Работа над философско-историческим введением	10
III. Обзор событий, его источники и творческая история	13
IV. Исторические источники о смоленском сражении в войне 1812 года. Использование их Толстым	19
V. Творческая история смоленских глав	19
I. Работа над эпизодом: письмо князя Андрея в Лысые Горы о близости неприятеля к Смо- ленску и реакция на него старого князя Николая Андреевича Болконского	19
2. Алпатыч в Смоленске. Уточнение цели по- ездки и местоположения Лысых Гор. Проводы. В дороге. Изменение дня приезда в Смоленск	21
3. У купца Ферапонтова	25
4. Алпатыч в Смоленске третьего и четверто- го августа 1812 года (первая завершенная редакция). Конспективность повествования	27
5. Упорная работа над изображением смолен- ских событий пятого августа 1812 года (четыре редакции)	29
1) Первый набросок	29
2) Первая завершенная редакция	31
3) Окончательная редакция. Новая картина об- стрела и оставления Смоленска неприятелю. Работа над эпизодом: Алпатыч на приеме у губернатора. Отказ от "кровавых" деталей. Работа над сценами патриотического порыва Ферапонтова и встречи Алпатыча во время пожара с князем Андреем. Живость и плас- тичность изображения	34

Глава вторая. СОЗДАНИЕ ТОЛСТЫМ КАРТИН ОТСТУПЛЕНИЯ РУССКОЙ
АРМИИ И ПАРТИЗАНСКОЙ ВОЙНЫ (т. III, ч. II,
гл. У, ХУ; т. IV, ч. III, гл. I-XI)

I. Документальная основа картин отступления русской армии	46
II. "Оживление" исторического материала при изображении приезда главнокомандующего Куту- зова в Царево-Займище	47
III. "... Партизанская война началась со вступле- ния неприятеля в Смоленск"	50
I. Толстой "не выдумывал, а пользовался материалами"	50
2. Использование "Дневника партизанских действий" Дениса Давыдова	52
IV. Творческая история партизанских глав	59
I. Работа над эпизодом: Денисов обращается к Кутузову с планом партизанской войны .	59
2. Партизаны Денисов, Долохов, Тихон Шести- палый в первой завершенной редакции.....	61
3. Упорная работа над философско-историческим обобщением о "дубине народной войны".....	63
4. Шесть вариантов партизанских глав	66
1) Переделка первой завершенной редакции...	66
2) Создание новой (третьей) редакции. Уси- ленная работа над образами Денисова, До- лохова, Пети Ростова, Тихона Щербатого..	68
3) Переработка третьей редакции. Создание четвертой. Продолжение работы над обра- зом Пети Ростова	75
4) Работа над образами Тихона Щербатого и Пети Ростова, отразившаяся в пятом чер- новике	79
5) Окончательная отделка написанного	81
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	101
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	104

Ирина Николаевна АНТОНОВА

Л.Н.ТОЛСТОЙ В РАБОТЕ НАД РОМАНОМ
"ВОЙНА И МИР"

(Смоленские главы. Источники и творческая история)

Учебное пособие

План института 1991 г., поз. 258

Редактор Л.В.Вутова

Подписано к печати 09.09.91. Формат 60 x 84 1/16. Бумага
писчая. Печать роталитная. Усл.п.л. 6,75. Уч-изд.л. 6,0.

Тираж 500 экз. Заказ 4305 Цена 2 руб.

Смоленская городская типография
Упрполиграфиздата Смоленского облисполкома
214 000 ул. Маршала Жукова, 16.

Цена 2 руб.